ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРИКВЕЛ КИНОХИТА

ЧУЖОЙ™

ЗАВЕТ

АЛАН ДИН ФОСТЕР

НАЧАЛО

Основано на сюжете
ДЖЕКА ПАГЛЕНА и МАЙКЛА ГРИНА
и сценарии
ДЖОНА ЛОГАНА и ДАНТЕ ХАРПЕРА
с использованием персонажей
ДЭНА О'БЭННОНА и РОНАЛЬДА ШУСЕТТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Миссия «Завета» – самое амбициозное мероприятие в истории «Вейланд-Ютани». Корабль, направляющийся к Оригаэ-6 и несущий две тысячи колонистов за пределы известного людям космоса, способен изменить судьбу Корпорации – и будущее всего человечества. Тем не менее есть те, кто готов умереть, лишь бы сорвать миссию. В то время, как «Завет» парит на околоземной орбите, несколько случаев насилия вскрывают ужасный заговор, направленный на саботаж запуска. К счастью, пока капитан Джейкоб Бренсон и его жена Дэниелс завершают приготовления к старту, начальник службы безопасности Дэниел Лопе вербует еще одного, ключевого для своей команды члена экипажа. Вместе они стремятся остановить преступников до того, как звездолет и его пассажиры могут быть уничтожены. Новый роман прославленного Алана Дина Фостера не только раскрывает перед читателями мир, остающийся за спиной отважных колонистов. Это официальная хроника событий, которые привели к происходящему в новейшей главе любимой миллионами киносерии «ЧУЖОЙтм».

- Алан Дин Фостер
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - Об авторе
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

Алан Дин Фостер
Чужой: Завет. Начало

Фрэнку и Барби, с благодарностью и дружескими чувствами

Alan Dean Foster
ALIEN™: COVENANT – ORIGINS

TM & © 2017 Twentieth Century Fox Film Corporation.
All Rights Reserved.

Пролог

Они все умирали и ничего не могли с этим поделать.

Умереть во сне было бы не так плохо. Смерть от старости, или неспособности к воспроизводству потомства, или даже от болезни была бы терпимой. Но космос – место холодное и безразличное, равнодушное к чьим-либо предпочтениям. И в этот конкретный момент времени космос был даже холоднее, чем когда-либо.

Тела раздирало на куски и расчленяло, они взрывались, и обезображенные скелеты громоздились кучами у стен зданий – подобно белой пене, принесенной волной. Кровавое цунами захлестнуло сперва одну улицу, затем другую. Обитатели города пытались отбиваться, но чем больше они сражались, тем быстрее умирали. Силуэты – твари, что метались среди людей, бушевали и сеяли уничтожение – были пропитаны непримиримым стремлением убивать.

И они убивали – эффективно, с ненасытной бездушной решительностью, будто пытались насытить неугасимую жажду бесконечной бойни – и не могли. Они убивали и будут продолжать убивать до тех пор, пока не останется ничего, что можно было бы назвать жертвой.

* * *

Все это время Пророк спал и кричал, а собравшаяся вокруг него группка последователей содрогалась, разделяя его видения. Они видели то же, что и он, и все больше укреплялись в решимости относительно того, что им необходимо сделать. Злу из тех видений, что обрушил на них Пророк, нельзя было позволить добраться до Земли.

Если им суждено умереть, чтобы это осуществить – они не промедлят. И они не промедлят, если потребуется убить во имя высшего блага.

1

Корабль ни за что не смог бы подняться с поверхности планеты. Но на земной орбите, где он дрейфовал, его масса не представляла собой проблемы – он был подобен спящему киту в бескрайнем темном океане.

Его двигателям не было равных в глубоком космосе, его автоматика была самой современной, его системы жизнеобеспечения имели резервные копии, а его предназначение… его предназначение было благородным. Основать колонию. Распространить семена племени человеческого за пределами одного маленького бело-голубого шарика, на котором люди когда-то обрели разум.

Также это позволяло избранным для путешествия к новому миру сбежать от коррупции, потребления, злоупотреблений и крайней степени загрязнения, что заполнили их дом, совершенно запущенный преступно-безразличными и беспечными предшественниками.

Устроившись в кресле для гиперпрыжка на борту шаттла и глядя в иллюминатор, Джейкоб Брендон продолжал восхищаться обводами «Завета». Он был его капитаном и это был его корабль. Его будущее. У него будет не слишком много возможностей помочь Матери – замечательному всезнающему и всевидящему корабельному ИИ – ибо Джейкоб будет находиться в состоянии анабиоза – в глубоком сне – до тех пор, пока они не достигнут далекого мира Оригаэ-6.

На протяжении маршрута они будут сбрасывать сверхсветовое ускорение несколько раз, чтобы перезарядить корабль – это было запланировано и являлось рутиной. Он предвкушал, что согласно приказу – если все пойдет так, как должно – он с командой будет вмешиваться в управление кораблем насколько мало, насколько возможно.

Он знал, что Индри Митхун за ним наблюдает. Сидящий напротив тощий и темнокожий человек постоянно притворялся, что подстраивает вычислительную линзу, присоединенную к его левому глазу. На самом же деле он изучал капитана. Он начал этим заниматься еще перед взлетом, прервался во время подъема, но продолжил в течение последующего полета – постоянный испытующий взгляд начал утомлять Джейкоба.

– Слушай, Митхун, если ты хочешь о чем-то спросить, если у тебя что-то на уме – ну, давай уже. Я не собираюсь тебя провоцировать.

В иллюминаторе позади представителя «Вейланд-Ютани»

было видно, как изогнутая кромка сияющей Земли поворачивается в ритме движения шаттла, пока компактный кораблик готовился к стыковке. Притворяясь безразличным, Индри изо всех сил старался казаться авторитетным, но в итоге его голос прозвучал весьма смущенно:

– Я не просил о назначении за тобой следить.

Джейкоб поджал нижнюю губу и глубокомысленно кивнул.

– А я не просил наблюдателя, так что мы на равных, – когда Митхун никак не отреагировал, раздраженный Джейкоб навязал тому продолжение разговора. – Итак, сказал наблюдаемый своему наблюдателю – если ты не против того, что твой подопечный тебя спросит – что именно ты во мне высматриваешь?

Представитель компании сглотнул, без нужды подстроил оборудование на глазу, поправил воротник рубашки под форменным пиджаком. Было похоже, что он не знает, чем занять руки. А взгляд суженных глаз Джейкоба только заставлял его суетиться еще больше. Снаружи, за иллюминатором, вращался завораживающий космос, словно пейзаж с колеса обозрения.

– Ты должен понять, капитан, что как бы сведущи ни были наши люди и машины в определении достоинств и ограничивающих параметров, но подбор команды для столь важного *предприятия*[1] неизбежно повлечет множество критики.

Джейкоб ласково улыбнулся.

– Мне бы хотелось, чтобы ты не использовал слово «предприятие», когда говоришь о миссии.

На этот раз Митхун потянулся к глазной линзе не наигранно. Выражение его лица изменилось, когда он сообразил, в чем дело, и осознал сказанное. Но Джейкоб остался разочарован. Он надеялся на реакцию в виде смешка или хотя бы улыбки. Впрочем, он уже понял, что рассмешить представителя компании нелегко.

– Шутка. Я понимаю, – ответил Митхун, так ничего и не поняв. – Полагаю, мне следовало воспользоваться другим термином, чтобы…

– Давай уже к делу, Митхун, – если поднять голову, то впереди перед шаттлом можно было разглядеть невероятный корпус «Завета» – все ближе. Представитель компании кивнул – было похоже, что ему полегчало, когда он избавился от необходимости изображать тактичность.

– Говоря напрямик: есть те, кто не уверен, что компания выбрала подходящую пару для того, чтобы возглавить миссию.

Теперь взгляд второго мужчины стал уверенным – Джейкоб встретил его, даже не моргнув.

– Миссию возглавляет Мать. Я – всего лишь человеческий

капитан, а моя жена – суперкарго. Второй после меня – Орам, а не она.

– Мы не так обеспокоены на счет Дэниелс, – твердо ответил представитель, – как встревожены относительно тебя.

– Ясно. И что же во *мне* так тревожит твоих беспристрастных «мы»?

Теперь Митхун улыбнулся, хотя и слабо.

– Есть те, кто считает, что ты слишком «взбалмошный». Недостаточно серьезный, чтобы тебе доверили командование таким большим и сложным делом.

Приблизившись к главному причальному ангару, шаттл замедлился. Легкая дрожь пробежала по телу Джейкоба, когда кораблик попал под влияние искусственного гравитационного поля «Завета», куда большего по размеру.

– На основании чего они пришли к научному заключению о том, что я – «взбалмошный»?

– На основании переписки, – Митхун отвел взгляд, снова ощущая себя не в своей тарелке. – Между тобой и другими. Она отражает чрезмерно восторженное отношение к вещам, не связанным с проектом. В компании есть те, кто считают, что твой энтузиазм – например, в отношении командного спорта, – может отвлекать твое внимание от обязанностей.

– Спорт, – Джейкоб наклонился к представителю компании так резко, что тот отшатнулся. – Слушай, одна из причин, по которым меня назначили командовать «Заветом», – это моя способность к эмпатии, умение понимать интересы спутников. Когда мы доберемся до Оригаэ-6, я должен буду заведовать основанием колонии. И для этого нужен совершенно другой набор навыков, чем требуется капитану космического корабля, – он откинулся обратно в своем кресле. – Компании был нужен некто, сочетающий в себе качества обоих специалистов. И они выбрали меня. Так что безымянные «те, кто считают» могут удавиться.

Когда шаттл опустился в ангар, пассажиры почувствовали мягкий удар. Джейкоб был рад возвращению полной гравитации. Пинать в невесомости было бы сложно, а ему все больше и больше хотелось передать именно такое послание заднице представителя компании.

«Расслабься, – сказал он себе. – Может, Митхун и зарабатывает за неделю больше, чем ты за год, но он всего лишь приодетый мальчик на побегушках. А ты, ты – капитан. Возвысься над мелочностью. Ты знаешь, на что способен и что ждет впереди. Будь уверен в своих возможностях, в своих знаниях, в своих навыках.

Будь уверен в том, что уже почти наверняка слишком поздно для “Вейланд-Ютани” заменять тебя кем-то другим».

– Просто возникло некоторое недовольство среди руководства, – Митхун продолжал говорить даже во время высадки. – Большинство довольно твоим назначением. Как, например, лично Хидео Ютани. Но среди руководства «Вейланд» есть те, кто считают необходимым заявить о себе.

– Ты шутишь, – ответил Джейкоб. – Это же теперь одна компания, «Вейланд-Ютани», – он прошел в главный коридор. – Я думал, что с этой чепухой уже покончено.

– Слияние компаний никогда не протекает легко, – пояснил Митхун. – Большинство тех, кто переживает объединение, быстро подчиняются новым обстоятельствам. Однако некоторые могут испытывать по этому поводу негативные чувства.

Джейкоб начал ощущать некоторую жалость к собеседнику и смягчил тон.

– Так что, эти несколько в правлении компании – они подвергают сомнению мою компетентность в управлении кораблем?

Ответ Митхуна прозвучал угрюмо:

– Они подвергают сомнению *все*.

– И потому тебя прислали ходить за мной хвостом, чтобы поглядеть, не взорвусь ли я под давлением эмоций до отправления.

– Что-то вроде того, – впервые с тех пор, как шаттл взлетел, на узком лице представителя компании показалась искренняя улыбка. В этот момент два стивидора, сопровождавших самоходный паллет с припасами, вынудили их прижаться к одной из стен коридора. После чего вновь прибывшие смогли продолжить путь. Освещение на «Завете» было ярким, но одновременно мягким – не резало глаз, но и не оставляло затемненных участков.

– Если не возражаешь, я спрошу – и как я справляюсь? – поинтересовался Джейкоб, когда они пошли дальше.

– За исключением определенной склонности к сарказму, – ответил Митхун, – я счастлив признать, что довольно хорошо.

– Отлично. Я бы очень не хотел быть уволенным прямо перед отправлением. Разумеется, когда я упакуюсь в гиперсон, это не будет иметь значения. Кроме как в случае непредвиденных обстоятельств незаконно будить колониста до того, как корабль достигнет пункта назначения, – он ухмыльнулся представителю компании. – Не думаю, что компания успеет оформить полномочия вовремя.

На этот раз Митхун не улыбнулся.

– Ты мне почти нравишься, капитан, – проговорил он, – так что я скажу тебе кое-что. Если в «Вейланд-Ютани» сочтут, что их инвестиции в каком-либо проекте – большом или малом – находятся под угрозой, нет границ тому, на что они могут пойти или пойдут, чтобы защитить свой интерес.

Резко остановившись, Джейкоб нахмурился и взглянул на собеседника.

– Ты говоришь, что они могут выдернуть меня из гиперсна и заменить даже на столь поздней стадии?

Митхун выпрямился, расправив все свои шестьдесят пять килограммов.

– Я говорю, что лучше бы тебе идеально исполнять обязанности капитана «Завета» и не делать ничего, что может вызвать неуверенность в твоей компетентности. Хотя бы до тех пор, пока корабль не пройдет орбиту Нептуна.

– Спасибо, – Джейкоб кое-как улыбнулся. – Я постараюсь действовать строго по правилам, пока мы не наберем полный ход.

– Я это ценю, – ответил Митхун, – поскольку это не только лучше для тебя, но и сильно упростит мой отчет.

– Чей отчет?

Оба мужчины повернулись, когда к ним подошла Дэниелс. Несмотря на то, что она была немного ошеломлена последними приготовлениями к отправке, вид у жены Джейкоба – суперкарго «Завета» и заведующей терраформированием – был спокойный и сосредоточенный. Именно этой сосредоточенностью она произвела впечатление на персонал «Вейланд-Ютани». Хотя она была ниже обоих мужчин, Дэниелс умудрялась выглядеть куда выше, чем была на самом деле. Ее окружала аура компетентности – того, чего, согласно словам Митхуна, не хватало ее мужу.

Там, где Джейкоб боролся за получение должности капитана, продираясь сквозь разнообразные проверки, Дэниелс проходила куда легче. Правда, его это никогда не беспокоило. Как бы то ни было, поскольку для корабля колонистов предпочтение отдавали парам, он вполне мог проскользнуть на место капитана благодаря непревзойденным способностям своей жены. Он знал, что они оба были основательно подготовлены. Разница между ними двумя была незначительна, разве что Дэниелс не была настолько… ну, «легкомысленной», как муж.

На глазах Митхуна они не стали целоваться. Нежности между членами команды откладывались до момента уединения. К тому же сейчас на это не было времени.

– Мой отчет, – голос представителя компании звучал извинительно.

Джейкоб ухмыльнулся жене и кивнул на собеседника.

– Мистера Митхуна назначили немного побыть моей тенью. Чтобы убедиться, что я не совершу никаких безумств, когда мы ляжем на курс. Или, что хуже – ничего легкомысленного.

Переведя взгляд темных глаз на представителя «Вейланд-Ютани», Дэниелс не упустила ничего. Она заговорила с той спокойной энергичностью, благодаря которой ее уже хорошо знали и члены корабельной команды, и армия рабочих, занятых подготовкой корабля к миссии.

– Получше за ним приглядывайте, – искренне сказала она. – Он безумно легкомысленный. Или легкомысленно безумный. Мне годами приходится с этим справляться, – прежде чем Митхун смог ответить, она добавила: – Также он лучший капитан колонизаторского корабля, какого только «Вейланд-Ютани» смогут найти. Можете мне поверить.

Джейкоб с любовью улыбнулся жене.

– Ты предвзята.

– Я права, будь я проклята. Компании повезло тебя заполучить. Мне повезло тебя заполучить. А тебе повезло заполучить меня.

– А если повезет мне, – добавил Митхун, изо всех сил стараясь расслабиться, – через пару дней я вернусь на твердую землю, подальше от этой угнетающей, хотя и ярко освещенной обстановки. Буду уверен в стабильности поверхности под моими ногами и в атмосфере, не обновляемой искусственным способом.

Джейкоб сочувствующе кивнул, тоже чуть расслабившись.

– Ну, ладно. Давай протащим тебя через назначенные проверки. Если будем двигаться быстро, то, может быть, даже успеем пристроить тебя на пустой грузовой шаттл, который уйдет следующим обратно к планете.

Готовность представителя компании была столь тверда, что казалось, ее можно было пощупать руками.

– Я буду счастлив улететь в качестве груза. Если необходимо, вы даже можете посадить меня в контейнер. Я с легкостью сознаюсь, что мне не нравится космос. Он темный, смертоносный и полностью лишает присутствия духа.

Дэниелс сдержала гримасу, когда ответила:

– Паршивый колонист из вас бы получился.

– «Колонист»… – Митхун содрогнулся от одной подобной мысли.

2

Пока они втроем продолжали импровизированную инспекцию, к ним присоединилась Люкке Кайса – коллега Митхуна. Хотя концентрация меланина в ее коже была куда скромнее, а сама девушка – на десяток сантиметров выше, все же она была женским эквивалентом представителя компании. И, если задачей Митхуна была оценка команды «Завета», то Кайса проверяла сам корабль.

Когда Джейкоб и Дэниелс обсуждали детали предполетной подготовки, Кайса дополняла комментарии капитана и суперкарго устойчивым потоком цифр, дат и трактовок. Неизбежным заключением, порадовавшим всех заинтересованных, было то, что все шло примерно согласно плану и по расписанию.

Дэниелс заведовала складами, запасами и поставками – как на корабле во время путешествия, так и при последующем основании колонии на Оригаэ-6. Имелась лишь одна раздражающая ее недоработка относительно команды, и Дэниелс чувствовала искушение указать на нее двум представителям компании. Так она и сделала, пока четверка продолжала путь по коридору, стараясь не мешать постоянному потоку грузоподъемников, установщиков оборудования, электриков, прокладчиков электрических трасс и прибывающих колонистов.

– Как вы можете видеть, все идет по расписанию, – сказала она. – Колонистов погружают в гиперсон для путешествия, и, помимо недоукомплектованной службы безопасности, экипаж корабля полностью готов, – она помедлила, затем добавила: – За исключением еще одного члена.

Она остановилась в отсеке гиперсна экипажа возле капсулы, которую должна была позже занять вместе с Джейкобом, и провела рукой по краю открытой прозрачной крышки.

– Команда на «Завете» небольшая, – продолжила она. – И, поскольку во время полета большинство функций осуществляет Мать, в большом количестве людей нет необходимости. К настоящему моменту мы все уже отлично знаем друг друга, но до сих пор нам не хватает одной очень важной особы.

Поглядев на нее, Кайса понимающе кивнула.

– Вашего синтета все еще готовят.

Джейкоб легко отмахнулся.

– Нам это говорили. Раз за разом. Он – а я предполагаю, что серия «Дэвид» все еще преимущественно мужского пола – должен был быть на борту и работать с нами еще несколько недель назад.

Два представителя компании переглянулись. Митхун явно снова испытывал неловкость.

– Ваш механизм… улучшают. С тех пор как объявили о потере «Прометея», все усилия направлены на то, чтобы миссия «Завета» была оснащена самыми последними технологическими достижениями и разработками, – он указал на ярко освещенную стерильную обстановку командного отсека гиперсна. – Это желание компании касается всех аспектов корабельных систем – *включая* назначенного синтета.

– Поскольку компания лишилась гения самого Питера Вейланда, на которого можно было бы положиться, – продолжил Митхун, – и поскольку «Ютани» никогда не специализировалась на синтетах, было принято решение, что следует потратить на разработку больше времени. Мы хотим быть абсолютно уверены, что ваш синтет лучший из всех возможных вариантов, а потому его появление на борту сопряжено с небольшой задержкой.

Он взглянул на коллегу, чтобы она подтвердила.

Хотя манеры Кайсы были столь же формальными, ее улыбка оказалась более обаятельной, чем у напарника.

– О приближающейся дате отправления в «Вейланд-Ютани» знают все. Будьте уверены, что «Завет» не полетит до тех пор, пока не будут выполнены все требования, а каждый компонент основательно не проверят. Мы знаем о том, как важно установить доверительные рабочие отношения между синтетом и командой. Даже несмотря на то, что он будет работать тогда, когда все вы будете находиться в гиперсне.

До тех пор пока вы не прибудете в пункт назначения, у вас не возникнет необходимости с ним взаимодействовать – помимо запланированных моментов пробуждения для перезарядки и общего обслуживания корабля. Впрочем, вы можете быть уверены, что у вас еще будет время до отправки, чтобы встретиться и познакомиться с вашим синтетом.

– Я не хочу играть с ним в покер, – проворчала Дэниелс. – Просто он является важнейшей частью оборудования. У меня есть огромная декларация, которую надо подписать, а он – во главе списка. Мне бы хотелось уже поставить галочку рядом с его именем.

Ощутив растущее напряжение, Джейкоб вмешался.

– Мы не пытаемся подстегнуть компанию, – он широко улыбнулся. – Просто моя жена – ярая сторонница упорядочивания мелочей. Она не сможет спать спокойно до тех пор, пока все оборудование и припасы не окажутся на борту и не будут сосчитаны – будь то синтет или полпачки сушеного гороха. Компания наняла ее за основательность… – он взглянул на

Дэниелс. – А не за тактичность.

– Эй! – ее глаза сверкнули. – Я могу быть тактичной. Даже колотя по упрямым головам, если это способно помочь делу.

Митхун взмахнул рукой, когда они приблизились к двери.

– Думаю, мы можем продолжать нашу работу, – он подстроил кольцо с записывающим аудиовизуальным устройством на правом указательном пальце. – Я получаю все необходимое для моего рапорта. Кайса получит все необходимое, чтобы составить свой отчет, а вы получите все необходимое, чтобы проставить галочки в декларацию до того, как «Завет» покинет орбиту Земли. Спите спокойно.

Дэниелс это успокоило лишь отчасти.

– В любом случае, спать мы будем долго – это точно. Но чем скорее синтет окажется на борту и мы с ним познакомимся, тем скорее я расслаблюсь.

Джейкоб многозначительно посмотрел на жену.

– Ты не расслабишься до тех пор, пока не окажешься дома на Оригаэ-6, а «Завет» не будет ржаветь на поверхности планеты.

Она пихнула его в ребра.

– Довожу до вашего сведения, Капитан Безумное Легкомыслие, что я…

– У нас проблема.

Дэниелс прервал подошедший сержант Халлет. Его начальник, сержант Лопе, все еще находился на Земле, работая над тем, чтобы закрыть последнюю вакансию в корабельной команде безопасности, так что сейчас Халлет был старшим офицером охраны на борту. Хотя ранее он принимал участие в реальных боевых действиях, он не был похож на настоящего вояку. У него было нежное лицо со светлой бородкой, и он был весьма далек от соответствия образу высокого мускулистого солдата из объявления о вербовке.

Он не был похож на кого-то, кто защитит команду от плотоядных чужеродных форм жизни или бродячих космических пиратов, он скорее напоминал хорошего собеседника на послеобеденное время.

Но Дэниелс видела его интервью и видео с тренировок, так что знала, что внешний вид обманчив. Несмотря на мягкую внешность, он мог быстро двигаться, демонстрировал чрезвычайную выносливость и знал, как себя вести в неожиданных ситуациях. На деле его изящное сложение было плюсом, поскольку ему не требовалось столько пищевых ресурсов, сколько необходимо, чтобы поддерживать массу мускулов.

Заодно Халлет был незаметным. Когда он спокойно

вклинился в беседу между капитаном, суперкарго и представителями компании, его обманчиво безмятежная внешность не привлекла внимания рабочих, что суетились вокруг. Команда из мужа и жены слегка удивилась вмешательству сержанта. Два инспектора «Вейланд-Ютани» продемонстрировали смесь раздражения и смущения.

* * *

Халлет бросил на представителей компании быстрый оценивающий взгляд. Он бы предпочел доложить только Джейкобу и Дэниелс, но, похоже, сейчас такой возможности не было. Учитывая срочность дела, медлить было нельзя.

– У нас проблема, – повторил он. – В главном грузовом отсеке.

Дэниелс тут же оживилась. Грузовой отсек медленно заполнялся оборудованием для терраформирования – от гигантских культиваторов и атмосферных водяных конденсаторов до тяжелых механических экскаваторов – и в первую очередь она несла ответственность именно за него. Все, что происходило с грузом или хоть как-то груза касалось, тут же вызывало у Дэниелс интерес.

– Проблемы с габаритными грузами? – предположила она. Неделю назад погрузка едва не застопорилась, когда несколько рабочих едва не передрались между собой споря, куда поместить двухэтажный бур сложной конструкции. Ни один не желал видеть машину в своей зоне, так что Дэниелс пришлось лично вклиниться между двумя мужчинами, чтобы предотвратить драку. Проблема решилась, когда она успокоила каждого по отдельности, заверив обоих, что они были правы, после чего перенаправила бур на совершенно другой участок, не относящийся к их зонам ответственности.

Халлет встретил вопросительный взгляд Дэниелс. Несмотря на то, что внешне он был спокоен, она заметила, что безопасник слегка вспотел. Прежде, чем продолжить, он бросил еще один беспокойный взгляд на двух смущенных представителей «Вейланд-Ютани».

– У нас там засел взбунтовавшийся техник. Во всяком случае, мне сказали, что он техник. У меня пока не было времени проверить его файлы, потому что я был слишком занят, не давая ему взорвать дверь ангара.

Джейкоб моргнул.

– Извини, Халлет, что?

Сержант энергично кивнул и огляделся, чтобы убедиться, что помимо их маленькой группы его никто больше не слушает.

– Парень говорит, что он заминировал главный дверной механизм, и что взорвет дверь целиком, если отправление корабля не отменят.

Ошеломленный Митхун выпалил то, что все и так знали:

– Но на борту нет никого, кто обладал бы такими полномочиями – их нет даже у капитана, – он убавил голос, и добавил, обращаясь к Джейкобу: – Без обид.

– Никаких обид, – откликнулся капитан, основное внимание уделяя Халлету. – Ты прав. Только правление могло бы отменить или отложить миссию. И этот парень, скорее всего, тоже это знает.

Сержант снова кивнул.

– Он требует, чтобы вы связались с правлением корпорации и заставили их прекратить подготовку. Заодно он хочет медиадоступ через корабельные системы. Он утверждает, что у него есть сообщение, которое необходимо транслировать на весь мир.

Кайса пришла в ужас.

– Вы не можете этого сделать! Кем бы ни был этот сумасшедший, мы не можем дать ему планетарную трансляцию, чтобы распространять его идеи! – она постаралась овладеть собой, и добавила: – Не то чтобы его речь могла бы оказать влияние на программу колонизации, но это было бы плохой…

– …рекламой, – закончил за нее столь же взволнованный Митхун. Он тяжело уставился на Халлета. – Вы отвечаете за безопасность корабля. Как этот человек с взрывчатыми веществами попал на борт?

Дэниелс ответила прежде, чем успел Халлет:

– Взрывчатые вещества, предназначенные для расчистки и раскопок, являются частью груза для колонии. Этому человеку не было нужды приносить их с собой – если он нашел способ открыть замки и пробраться мимо охраны ангара. Так он получил доступ к уже имеющемуся на борту.

– Но как он мог это сделать? – спросила Кайса.

– Я обязательно у него это спрошу – после того, как мы удержим его от того, чтобы взорвать важную часть корабля, – едко ответила Дэниелс. – Если этот парень настроен решительно и прихватил достаточно взрывчатых материалов, то он может взорвать не только дверь грузового ангара. Он может повредить заодно и обшивку «Завета». Это отодвинет старт на месяцы. А еще из-за разгерметизации наружу вылетит все, что не закреплено и не упаковано должным образом для путешествия. Изрядная доля

оборудования – особенно специальные машины для терраформирования – была изготовлена на заказ, а не взята с конвейера. И чтобы все заменить, могут уйти *годы*. Этот парень, вероятно, тоже все это знает, – она посмотрела на Халлета. – Идем.

Митхун сделал шаг вперед, словно собираясь пойти за ней.

– Вы намерены попытаться его отговорить?

Ее ответ прозвучал обыденно:

– Если у сержанта Халлета не получится точно прицелиться, да, я с ним поговорю. Сначала надо посмотреть, какой тип взрывчатки он использовал. Если там что-то, что рванет даже если его свалят, то упреждающее лишение головы не сработает.

Она развернулась и поспешила прочь, на ходу забрасывая Халлета вопросами.

* * *

Теперь подошла очередь Кайсы попытаться последовать за ними. Джейкоб протянул руку и мягко, но настойчиво ее удержал.

– Мы ничем не поможем и будем только мешать. Предоставьте это моей жене. Она знает грузовой отсек и груз куда лучше, чем кто бы то ни было на борту.

Явно обеспокоенная, высокая представительница компании тяжело сглотнула.

– Я думала… Я думала, что, возможно, если бы мы с Митхуном присутствовали там, мы могли бы с ним поговорить. Являясь высокопоставленными представителями компании, мы могли бы сделать ему предложение, чтобы он отказался от своей затеи. Деньги, платформа, посредством которой в будущем он мог бы спокойно выразить свои взгляды – что угодно, лишь бы он отказался от осуществления задуманного.

Джейкоб ответил доброжелательно, но твердо:

– Мы не знаем, на кого он работает или чего еще он может хотеть помимо отмены миссии. Если «Вейланд-Ютани» не готовы публично соглашаться на его требования, то не похоже, что вы бы сильно преуспели, пытаясь его убедить. – Поскольку представительница компании все еще сомневалась, капитан добавил: – К тому же вы хотите, чтобы дело получило как можно меньшую огласку, не правда ли?

Митхун пробормотал вслух:

– Как вы сохраните «лишение головы» в секрете?

Джейкоб ободряюще положил руку ему на плечо.

– Халлет уже очистил зону. Ни у кого из рабочих в грузовом

отсеке нет доступа к системе связи «корабль-планета» «Завета», так что они не могут связаться ни с кем на Земле. После того как все закончится, мы соберем их всех вместе и объясним, что будущее миссии, как и количество рабочих мест, будет под угрозой, если не сохранить этот инцидент в секрете, – он сделал паузу. – И нам не потребуется уточнять – чьих рабочих мест. Думаю, что мы сможем удержать все это под крышкой.

Кайса с одобрением на него посмотрела.

– Я и не думала, что связи с общественностью входят в компетенцию капитана космического корабля.

Он слегка улыбнулся.

– Значит, вы не знаете, сколько осторожных ответов мне приходилось давать на протяжении десятков интервью за прошедшие несколько лет, – он посмотрел мимо нее, и выражение его лица стало угрюмым. – Разумеется, будет куда проще справиться с последствиями, если у Дэни получится решить проблему и сохранить корабль в целости.

Митхун посмотрел на него с любопытством.

– Похоже, ты не слишком волнуешься о безопасности твоей жены.

– Не то чтобы я не волновался, – спокойно ответил ему Джейкоб. – Но я полностью уверен в ее способностях. Я знаю, что она справится. Халлет тоже отлично подготовлен и абсолютно компетентен – несмотря на то, что глава нашей службы безопасности сейчас на Земле, – капитан указал на другой коридор. – Давайте пройдем на мостик. Мы сможем оттуда за всем проследить.

Пока Джейкоб указывал дорогу, представители компании нервно переговаривались между собой. Он сказал им именно то, что думал: предотвратив катастрофу, будет возможно удержать все в стенах корабля. При необходимости будет достаточно немного приврать, чтобы успокоить все тревоги. Точно так же, как он только что соврал Митхуну.

Хотя он этого не показывал, Джейкоб волновался до дурноты.

3

План запустили в действие. Решение приняли единодушно. Если в результате на «Завете» кто-то умрет, то это для того, чтобы могли жить миллиарды.

Все средства были хороши, чтобы предотвратить отлет корабля колонистов. Действия нельзя было откладывать дальше. Дата старта внеземной миссии приближалась с каждым днем. Каждый оборот Земли олицетворял упущенные возможности. Они были вынуждены начать свою работу.

Если иногда кто-то из них проявлял неуверенность и медлил, его решимость легко подкреплялась извне. Человек исчезал на короткое время и подвергался полной сенсорной бомбардировке видениями Пророка. После этого нерешительный последователь возвращался, а его смелость удваивалась.

Ужас был сильным стимулом.

* * *

– Ты в порядке?

Дэниелс задала вопрос своему спутнику, пока они спешили по коридорам корабля. Ей было бы спокойнее, если бы Лопе был на корабле, но начальник службы безопасности «Завета» находился на поверхности планеты, пытаясь найти последнего члена для своей команды. Не то чтобы Халлет был некомпетентным – напротив. Как и представители экипажа, все работники службы безопасности отбирались согласно совокупности воинских умений, физических данных и образа мыслей – последнее окажется особенно важным, когда они прибудут на Оригаэ-6, и охранники станут первыми полицейскими колонии.

Вместо того чтобы ответить, Халлет только коротко кивнул.

Рядовые Коул, Ледвард и Анкор ждали их у входа для персонала в огромный грузовой отсек. Все они были в скафандрах. Пока Дэниелс переводила дыхание, Халлет спросил у своей команды:

– Что-нибудь изменилось?

Анкор отрицательно мотнул головой; большую винтовку F90 он держал перед собой. Дэниелс уже достаточно пришла в себя, чтобы заметить, что оружие снято с предохранителя. И ей не нужно было спрашивать, отрегулирована ли мощность оружия так, чтобы его можно было использовать на борту космического

корабля.

– Ничего, – ответил Анкор. – Он все еще там, у главного погрузочного люка, позади какой-то штуки с шестью колесами и кабиной такой толщины, что ее не проткнуть ничем, кроме очереди из мощного пробойника. Который здесь все равно нельзя использовать.

– Даже если получим разрешение открыть огонь, мы не сможем аккуратно прицелиться, – добавил Ледвард. – Он держит перед собой обслуживающего техника и…

– Погодите минутку, – прервала его Дэниелс. – У него есть заложник? – когда Халлет кивнул, она обожгла его взглядом. – Ты нам этого не сказал. Какого черта ты нам об этом не сказал?

Голос сержанта ничуть не изменился.

– Ты правда хотела бы, чтобы два официала из компании это услышали? И без того оба выглядели так, словно у них вот-вот случится сердечный приступ.

С этим Дэниелс согласилась.

– Верно. Ладно, значит есть заложник. Как он себя ведет?

– Она, – поправил Анкор. – Довольно неплохо, учитывая, что она находится в руках психа, который в любой момент может взорвать их обоих.

Мысли Дэниелс заметались.

– Есть какие-нибудь шансы, что она сможет вырваться?

Ледвард фыркнул.

– Разумеется. Только прежде он разнесет ей затылок. Насколько мы видели, у него с собой только пистолет, но этого хватит. Тяжелого оружия нет, но оно и не потребуется, если он взорвет дверь.

– Похоже, что его собственная жизнь его не заботит, – добавил Халлет.

– Остальные части ангара очищены? – надавила на него Дэниелс.

Сержант кивнул.

– На мониторах видно, что все оборудование стоит пустым, а в служебных проходах никого нет. Внутри никого не осталось – кроме этого безумца и его заложницы. Кем бы он ни был, он решился на это в одиночку, – Халлет на миг умолк, потом продолжил: – Поскольку это ситуация угрозы безопасности, она относится к моей сфере ответственности – но я знаю, что у вас на борту представители компании. Плюс, – он махнул в сторону огромного склада по ту сторону двери, – я знаю, что ты отвечаешь за каждую хранящуюся там часть оборудования, вплоть до последнего самореза. Поэтому я не хочу ничего предпринимать без твоего согласия на мои действия. Есть идеи относительно

того, как ты хочешь начать?

Она подумала.

– Ты сказал, он утверждает, что заложил в ангаре взрывчатку. Нам известно, какого она типа?

Халлет переглянулся с членами своей команды, прежде чем снова посмотреть на Дэниелс.

– Без понятия. Он в детали не вдавался. Он *сказал*, что заложил заряды в нескольких местах.

Напряженно думая, Дэниелс кивнула.

– Похоже, не врет. Чтобы взорвать главную дверь, взрывчатки понадобится довольно много. Так что… много зарядов в разных местах. Чтобы пробить дыру в большой двери, ему нужно взорвать их все одновременно – или во всяком случае, бóльшую часть. Это подразумевает, что он использует какой-то дистанционный детонатор.

Глава службы безопасности взглянул на нее оценивающе:

– Ты уверена, что никогда не работала в службе безопасности? – спросил Халлет.

Она озабоченно помотала головой.

– Когда дело касается моей секции, моего груза и моей ответственности, я стараюсь все основательно продумать, – она подняла глаза на сержанта. – Дистанционный детонатор подразумевает трансляцию какого-то исполнительного сигнала. Инфракрасный требует линии видимости. Короткие радиоволны лучше подходят, – она по очереди оглядела каждого. – Если мы не сможем помешать его действиям, может быть, получится помешать работе его устройства.

– Как нам это сделать? – палец молодого Ледварда подрагивал на спусковом крючке. Все, чего он хотел – это получить возможность аккуратно выстрелить в саботажника. Но мониторы показывали, что цель спряталась в отличном укрытии. Каким бы ни было обоснование действий террориста, был ли он безумен или нет, но тот человек не был глупцом. Дэниелс сняла с пояса коммуникатор:

– Теннесси, ты там?

Ответ с мостика последовал незамедлительно:

– Там, где и должен быть, дорогуша, – откликнулся пилот корабля. – Я слышал, что у нас… э, происшествие в главном грузовом отсеке.

– Какой-то псих установил заряды взрывчатки на главную дверь и взял заложника. На мониторах видно, что он укрылся так, что охрана не может к нему подобраться, – она достала свой мультифункциональник и проверила новые данные. – Согласно сканерам, у него в перчатке на правой руке установлена какая-то

мелкая электроника нестандартного типа, а в правом ботинке еще что-то, с гибкой батареей. Нам нужно его вырубить.

– Говори, что мне делать, – со своей позиции на мостике, действуя независимо или в тандеме с Матерью, Теннесси и его жена – второй пилот – Фарис могли контролировать все системы «Завета».

– Инструментарий корабля позволяет дистанционно настроить или запрограммировать все оборудование для терраформирования, перед тем, как оно будет выгружено на Оригаэ-6, – сказала Дэниелс. – Все это должно работать и сейчас. Я хочу, чтобы ты залил весь грузовой отсек пульсацией электромагнитного поля. Задави локальный спектр помехами – направь передачу остросфокусированным пучком. Это должно заглушить любую частоту, какую может использовать наш злополучный гость со своими перчаткой и ботинком. Электромагнитная заглушка взрывчатку не разминирует, но если у него в перчатке или в ботинке скрыт детонатор, то воспользоваться им он не сможет.

– Это твоя просьба, дорогуша? – в голосе Теннесси звучало откровенное сомнение. – Полная заглушка собьет настройки всех неэкранированных инструментов у всего оборудования в ангаре. И те, что сейчас включены, придется полностью перепрограммировать.

Дэниелс натянуто улыбнулась.

– Не то чтобы у нас не хватает на это времени. К тому же, когда дело касается перепрограммирования, Мать способна на очень многое. Пока же я беру на себя полную ответственность за этот план действий, – она заметила, что Халлет внимательно на нее смотрит.

– Что будет, если это не сработает? – спросил сержант.

Она пожала плечами.

– Тогда я буду должна «Вейланд-Ютани» новую дверь для грузового ангара, а мы с Джейкобом, скорее всего, будем делать карьеру где-то еще, – она оглядела оставшихся членов команды. – Все – одеваемся. Как только оказываемся внутри – пристегиваемся кабелями. Если план не сработает, и он взорвет дверь, мы хотя бы не полетим наружу вслед за оборудованием, – она снова воспользовалась коммуникатором. – Через пять минут, Теннесси.

Она повернулась к ждущей приказов команде охраны:

– Давайте двигаться, и не забудьте про страховочные тросы. У меня не будет возможности ловить кого бы то ни было, пролетающего мимо. Через пять минут и две секунды, заходим внутрь… тихонько.

Халлет кивнул.

– Парень нас не увидит, а вот мы его видеть будем – на мониторах скафандров, – Дэниелс мрачно на него посмотрела, и он тут же добавил: – Мы не будем делать ничего, что поставит под угрозу заложника.

– Я на это рассчитываю, – сказала Дэниелс. – И иду с вами.

Она вытащила скафандр из шкафа у двери, забралась внутрь и позволила коренастому рядовому Коулу помочь ей приладить шлем.

– Передатчики скафандров тоже работать не будут, так что мы не сможем общаться с Матерью. И нам придется использовать неавтоматизированные мембраны, чтобы говорить друг с другом. Как только установим контакт с этим психом, я постараюсь с ним договориться.

– Мы это уже делали, – тихо проронил себе в густую бороду Коул. – Как тебе известно, немного пользы это принесло.

– Может, у меня получится более убедительно, – Дэниелс проверила уровень громкости коммуникатора, переведенного в ручной режим. – Если даже ничего и не выйдет, вы сможете занять позиции, пока я его отвлекаю.

– Если он сперва не решит убить заложницу, – пробормотал Ледвард.

– Если он ее убьет – потеряет свою защиту, – обронил Анкор, проверяя винтовку.

– Учитывая его угрозу взорвать главную дверь, пока он стоит рядом с ней, – мне не кажется, что его слишком волнует, будет он жить или помрет, – напомнила Дэниелс. – Все, чего он хочет, – это осуществить свою миссию, помешав «Завету» осуществить свою. И транслировать какую-то там пропаганду, которую он придумал на скорую руку. Но мы этого не допустим.

Она повернулась к Халлету:

– Время.

Тот кивнул. Подняв винтовку, он занял позицию у двери, что вела в ангар. Как Дэниелс и предположила, мощность F90 была установлена в безопасный для использования на корабле режим.

Через пять минут и две секунды Ледвард открыл дверь. Коул вошел первым с поднятой винтовкой. Оказавшись внутри, он легко мог сместиться влево, чтобы не загораживать проход. За ним последовал Анкор и отошел вправо. Если потребуется, они смогут прикрыть выстрелами остальных. Халлет, Ледвард и, наконец, Дэниелс тоже быстро вошли в грузовой отсек. Один за другим они пристегнулись к страховочным тросам, которые должны были разматываться позади. Если вдруг произойдет взрывная разгерметизация ангара, кабели не позволят им

вылететь в космос.

Вокруг громоздились горы контейнеров с припасами, которые были очень нужны при основании колонии. Дальше, в похожем на пещеру ангаре, стояло множество машин – для добывания руды, обработки почвы, ирригации, сева зерновых и строительства. Хотя основная масса припасов и оборудования уже находилась на борту, погрузка еще не была окончена. Из-за этого далеко не все в грузовом ангаре было закреплено соответствующим образом для космического путешествия. Если взорвется дверь ангара, то множество дорогостоящих запасов «Вейланд-Ютани» превратится в массу бесполезного орбитального мусора.

Дэниелс попробовала воспользоваться передатчиком скафандра. Как она и надеялась, устройство отозвалось статическим разрядом при попытке использования всех переговорных частот. Теннесси выполнил свою работу, но в земной атмосфере ангара мембрана ее шлема работала отлично.

– Где? – прошептала она Халлету.

Сержант всегда следил за речью, а сейчас был еще более экономен в выражениях. Удерживая F90 на сгибе левого локтя, правой рукой он указал направление, затем дал сигнал своей команде выдвигаться.

Используя язык жестов, маленькая группа рассредоточилась и направилась к дальней части грузового отсека. Им удалось пройти достаточно большое расстояние, прежде чем их обнаружили.

– Достаточно! Оставайтесь там!

Дэниелс увидела, что поднявший переполох мужчина был не слишком крупным – и обладал чрезвычайно невпечатляющей для террориста внешностью. Он был не выше ее ростом, с прямыми черными волосами и залысинами на лбу, имел черты лица, типичные для азиата, был худощав и носил стандартную униформу обслуживающего экспедицию техника. В руке он сжимал пистолет. У женщины средних лет, которую он держал перед собой, были полуседые волосы – явно влияние возраста, а не моды. Невысокая, с расширенными глазами, она была очень напугана.

Появление Дэниелс, по обе стороны от которой стояли четыре члена службы безопасности «Завета» с очень большими пушками, никак не ободрило заложницу. Ни у нее, ни у человека позади не было скафандров.

Халлет слегка наклонился к Дэниелс:

– Заложница идентифицирована как Кара Престович – нанята компанией для установки корабельных систем перед отправкой. Она техник четвертого класса.

Дэниелс кивнула и сделала два шага вперед. Когда она это сделала, саботажник прижал дуло пистолета к голове женщины. Престович издала придушенный вскрик и закрыла глаза. Дэниелс отчетливо видела, что губы заложницы шевелятся в беззвучной молитве.

– Спокойнее, друг, – мембрана ее шлема позволяла словам звучать четко поверх тихого механического жужжания – единственного звука в грузовом ангаре. Учитывая серьезность ситуации, яркий неэлектрический свет, что освещал ангар и его содержимое, казался нереальным.

– Я тебе не друг! – мужчина облизнул губы. Его взгляд метался по всем направлениям, стараясь обнаружить других потенциальных нападающих. – Я не позволю тебе сбить меня с толку. «Вейланд-Ютани» должна объявить конец предприятию Оригаэ-6. Если это не будет транслировано на всю планету в течение ближайшего получаса, я активирую передатчик в моем ботинке и взорву все СТ-12, которые я разместил в ключевых точках главной двери этого отсека, – он опустил глаза.

– Вы все в скафандрах и со страховкой, – продолжил он. – Вероятно, вы выживете – хотя, может, и нет. Даже если выживете, у компании уйдут месяцы на то, чтобы починить дверь и заменить потерянное оборудование. А тем временем мои коллеги найдут способ указать всем представителям СМИ на пробел в вашей безопасности, а это приведет к отмене миссии. Так или иначе, компания оказывается в проигрыше, а миссия отправляется на свалку.

Он подтолкнул заложницу – та снова громко выдохнула, и ее губы зашевелились быстрее.

– Я готов умереть за свое дело, – сказал он. – Эта женщина – нет. Выбор за вами.

Дэниелс сжала губы.

– Выбор уже сделан.

Впервые за все время человек выказал неуверенность.

– О чем ты говоришь? Я выбираю, как все пойдет дальше, только я!

Халлет не выдержал:

– Уже нет, *manuke*.[2]

Дэниелс глубоко вдохнула.

– Вся электроника в ангаре заглушена. Ты мог заметить, что вместо того, чтобы использовать встроенные передатчики, для переговоров я и мои товарищи пользуемся мембранами шлемов, – она указала на его ногу. – Ты можешь топать ногой, сколько угодно, можешь хоть джигу сплясать, но твой детонатор не сработает.

Выражение лица саботажника отразило целый спектр изменений – от уверенности к неуверенности, затем к панике, прежде чем снова выразить неуверенность.

– Откуда ты знаешь, что у меня не механический детонатор?

Дэниелс рискнула изобразить обезоруживающую улыбку:

– Корабельные сканеры показали, что у тебя электроника в перчатке и в ботинке. Она бы не потребовалась, если бы ты полагался на простую механику. К тому же детонатор давления не имеет смысла. Слишком велик у него шанс случайно сработать в неправильное время, – она сделала паузу, а ее улыбка стала более мрачной. – Но я не была до конца уверена. Зато я уверена теперь. Если бы у тебя был датчик давления, ты бы его даже не упомянул. Ты бы сейчас просто притопнул ногой.

Неожиданно он нагнулся, чтобы коснуться каблука на правом ботинке, и ударил по нему кончиками пальцев левой руки. Дэниелс вздрогнула. У солдат вокруг нее напряглись пальцы на спусковых крючках, но без приказа Халлета никто не выстрелил: хотя каждый из них был готов снять террориста, безопасность заложника оставалась главным приоритетом.

Саботажник явно ожидал, что умрет, а потому, когда ничего не произошло, он выглядел потрясенным. Он шлепнул по ботинку второй раз, третий, потом ухватился за него и яростно потер правым указательным пальцем по каблуку. Ничего не случилось. Массивная дверь за его спиной не взорвалась, не вылетела наружу, даже не заискрила.

Дэниелс вытянула к нему руку ладонью вверх.

– Все кончено. Отпусти мисс Престович, положи пистолет и жди там.

Халлет сообщил:

– Когда мы обнаружили систему детонаторов, его заодно просканировали на наличие взрывчатки на теле. На нем ничего нет. Или в нем, – сержант внимательно посмотрел на сбитого с толку террориста. – Также мы не обнаружили никаких взрывчатых веществ в его пистолете, так что мы думаем, что это игломёт или что-то подобное.

Коул проворчал:

– Без грохота, зато смертоносно, – подняв винтовку, он шагнул к запаниковавшему террористу. – Правда, игломет не пробьет скафандр.

– *Kono yarou!*[3] Назад! Не подходите! – удерживая заложницу между собой и командой охраны, касаясь спиной слегка изгибающегося корпуса корабля, саботажник начал отходить влево, по направлению к левой части грузового ангара. Халлет молча подал знак двум своим людям. Те кивками показали, что

поняли, и начали перемещаться вправо, стараясь зайти цели в тыл. Дэниелс тем временем подняла руку и снова с ним заговорила:

– Куда ты направляешься, *bakayaro*?[4] Ты не сможешь уйти с «Завета» и не сможешь спрятаться на борту. Мать найдет тебя, куда бы ты ни забился. Отпусти мисс Престович, сложи оружие, и я обещаю, что лично прослежу, чтобы тебе можно было как-то помочь, – она бросила Халлету предостерегающий взгляд, прежде чем снова обратиться к террористу. – Тебе не причинят вреда. Ты пока ничего особенного не сделал. Взял заложницу и ей угрожал. Разместил неактивные заряды взрывчатки. Ты не нанес ущерба и никому не повредил.

Она изобразила то, что, как она надеялась, выглядело очаровательной улыбкой.

– Если ты расскажешь представителям власти, кто тебе помог это устроить, то можешь отделаться самым мягким приговором.

Игнорируя ее просьбы, он продолжал двигаться, пока не достиг изгиба стены. Точно того места, где ждали двое охранников.

С учетом его не слишком выдающегося телосложения, они ожидали, что с ним будет легко справиться. И совсем не ожидали, что он окажется так силен – стимуляторы в совокупности с фанатичной приверженностью идее сделали свое дело.

Когда они его настигли с намерением взять живым, он грубо отшвырнул кричащую заложницу – та врезалась в ближайшего солдата, и оба рухнули на пол. Когда второй охранник постарался отступить и поднять оружие, саботажник прыгнул. Двумя ногами он ударил в центр скафандра противника – в область солнечного сплетения – с такой силой, что второй охранник упал без сознания. Его напарник успел подняться, пытаясь отцепить от себя обезумевшую от ужаса Престович, но техник ударил его ногой с разворота в голову.

Удар был достаточно мощный, чтобы отбросить безопасника к стене. Его голова ударилась о шлем внутри с одной стороны, отлетела к другой, и после этого двойного сотрясения человек упал на палубу, потеряв сознание.

Не упустив ни мгновения, кажущийся невзрачным незваный гость нагнулся и схватил Престович за запястье. Он рывком поднял ее на ноги и тут же снова ей прикрылся, как щитом.

Дэниелс заметила, что этот человек каким-то образом умудрился сохранить оружие в суматохе. Или он был подготовлен куда лучше, чем казалось, или он был по уши напичкан стимуляторами. Или и то, и другое. Значения, впрочем, это не имело.

«Некуда деваться», – сказала она себе. Почему он не сдавался?

– Ну же, парень, – убеждал его Халлет. – Все кончено. Сделай паузу, отдохни.

Выкрикивая нечто неразборчивое, фанатик отпихнул от себя тихо хнычущую женщину и бросился влево. Если бы принимал решение Халлет, скорее всего, он бы выстрелил, но Дэниелс намеренно упомянула помощников террориста. Если его убить, они потеряют потенциально ценный источник информации. Так что Халлет не открывал стрельбу – ждал указаний. К моменту, когда они осознали, что делает этот человек, было уже слишком поздно.

У техника ушел всего один миг на то, чтобы добежать до открытого шлюза и запереться внутри. В процессе он выронил пистолет. Дэниелс с криками метнулась за ним, но осознала, что человек по ту сторону прозрачного окошка ее не слышит. Вглядываясь в его лицо, она видела, что на смену неуверенности и панике к нему пришло некое самосозерцательное внутреннее спокойствие. Он выглядел почти довольным.

Сдвинувшись вправо, Дэниелс с размаху включила интерком. Но, как и на всех прочих пультах управления в грузовом ангаре, здесь тоже мерцал желтый индикатор. И так будет до тех пор, пока она со спутниками не покинет зону электромагнитного шума и еще раз не установит связь с Теннесси. Ей осталось только молотить руками в дверь шлюза и надеяться, что человек внутри прочитает по ее губам.

– Выходи! – орала она. – Сдавайся!

Анкор подобрал выроненное саботажником оружие, с секунду его рассматривал, потом передал Халлету. Тот показал его Дэниелс. Когда она взяла пистолет сама, часть рукояти смялась под давлением ее пальцев. Она подняла взгляд на сержанта.

– Плотная бумага, – сказал он. – Это пистолет-оригами.

Мрачно кивнув, он добавил:

– Твердый ровно настолько, чтобы испугать заложницу. Не удивительно, что его не засекли, когда он поднялся на борт, – Халлет тихо ругнулся. – Взрывчатка, которую он налепил по всей двери – настоящая, а его оружие – чистый блеф. Насколько мы поняли, он его не начал сворачивать до тех пор, пока не прошел охрану корабля.

Дэниелс вернула «оружие» сержанту и снова посмотрела в окошко шлюза. Человек внутри спокойно изучал панель управления. Шлюз был экранирован от подавляющего электромагнитного поля, которое накрыло грузовой ангар. Глаза Дэниелс расширились, когда она догадалась о его намерении и

заколотила по окошку сильнее:

– Не делай этого!

Обернувшись, он заметил, что она на него смотрит, и улыбнулся. Его рука двинулась к панели управления. Дэниелс кричала «Нет, нет!» снова и снова. Но он не мог ее слышать. Мать могла бы заблокировать управление шлюзом – если бы они могли связаться с Матерью.

Несколько секунд ушло, пока человек отщелкивал и поднимал защитную крышку панели. Затем он по порядку нажал на три открывшихся кнопки. Ладонями, прижатыми к окошку, Дэниелс ощутила легчайшую вибрацию, когда выбило болты замка внешней двери шлюза. Дверная панель с замковым механизмом вылетела в космос.

И вместе с ней невезучий саботажник.

По дороге он все еще улыбался.

Дэниелс отвернулась от шлюза. Ледвард ругнулся, затем пробормотал что-то своим товарищам. Но она его не слышала. Пока остальные переговаривались между собой, она напомнила сама себе, что целостность корпуса «Завета» не нарушена, а ценные припасы остались на своих местах. Угроза, которую представлял собой террорист, нейтрализована, заложник спасен и в безопасности.

Так почему она чувствовала себя так, словно облажалась?

4

– Корпорация «Вейланд-Ютани» обязана вам.

Джейкоб с Дэниелс стояли в главном отсеке для персонала и разговаривали с Митхуном. Неподалеку находилась и его коллега Кайса – она общалась с одним из главных техников, ответственных за окончательную предполетную подготовку корабля.

По засекреченному каналу Митхун уже успел связаться со штабами корпорации в Токио и в Лондоне и, испытывая сильное облегчение, смог порадовать всех, вовлеченных в урегулирование «происшествия», тем, что им назначены повышения и различные бонусы. Впрочем, участники инцидента никогда не вернутся обратно на Землю, а потому повышения в должностях были сделаны скорее напоказ. С другой стороны, финансовые бонусы могли использовать родственники, друзья, благотворительные организации – те, кого члены команды корабля и службы охраны пожелали бы назначить своими наследниками.

Джейкоба деньги и чины не волновали. Впереди лежал новый мир и ждал прибытия «Завета» с множеством спящих колонистов. Джейкоб будет нести ответственность за колонию на Оригаэ-6. Всем цифрам на банковском счете он предпочел бы еще немного припасов. И это несмотря на уверения его супруги в том, что колония будет обеспечена настолько хорошо, насколько могут позволить современные технологии. Насколько он понимал, припасов для «Завета» никогда не будет достаточно.

И одна вещь продолжала его тревожить.

Ответы. Им не хватало ответов. Согласно быстрому поиску, осуществленному Матерью, неудавшийся саботажник не делал попыток скрыть свою личность. Эрик Сасаки, не женат, 33 года, работал на «Ютани» в течение двенадцати лет. Техник обслуживания второго класса. Два незначительных выговора и совершенно чистое досье в остальном. Подобающим образом использовал накопленное для отдыха время. Увеличенная на восемьдесят процентов хорошая репутация за счет неиспользованных больничных. Ничего особенного касаемо условий его договора. Все говорило о том, что работник это добросовестный, уровнем выше среднего, хотя и не выдающийся.

Так почему с виду уравновешенный, надежный, самый обычный рабочий вдруг идет против единственной компании, на которую он когда-либо трудился – да еще и пытаясь насильственно положить конец ее самому претенциозному проекту? Проекту, который обещает благополучное будущее не

только для «Вейланд-Ютани», а для всего человечества?

Они что-то явно упустили. Но ни у него, ни у его жены сейчас не было времени, чтобы подробно проанализировать возможные мотивы саботажника. Как заявила Кайса, попытка саботажа могла быть единичным случаем, исполнитель был один, он мог рассердиться или затаить обиду по неизвестной причине. А поскольку Сасаки покончил с собой, возможности его расспросить уже не представится.

Эти соображения, впрочем, не помешали Халлету удвоить охрану. Радовало то, что террористу не удалось пронести на корабль настоящее оружие, и он был вынужден прибегнуть к уловке. Но совершенно не радовало, что он сумел подобраться к взрывчатым веществам для терраформирования. Так что сержант приказал установить постоянное электронное наблюдение за всеми грузами, которые можно было использовать в террористических целях.

При этом Халлет постоянно жаловался и твердил о том, как ждет возвращения своего начальника.

– Что ж, мы отбываем, – Митхун пожал руку Дэниелс, потом Джейкобу. – После того, что произошло, компания и я в успехе колонии уверены больше, чем когда-либо – зная, что она в ваших умелых руках.

– Мы сделаем все, что в наших силах, – корректно ответил Джейкоб. – Когда большая часть людей, за которых ты несешь ответственность, спят, администрировать достаточно просто.

– Вы преуменьшаете свои заслуги, – представитель компании посмотрел на Дэниелс. – Вы оба.

– А мне все еще хочется понять, почему этот Сасаки предпринял такую попытку, – Дэниелс имела обыкновение раздумывать над проблемами дольше, чем ее муж. – Я знаю, что едва мы пройдем орбиту Нептуна, все это перестанет иметь значение. Но все равно мне бы хотелось знать.

Ее голос зазвучал мрачно:

– Чтобы воспользоваться взрывчаткой, он должен был как-то изучить этот вопрос – или пройти обучение, – она смотрела на супруга в упор. – Такие вещи не делаются под влиянием сиюминутного порыва.

– Я обещаю, – сказал ей Митхун, – что, когда его мотив или мотивы выяснятся, вам будет отправлено разъяснение. Вы получите его до того, как погрузитесь в гиперсон, или же сможете просмотреть на досуге во время перезарядки.

Он помедлил немного и нахмурился:

– Само собой, есть работники «Вейланд», которые расстроились, когда компания перешла к Хидео Ютани.

Возможно, причина в этом.

– Нужно уж очень расстроиться, чтобы пройти всю дорогу до физического саботажа, только чтобы помешать колониальному кораблю исполнить миссию, – Джейкобу такое предположение показалось более чем странным. – Работники «Ютани», являясь частью «Вейланд-Ютани», точно так же зависят от успеха миссий вроде той, что у «Завета».

Дэниелс кивком выразила свое согласие. Свет вокруг них на секунду угас, затем снова набрал яркость. Электрики проверяли системы.

– После слияния Хидео Ютани отдал дань уважения каждому из «Вейланд», назвав компанию «Вейланд-Ютани», – сказала она. – А ведь легко могло получиться иначе.

Кайса изучающе на нее взглянула.

– Я уверена, что дань почтения Питеру Вейланду и его усилиям были учтены при выборе нового имени компании. Но Хидео Ютани – расчетливый бизнесмен. Кроме того, он – японский бизнесмен, а потому заинтересован в поддержании баланса. С другой стороны, Питер Вейланд обладал именем, которое известно каждому на планете. А что еще важнее, из своего имени он сделал торговую марку, чего никогда не делал Ютани. Использование фамилии не делает ему чести в глазах мистера Ютани.

Митхун с тревогой на нее посмотрел:

– Ты бы не сказала этого на корпоративном собрании.

– Нет, – с готовностью согласилась Кайса. – Но я бы сказала это в частном порядке, и я бы сказала это в лицо Ютани. Разумеется, вежливо. Не думаю, что он бы обиделся на оценку эксперта. Скорее, он бы правильно оценил услышанное.

Митхун проворчал:

– Пусть лучше ты это скажешь, чем я.

Неожиданно его коммуникатор издал тихое, но настойчивое позвякивание. Он мельком взглянул на экран, затем снова посмотрел на Джейкоба и Дэниелс:

– В дополнение к бонусам и повышениям я хочу рекомендовать компании вас обоих. А также сержанта Халлета и его команду.

Джейкоб пожал плечами.

– Ты не обязан это делать.

– Все нормально, – Кайса тоже смотрела на мужа с женой. – Со своей стороны, я составлю выговор, потому что неуполномоченный техник получил доступ к опасному оборудованию для терраформирования и тем самым подверг угрозе корабль и всю миссию.

Она приятно улыбнулась и пояснила:

– Рекомендация и выговор аннулируют друг друга, так что в конечном отчете ничего не изменится.

– Тогда зачем этим вообще заниматься? – Дэниелс даже не пыталась скрыть раздражение. – Слушайте, не наша вина, что этот Сасаки умудрился…

Джейкоб ее оборвал:

– Не важно, кто несет ответственность. Важно то, что эта попытка провалилась. Перед тем как запустить двигатели, Халлет и Лопе – когда он вернется – проверят каждый метр пространства на корабле, чтобы быть уверенными, что все чисто, – он положил руку жене на плечо и легонько сжал пальцы. – Поскольку я капитан, я в ответе за все, что происходит на «Завете» – хорошее или плохое.

– Благодаря такому отношению ты и *являешься* капитаном, – коммуникатор Митхуна снова настойчиво зазвенел, и тот повернулся к коллеге. – Нам пора идти. Мы же не хотим пропустить шаттл.

Кайса кивнула и протянула руку. Джейкоб ответил рукопожатием, Дэниелс последовала его примеру, хотя и с некоторой неохотой. Вместе с мужем она смотрела, как оба представителя компании скрылись за углом.

– Довольно милая пара, – вслух заключил Джейкоб. – Для представителей компании.

Его жена кивнула:

– Дружелюбные, хотя и бездушные.

– С каких пор душа требуется для восхождения по корпоративной лестнице в «Вейланд»? – Джейкоб улыбнулся. – Или в «Вейланд-Ютани». Нет, все, что имеет значение – это результаты. А тем, что касается души, этики или морали, можно манипулировать. А то и вовсе от этого отказаться.

Дэниелс тяжело вздохнула.

– Мне будет не хватать Земли. Но по большей части того, во что она превратилась, я скучать не стану.

– Всего лишь естественный ход эволюции. Или вырождения, – Джейкоб повернулся к иллюминатору, который был обращен не к планете, в космос. – Это одна из главных причин, по которым у компании не возникло сложностей с набором добровольцев. Многие земляне хотят начать все заново.

– Совсем как мы с тобой, – Дэниелс кивнула, затем собралась уходить. – Мне нужно проверить подробный список грузового отсека. Убедиться, что ничего не упустили.

Он ее удержал:

– Халлет знает свое дело. Дай ему с командой закончить их

работу. – Когда она начала возражать, он приложил палец к ее губам. – Я знаю, что грузовой ангар – твоя территория, а оборудование для терраформирования – твое детище. Но ты не можешь заниматься вообще всем. Если ты туда вернешься и… хм, примешь участие, то Халлет подумает, что мы не полностью доверяем ему и его людям. У тебя нет других дел?

Она не сдержала ухмылку.

– Да, есть парочка… тысяч. Ты прав, – на ее лице отразилась задумчивость. – Знаешь, если бы этот Сасаки хотел остановить миссию, он мог просто разместить заряды, а потом просто их взорвать. Зачем было раскрываться таким образом? Чтобы ангар очистили от людей? Или чтобы он мог транслировать на весь мир какую-то запланированную им безумную речь? Его действия демонстрируют, что он хотел предотвратить вылет «Завета», но сделать это без жертв.

Джейкоб обдумал ее слова.

– Так что, это был сердобольный фанатик? Отменить миссию, но не убить людей? Такого он не говорил.

– Нет, но за него говорили его действия, – Дэниелс что-то беспокоило. – И то, что он работал один, маловероятно. Должен был быть еще кто-то, кто хотя бы научил его ставить заряды.

– Не обязательно, – покачал головой Джейкоб. – У него была подготовка техника, и он вполне мог изучить все необходимое, просто полистав доступную литературу.

– Если бы только у меня получилось удержать его в шлюзе, – теперь загудел ее собственный коммуникатор. Дэниелс знала причину – скорее всего, один из техников, ответственных за погрузку, нуждался в ее совете по правильному размещению груза. Профессионализм одержал верх над неудовлетворенным любопытством. – Мне нужно идти, – она поцеловала мужа в щеку. – Обещаю, что оставлю Халлета в покое.

– Я тоже. Если у него возникнут какие-то сложности, он сможет обсудить их с Лопе, когда тот вернется. Мне же надо добраться до Орама с Карин и убедиться, что последняя группа колонистов готовится к гиперсну в штатном режиме.

Он ухмыльнулся и добавил:

– Прелесть командования колонизаторским кораблем в том, что как только мы начнем путешествие, мне не придется переживать о жалобах пассажиров.

Они разошлись в разные стороны: он – на мостик, а Дэниелс направилась к грузовому ангару, где недавно разыгралась сцена, которая могла закончиться гораздо хуже.

Она знала, что Джейкоб прав. Халлет со своей командой методично обыщут всю зону на предмет зарядов, которые могли

случайно пропустить при первой проверке. И сержант не нуждался в том, чтобы она заглядывала ему через плечо. Кроме того, из-за происшествия она уже упустила много времени, необходимого для ее собственной работы.

Уже отправляясь по своим делам, она по-прежнему жалела, что у нее не было достаточно времени, чтобы задать загадочному мистеру Сасаки один или два важных вопроса.

5

На протяжении десятилетий никто не знал, сколько на самом деле людей живет в Большом Лондоне. Сюда стекалось так много иммигрантов со всех концов планеты, что ошеломленное Бюро переписи населения в конце концов сдалось. В результате последние сорок лет число населения не подсчитывалось, а оценивалось.

И даже оценка была бы невозможна без помощи сканирующих дронов. Только дроны, как и человеческие учетчики, упускали из внимания троглодитов, которые влачили существование в тоннелях подземки, и падальщиков, которые ели, спали и сношались в бесконечных коридорах, соединяющих здания. Если не считать увеличения объемов вездесущего технического прогресса, жмущимися друг к другу зданиями, что нависали над шоссе и историческими объектами, внутренний Лондон все больше напоминал окруженный стеной Цзюлун.

Несмотря на внедрение все ужесточающихся законов, направленных против загрязнения окружающей среды, власти могли сделать очень немногое. В результате, когда приходила зима, тающий снег и дождь образовывали такое грязное месиво, что даже просто ходить становилось опасно. Плотина на Темзе все еще – едва-едва – сдерживала наводнения и плавучий лед. Весна была терпимой, осень – угрожающей.

А потом наступало лето.

Летом все, кто мог себе это позволить, уезжали из города. Миллионы тех, кто этого сделать не мог, были вынуждены мириться с покрывалом из кипящих на жаре частичек смога вместо кислорода. Дышать этим бывало не просто опасно, а потенциально смертельно. По сравнению с современным состоянием атмосферы прежние «туманы» Лондона показались бы глотком свежего воздуха.

Власти и ученые винили во всем таяние гренландских льдов, из-за которого Гольфстрим сместился от Британских островов к юго-востоку. Это нанесло непоправимый ущерб традиционным погодным условиям Северной Европы – от Дублина до Дании и дальше. Поделать ничего было нельзя – только страдать до наступления осени, или же окончательно покинуть планету.

Для сержанта Лопе, который в данный момент отдыхал за просмотром видеострима, погода была всего лишь одним из многих мотивирующих факторов в выборе жизненного пути. Впрочем, глава корабельной безопасности, а заодно по случаю и колонист, Лопе входил в число тех, кто был рад попрощаться с

Землей. На Оригаэ-6 он станет начальником планетарной безопасности, а его партнер Халлет будет вторым по старшинству. В зарождающемся правительстве планеты у них будут важные посты.

Не то чтобы он дал за этот статус хотя бы крысиную задницу. Больше всего он хотел провести остаток жизни так, чтобы можно было дышать, не используя для этого маску, пить воду, которую не процедили сквозь фильтры и не обработали химикатами, и часами ходить пешком, чтобы в тебя при этом не врезались, на тебя не наталкивались и тебя не обругивали сотни, тысячи вонючих соплеменников.

Поэтому он не мог дождаться отправления.

Но его личное отправление станет возможным только после того, как подразделение корабельной безопасности будет полностью укомплектовано. И эта цель уже близка. Ему нужно записать всего еще одного рекрута. После этого он и последний новобранец смогут отбыть на корабль – вместе или по отдельности. Если ему повезет, то этот раз будет последним, когда он ступает по сломанной колыбели человечества.

Все должно было пройти легко. Во всяком случае, он так думал до момента, пока компания не начала проводить медицинский осмотр кандидатов. Несмотря на то, что имелось множество квалифицированных претендентов на многие позиции в будущей колонии, критерии отбора в ее охрану были крайне строги. Так что, когда дело дошло до найма, компания оказалась чрезвычайно разборчива. Из нескольких тысяч пригодных кандидатов конкурс прошли только сотни, а в конечном итоге Лопе позволено выбрать всего одного.

«Ну, практически готово, – сказал он себе. – Заполнить еще одну вакансию, одобрить еще одно резюме». А потом он сможет уехать на скоростном поезде на север до порта шаттлов Уоша. И ему не понадобится резервировать место. Будучи начальником безопасности «Завета», он может затребовать проезд на любом шаттле «Вейланд-Ютани», направляющемся на орбиту.

Комната, где он проводил интервью, находилась на сороковом этаже восьмидесятиэтажной вспомогательной башни компании. Какой-нибудь руководитель среднего звена был бы оскорблен столь ограниченным пространством, Лопе же на такое было плевать. Он привык к жизни в полевых условиях, был знаком с суровой бивачной жизнью солдата. Любое подобие роскоши было бы для него лишним.

Всю свою взрослую жизнь Лопе посвятил работе, а это, в свою очередь, означало, что он старался выжить. То, что за всю свою карьеру он не потерял ничего более значимого, чем коренной зуб

– да и тот не в бою, – свидетельствовало о его боевых навыках куда лучше, чем любое количество медалей. Ему доводилось получать нокдауны, ранения и переломы, и у него хватало шрамов на теле – но физически, как и психологически, он был невредим. Ценные качества для отбора в новую колонию.

На вид казалось, что тестостерона в нем столько же, сколько и крови, однако Лопе на диво хорошо ладил с людьми. Должность начальника он получил именно благодаря сочетанию боевого опыта и способности к эмпатии. И именно поэтому интервью с претендентами проводил *он*, а не какой-нибудь манерный управленец или накачанный стероидами офицер. Лопе решил отказаться от ношения какой-либо униформы во время интервью – обычно повседневная одежда успокаивала людей.

Процедура финального собеседования показалась бы хорошо знакомой любому человеку на похожей должности, жившему на сто лет раньше. Претенденты ждали в соседнем офисе, и каждый из них уже сдал необходимые письменные и устные тесты. Также каждый из них прошел предварительное и промежуточное собеседования с интервьюером.

Единственное, что оставалось претенденту, – это убедить одного недружелюбного, но вежливого экс-вояку, что именно он или она лучше всего подходит для того, чтобы погрузиться в гиперсон на годы, после чего принять участие в постройке колонии и стать полицейским в новом мире, где колонисты будут отрезаны от своих домов, семей, прошлого и всех прочих человеческих существ, кроме таких же, как они, гиперсонь.

Команда службы безопасности была очень небольшой – как в силу необходимости, так и согласно замыслу. В случае каких-то неприятностей могли помочь люди из корабельной команды – основам военного дела все они были обучены. Однако если возникнет что-то серьезное, то разбираться с этим придется именно службе охраны. А это означало, что любые решения касаемо безопасности корабля или колонии прежде всего всегда и в первую очередь будет принимать Лопе, и только он один.

Именно осознание этого побудило Лопе потратить свое время на собеседования кандидатов на последнюю вакансию – несмотря на его неприязнь к городу. В конечном итоге командир успешен на поле боя ровно настолько, насколько эффективны его люди. А когда поле боя находится на расстоянии многих световых лет, у него не будет возможности отправить домой взбунтовавшегося подчиненного. Теперь им всем придется жить с оглядкой на дисциплину.

Так что, учитывая обстоятельства, ему надлежало осторожно и не торопясь выбрать того, кто станет служить под его началом.

Удовлетворявшие всем требованиям – включая интервью с Лопе – рядовые Ледвард, Анкор и Коул уже выполняли свои обязанности на борту «Завета» под командованием сержанта Халлета. И так продолжится до тех пор, пока корабль не покинет земную орбиту. На этом этапе команда безопасности займет свои места в капсулах гиперсна, вместе с колонистами.

Лопе хотел к ним присоединиться. Для того, кто подготовлен физически, умственно и эмоционально, гиперсон являлся долгожданной передышкой от всего, напоминающего работу.

– Зарабатывайте, пока спите, – охарактеризовал это какой-то остряк из «Вейланд». Только вот тратить ваш заработок будут ваши родственники, друзья или кого еще вы там назначите своим бенефициаром.

Тихо проворчав что-то себе под нос, Лопе выключил видеострим и пригладил бороду, в которой уже виднелись седые пряди. Между интервью ему позволялось брать паузы для отдыха, и он без промедления делал это при каждой возможности. Но вечно откладывать он не мог, да и не хотел. Он знал, что рано или поздно кого-то выберет.

Проблема заключалась в том, что все, с кем он говорил в течение месяца, были несовершенны. Попадались превосходные тактики, но они предпочитали сперва стрелять, а потом анализировать. Попадались ребята с впечатляющими отметками в личном деле, с интеллектом куда более высоким, чем требовалось для данной работы. Попадались и эмпатические электронные бойцы, которые в битве один на один проиграют макаке.

Значительное число претендентов жаждало покинуть Землю, имея для этого ложные основания. Несложившиеся отношения, распавшийся брак, неудовлетворенность работой, желание прыгнуть вверх по карьерной лестнице. Некоторые были отставными военными, которые боялись гражданской жизни – но чем, по их мнению, окажется будущая колония? Несмотря на то, что многие казались чрезвычайно квалифицированными, их мотивация была неверной.

Или им не хватало чего-то в других областях – физической подготовки или технических навыков. Всего с одной оставшейся вакансией в команду Лопе мог позволить себе выбирать. Но затрачиваемое на это время уже начало давить на него тяжким грузом.

Развернувшись, Лопе откинулся на воздушную подушку, которая служила двухсантиметровой прослойкой между его спиной и спинкой кресла. Он посмотрел сквозь одностороннее овальное окно, позволявшее видеть комнату ожидания за дверью

кабинета. Претенденты же его видеть не могли – все, кто глядел в его направлении, упирались взглядами в паносолв, где сменялись картины ландшафтных панорам, призванные слегка оживлять стерильный во всем прочем интерьер.

Внешне претенденты в данной группе выглядели довольно впечатляюще. Разумеется, все физически хорошо развитые. Преимущественно молодежь, с парой-тройкой кандидатов среднего возраста. С момента, как он начал проводить собеседования, дела каждый день обстояли именно так. Но до сих пор еще никто не подошел под его персональные запросы.

Как бы там ни было, все претенденты были рады ждать в этом монументальном здании. По контрасту с грязным смогом, который душил прохожих, и пропитанным дождем внешним миром, стерилизованный интерьер башни «Вейланд-Ютани» не имел ни единого пятнышка, а воздух здесь постоянно очищался от всех примесей. Лопе почти ненавидел себя за то, что одного за другим должен отсылать их обратно в мир, давно утративший привлекательность для человека.

Ему хотелось вернуться на борт «Завета». Он скучал по Халлету. Он хотел покончить с делом. Чего, напомнил он себе, не произойдет, если этим не заниматься. Неохотно, Лопе обратился к толстой прозрачной пластине умного сентилита, из которой была сделана панель перед ним:

– Впустите следующую жертву.

6

Когда дверь сдвинулась в сторону, до него донеслось гудение беспорядочной болтовни из комнаты ожидания. Женщина, что вошла в кабинет для собеседований, оказалась чрезвычайно привлекательной – высокой, с рыжими волосами, очень коротко остриженными с левой стороны и отпущенными до плеч с правой. У нее были голубые спокойные глаза, небольшой рот и орлиный нос. Она не пользовалась косметикой и не носила ничего лишнего, за исключением единственной серебряной серьги в виде шарика в мочке левого уха. На ее форменных штанах и парной к ним блузе с длинным рукавом отсутствовали какие-либо эмблемы, хотя Лопе заметил несколько участков, откуда их явно убрали. Он сделал себе заметку, чтобы позже, в ходе интервью, спросить ее, почему с одежды срезаны все знаки отличия. Или она не гордилась службой в своем подразделении?

Скоро он это выяснит.

Несмотря на просторные штаны и блузу, было заметно, что ее тело тренировано и в отличной форме. По ее предплечьям он мог предположить, что она продолжает упорно и регулярно тренироваться, даже не находясь на действительной военной службе. «Весьма многообещающе», – сказал он себе. Но, опять же, внешность часто оказывалась именно такой. И не то чтобы кандидаты старались его обмануть – просто они не проходили отбор.

Лопе махнул рукой в направлении встроенного в панель управления проектора. Видео, что он перед тем просматривал, сменилось вращающимся изображением женщины, которая сейчас стояла перед ним. К изображению прилагался трехмерный список данных – он прокручивался вверх или вниз в зависимости от движения зрачков Лопе.

– Мерием Тадик, – произнес он. – Приятно с тобой встретиться. Я – сержант Дэниел Лопе – проведу с тобой собеседование.

– Благодарю вас, что уделили мне время, сержант Лопе, – улыбнулась она в ответ. Улыбка казалась натянутой, но это можно было ожидать. Нервничали все искренние соискатели – во всяком случае, в начале. А те, кто сохранял спокойствие, часто обнаруживали, что не прошли отбор из-за излишней самоуверенности.

Лопе продолжил зачитывать вслух отображаемую информацию, перечисляя данные о ее образовании, службе и наградах.

– Не замужем. Один раз состояла в длительных отношениях, которые прервались примерно два года назад, – Лопе взглянул на нее. – Учитывая твои жизненный опыт, возраст и внешность я нахожу удивительным то, что у тебя так и не появилось нового спутника.

Она пожала плечами, села и поудобнее устроилась в кресле.

– Учитывая мои жизненный опыт, возраст и внешность, мне оказалось совсем непросто найти кого-то, кто подошел бы под мои стандарты.

Лопе сдержал улыбку.

– Команда корабля и колонисты должны состоять из пар. Члены команды безопасности – не должны. Но это ты уже знаешь, или не стала бы подавать заявление, – его палец указал на голубую строчку в перечне данных. – Здесь есть короткая заметка о М'ба Ашоки. Что с ним случилось? Почему ничего не вышло?

– Я застала его с другой, – ответ женщины прозвучал с вежливой монотонностью. – Позже он пытался извиниться. С больничной койки.

Лопе с пониманием кивнул и двинулся дальше. Двойное моргание левым глазом, и список данных послушно замер.

– Здесь говорится, что он от тебя отдалился, потому что помимо твоих служебных обязанностей у тебя появилось слишком много других интересов.

Ее губы чуть сжались. Большинство людей этого бы даже не заметили или, заметив, не придали бы значения. Но не Лопе. Как и в случае со всеми финалистами, он внимательно изучал ее с момента, как она вошла в дверь. И теперь он изучал ее еще пристальнее.

– Я не понимаю, как моя личная жизнь касается моего потенциального назначения, – сказала она, слегка теряя контроль. – Мое прошлое станет вопросом умозрительным, когда я покину Землю навсегда.

Лопе чуть наклонился вперед:

– Но ты не покинешь навсегда людей – своих соплеменников. Ты окажешься в роли блюстителя законности, и однажды может оказаться, что тебе придется улаживать между ними разногласия. А это требует определенного уровня эмпатии.

Она перекинула одну ногу на ногу, потом вернула обратно. Лопе отметил, что ноги были длинные и стройные. И двигались слишком часто.

– Я прошла все психологические тесты, – часть ее изначального апломба вернулась. – Я должна была, иначе я бы не сидела сейчас перед вами.

Лопе кивнул.

– Пройдя эти тесты, ты заодно узнала, что на финальном собеседовании тебе могут задавать любые вопросы, какими незначительными или излишне бестактными они бы не казались.

– Простите, – на этот раз она широко улыбнулась. – Просто я знаю, что это интервью значит для меня все-или-ничего, и я сильно нервничаю.

– Я это учитываю, – движением глаз Лопе вызвал новую порцию данных и увеличил текст. – Это объясняет, почему твой пульс такой высокий, почему поднимается твое кровяное давление и почему нейронный рисунок свидетельствует о том, что ты увиливаешь от ответа.

Ее изящная бровь чуть изогнулась:

– Вы обвиняете меня во лжи?

– Кто, я? – Лопе притворился, что он оскорблен таким предположением. – Не я! Я бы никогда подобного не сделал.

Он указал на парящий перед ним список данных. Но она не могла прочитать его – слишком далеко. Женщина снова поерзала в кресле, стараясь справиться со своим негодованием.

– Я не намерена здесь сидеть и слушать оскорбления, – напряженно сказала она. – Не от программы, происхождение и эффективность которой мне не известны.

– Это абсолютно понятно и легко поправимо, – Лопе взмахнул левой рукой, и перед соискательницей тут же появилась зеркальная копия тех же данных.

– Программа не говорит, что ты лжешь, – его голос посуровел. – *Ты* это сказала. Программа полагает, что ты уклончива в ответах. Уклончивость – это не ложь. Но при этом она подозрительна. Если ты и не лжешь о чем-то, то, скорее всего, ты что-то скрываешь.

Он наклонился вперед, перегнувшись через край сентилитовой панели, и понизил голос:

– Что ты скрываешь, мисс Тадик?

– Я ничего не скрываю! – несмотря на явные попытки сохранить контроль над собой, она не смогла сдержать голос. – Что мне это даст? Я бы не смогла ничего спрятать от «Вейланд-Ютани», даже если бы хотела. Никто не может. Даже ты!

Лопе сел на место.

– Ты бы об этом не знала, если бы уже не пыталась и не потерпела неудачу.

В раздражении она со злостью поднялась из кресла:

– Забудь. С меня хватит, – она повернулась и кивнула в сторону комнаты ожидания. – Там должно быть где-то тридцать-сорок финалистов. Выбери одного из них. А я с этой чепухой покончила.

– Это твой выбор, – сержант начал подниматься. – Но я с тобой еще не закончил, мисс Тадик. Думаю, есть еще один-два вопроса, которые мне нужно тебе задать. Просто чтобы подвести итог для регистрации собеседования. Ты не против?

Он вежливо улыбнулся и, поднявшись, указал ей на кресло, откуда она только что встала.

– Но я против, – огрызнулась она. – Ты уже достаточно смешал с грязью мою репутацию, мистер Лопе. И я не намерена позволять очернять меня еще больше.

«Смешал с грязью?» Все, что он сделал, подумалось Лопе, так это задал вопросы того же типа, что и всем предыдущим соискателям. Частично – чтобы прояснить нюансы характера, частично – чтобы разобраться с несоответствиями в досье. А еще затем, чтобы увидеть, как каждый соискатель будет реагировать на расспросы о личном. Некоторые лгали, некоторые смущались и запинались, несколько обиделись, но большинство отвечали спокойно и настолько искренне, насколько были способны – несмотря на степень неудобства вопросов.

Но не эта Мерием Тадик. То, что она делала, пусть и медленно, было подготовкой к бегству. Тут Лопе не нуждался в подсказке программы. Он видел это в глазах женщины, в том, как напряглись ее мышцы. Он легко мог бы позволить ей уйти и заняться другим соискателем, но она пробудила его любопытство. Лопе чувствовал бы себя куда комфортнее, если бы женщина просто его обругала. Такой тип ответа даже мог не помешать ее потенциальному найму. Но она защищалась и скрытничала.

Почему?

– Всего еще пару коротких вопросов, мисс Тадик, – настаивал Лопе. – Прошу заметить, что я не вычеркнул тебя из списка кандидатов.

Он начал обходить панель управления, и снова указал на ее кресло.

– Если ты просто сядешь обратно…

– Нет, – она отпрянула от него к двери. – Не думаю, что я это сделаю. Я сказала тебе, что с меня хватит. Оскорбляй кого-нибудь другого.

Подойдя к ней, Лопе с сожалением покачал головой.

– Стандартный набор вопросов вряд ли можно назвать «оскорблением». Никто из тех, кто уже поступил на службу, не использовал это определение, несмотря на тему вопросов.

Протянув руку, он мягко взял женщину за предплечье.

И поразился тому, как напряжены мышцы.

Женщина стряхнула его руку.

– Оставь меня в покое, сержант. Найди кого-нибудь другого.

Дверь открылась, и Лопе снова попытался удержать женщину, но она нанесла удар ногой. Боковой удар с подъемом, выполненный быстро и с силой. Лопе был достаточно тренирован, чтобы заблокировать его рукой, но импульс оказался достаточным, чтобы оттолкнуть сержанта обратно к панели.

– Стой! – его крик сопроводил ее бегство в комнату ожидания. К разочарованию Лопе, никто из ждавших там соискателей даже не подумал попытаться ее перехватить.

– Эй! Остановись!

Сидевшие соискатели встревожились при виде выскочившего из комнаты для интервью сержанта. А тех, кто стоял, он просто отпихнул с дороги.

Но вскоре Лопе потерял след соискательницы и остановился перед двумя расположенными друг против друга рядами лифтов в конце коридора. Служащие компании смотрели на него со смесью беспокойства и замешательства.

– Высокая женщина, рыжие волосы с несимметричной прической, ближе к тридцати годам, – пролаял он. – В какую сторону?

С дюжину ошеломленных рабочих смотрели на него разинув рты.

– Кто-нибудь скажите мне что-нибудь, черт возьми!

Пожилая женщина, одетая в форму старшего администратора – последняя из этих людей, от кого Лопе ожидал услышать ответ – произнесла:

– Туда, я думаю, – она указала направо.

Лестница. Автоматическая дверь едва успела открыться, когда сержант ринулся в проем. Там он понесся вниз, перепрыгивая по две-три ступеньки за раз.

Отсутствие пожарного спуска сейчас оказалось благословением. Если бы он был, то Тадик уже спустилась бы на первый этаж и растворилась в кипящем и ревущем потоке пешеходов, что волнами колыхался за стенами башни.

Когда Лопе прыжком завернул за очередной поворот, что-то с глухим стуком ударило в стену чуть слева от него. Последовала вспышка света, раздался треск и кратковременно, хотя и сильно, пахнуло озоном. Если бы этот снаряд попал в него, то заблокировал бы нервную систему и привел к мгновенному параличу. Не имея возможности контролировать мышцы, Лопе опрокинулся бы вниз головой и упал бы на лестничный пролет внизу. А некоторые снаряды такого типа обладали достаточной мощностью, чтобы вызвать инфаркт миокарда, так что попадание могло убить.

Пластиковый снаряд и батарея к нему не всегда

высвечивались при проверке охранными системами. Особенно если их пронесли внутрь замаскированными – в кошельке или в сумке. Позже у него найдется несколько слов для службы безопасности башни. Если его не подстрелят прежде.

Пока Лопе продолжал спуск, второй снаряд пролетел мимо его головы так близко, что у сержанта онемели правые ухо и щека. Если он попытается поесть в течение следующих шести часов, то, скорее всего, истечет слюной. Впрочем, в данный момент его заботила только поимка несговорчивой мисс Тадик. Она явно расстроилась по куда более серьезной причине, нежели пара неудобных вопросов о ее любовных похождениях.

Лопе слегка замедлился. Девушка была вооружена, а он – нет. Так что нужно было осторожно выбрать позицию, откуда можно было попытаться ее захватить. И сделать это следовало поскорее. Рост и прическа Тадик были приметными, но не уникальными. Если ей удастся выскользнуть наружу и влиться в поток пешеходов, то он ее потеряет.

Вариантов было немного. Если поднять шум в фойе, то есть серьезный риск вызвать всеобщую панику среди сотен сотрудников и посетителей башни. Персонал службы безопасности тоже являл собой проблему. У охранников башни, конечно, не было боевого оружия, но даже выстрел из устройства для контроля за толпой, сделанный по ошибке, может причинить серьезный ущерб – особенно пожилым или ослабленным людям.

В некотором смысле, в голове он сейчас проигрывал те же варианты развития событий, что и на поле битвы. С той только разницей, что в данном случае участников битвы было всего двое, и один из них – без оружия. Это не означало, что Лопе был беззащитен, отнюдь, но даже превосходно натренированный боец не может победить вооруженного противника, как бы слаб тот ни был, в стычке один на один. А какой бы рыжеволосая беглянка ни была, слабой она Лопе не показалась.

Преследовать ее сержанта заставлял вопрос – почему она сбежала с интервью? Она заметила, что вызвала у него подозрения? Интерес Лопе всегда подогревался, когда в него кто-то стрелял. Впрочем, обычно мотивация противников была ему известна. И теперь ему очень хотелось выяснить, что двигало Тадик.

На миг у него упало сердце, когда, выскочив на промежуточную площадку над вторым этажом, он не обнаружил своей цели. К счастью, пространство здесь было обширным и не слишком людным. Большая часть посетителей находилась либо на офисных этажах выше, либо внизу, в главном атриуме, отделанном фальшивым мрамором. Начищенные до блеска

молчаливыми и деловитыми дронами «Вейланд-Ютани», золотистые сенсорные перила и металлические панели стен поблескивали вокруг Лопе. И любая органика, затесавшаяся среди этого металлического потока, хорошо выделялась на его фоне.

Тадик была там – она направлялась к одной из двух широких изогнутых лестниц, что вели на первый этаж. Она шла быстро, хотя не бежала, не желая привлекать к себе внимание. И хотя Лопе не видел и намека на ее пластиковый пистолет, он сомневался, что девушка его выбросила. Она изо всех сил старалась слиться с толпой. Возможно, она считала, что оторвалась от преследователя во время спуска. А может, она думала, что после того, как в него два раза стреляли, Лопе отказался от преследования. Или она предполагала, что он где-нибудь свернул не туда или же остановился вызвать помощь.

Если так, то она просто его не знала. Начальником службы безопасности колониального корабля он стал не потому, что имел склонность сдаваться.

Используя ничего не подозревающих рабочих как временные прикрытия, Лопе медленно сокращал дистанцию. Один раз, когда девушка оглянулась, чтобы проверить, не следует ли за ней кто-нибудь, Лопе успел нырнуть за опорную колонну, изогнутый экран вокруг которой придавал ей вид безмолвного водопада цилиндрической формы. Но как только внимание Тадик вернулось к лестнице перед ней, сержант возобновил охоту.

Если только девушка не запаникует и не перейдет на бег в последнюю минуту, он перехватит ее до того, как она доберется до поста охраны. Разумеется, выход не охранялся, но на этом этапе Лопе сможет поймать беглянку и одновременно дать персоналу себя опознать, что обеспечит ему их поддержку.

Пока он следовал за девушкой вниз по ступеням, никто не обращал на него особого внимания. Лестница была широкой и блестящей, и проектировали ее похожей на лестницу из древнего кино – правда, та была куда меньших размеров. Когда Тадик сошла с последней ступеньки на первый этаж, Лопе был примерно в двадцати футах позади нее. Еще несколько секунд, и они окажутся возле главного входа в башню. Лопе был уверен, что сможет схватить и обезоружить беглянку, даже если она попытается воспользоваться спрятанным оружием.

Но его план нарушила суматоха, разразившаяся где-то слева.

Перед центральным входом, прямо у огромной эмблемы «Вейланд-Ютани», выложенной на полу мрамором и цветным стеклом, сцепились две фигуры.

Женщина была невысокой и загорелой, с большими глазами и полными губами, а ее тощий противник носил мятую униформу

строителя. Правда, его облик не сочетался с одеждой – он походил на человека, который провел пятнадцать лет в университете без какой-либо очевидной для себя пользы.

Глаза Лопе расширились, когда он заметил в руках мужчины звуковой импеллер. Этот промышленный инструмент не подпадал под запрет службы безопасности при обычной проверке. При помощи звука устройство позволяло двигать и устанавливать на место большие фрагменты камня или металла, но Лопе знал, что заодно оно может начисто снести ему голову с плеч. С реверберирующим треском инструмент сработал.

Лопе бросился на пол.

Несмотря на глушитель промышленной мощности, импеллер сработал с громким хлопком. К счастью, дуговая звуковая волна не задела никого в атриуме, только пробила дыру в основании прозрачной внешней стены, уходившей вверх на четыре этажа. Паника, которой так боялся Лопе, тут же вспыхнула, сотрудники и посетители начали с криками разбегаться во всех направлениях. К их чести, несколько работников службы охраны выхватили оружие и уставились в направлении стрелявшего человека. Добраться до него им мешал хаос, быстро охвативший первый этаж.

Подняв голову, Лопе увидел, что женщина, хотя и не сдавая позиций, все же испытывает трудности в борьбе с более крупным мужчиной. А взглянув в другую сторону, он увидел, что рыжая присоединилась к группке беглецов, которые нашли применение свежепробитой дыре в стене, и выбирались через нее на улицу в безопасность. Прямо перед тем, как шагнуть в отверстие, она оглянулась и посмотрела на Лопе.

Прямо на него.

На секунду или две их взгляды встретились – и этого времени было достаточно, чтобы Лопе сообразил. Она не спешила не потому, что полагала, будто он отказался от погони. А потому, что на первом этаже у нее был напарник. И она *знала*, что сержант следует за ней.

Он почти попался в смертельную засаду.

Вскочив на ноги, Лопе метнулся к сцепившейся паре. Он знал, что куда важнее погони было вырвать импеллер из рук неизвестного до того, как устройство перезарядится и сможет выстрелить снова. Если даже вторая волна прокатится мимо самого Лопе еще раз, то на первом этаже все еще хватало ошеломленных ни в чем не повинных людей, включая несколько семей с детьми.

Мужчина заметил приближающегося Лопе, выпустил импеллер из рук и все внимание и силы направил на женщину, с

которой боролся. С помощью приема дзюдо он попытался перебросить ее через правое плечо, но она уклонилась от захвата, нырнула вниз и провела подсечку, зацепив обе ноги противника, что говорило не только о ее умениях рукопашника, но и о гимнастических способностях. Она выбила из-под него опору, и мужчина тяжело упал на полированные плиты пола.

Поднимаясь, он искоса взглянул на надвигающегося Лопе. Сержант все еще находился на некотором расстоянии, и у неизвестного пока было время сбежать. Так что он вытащил из ножен, спрятанных под рубашкой, нож, высоко его поднял и набросился на женщину, которая блокировала ему дорогу к лифтам и лестнице.

Женщина могла просто отскочить с его дороги. Вместо этого она осталась на месте. Высокий замах ножом был движением быстрым, но не слишком профессиональным. Поэтому, когда лезвие пошло вниз, к лицу женщины, она подставила свое предплечье под опускающуюся руку и заблокировала удар. Обведя кисть вокруг его запястья, она завела руку мужчины ему за спину и зацепила ее в захват.

Тот задохнулся от боли.

– Бросай, – прорычала она, – или я сломаю тебе руку!

Когда он не подчинился, женщина нажала на его руку сильнее, задирая ее выше. Мужчина дернулся, застонал, и лезвие ножа зазвенело по каменному полу.

Этого оказалось достаточно, чтобы она чуть расслабилась. Достаточно, чтобы мужчина пнул ее правой ногой. Ботинок скользнул по ее бедру, потому что она успела уклониться в сторону. Одновременно с этим она выбила из-под противника его вторую ногу. Нырнув вперед, он неуклюже приземлился лицом на мозаичный пол. Кровь из сломанного носа и рассеченного лба брызнула вокруг, словно желток из разбитого яйца.

– Так и лежи, – голос женщины был спокойным, но повелевал. – Не двигайся.

Мужчина подчинился. К тому времени, когда до них добежал запыхавшийся сержант, по фальшивому мрамору пола растеклась лужа крови.

Лопе продемонстрировал свое удостоверение трем охранникам, которые тоже подбежали ближе – их оружие было наготове, а внимание перескакивало с него на чуть подергивающегося, истекающего кровью человека на полу.

– Вызовите медперсонал башни, давайте сюда всю команду, – сказал Лопе. Сжав губы, он оглядел своего неудавшегося убийцу. – Нам надо попытаться спасти этого парня. Нужно узнать, кто он, откуда и кто его послал.

Его взгляд поднялся к дыре в стене, через которую все еще выбегали на улицу взволнованные посетители. Там уже не было и следа высокой рыжей женщины с асимметричной прической.

Одна из подчиненных сержанта службы безопасности тут же достала свой комм. Лопе тем временем еще раз осмотрел распростертого мужчину. После чего покачал головой, поднялся, и направился туда, где стояла молодая темноволосая женщина – она тяжело дышала и смотрела на него.

Он остановился с ней рядом.

– Мое имя – Дэниел Лопе. Велик шанс, что ты только что спасла мне жизнь. Почему? – с облегчением он заметил, что она не ранена.

Женщина пожала плечами:

– Это имеет значение?

– Да – для меня, – он живо кивнул. – Считай это профессиональным интересом.

Она подняла на него глаза.

– Ладно. Мне не нравится, когда в моем присутствии убивают людей. Это оскорбляет мое понимание общественных приличий. Так что я увидела этого парня с оружием и выполнила то, что считаю своими гражданскими обязанностями. Ты цел?

– Я в порядке.

Она опустила взгляд и посмотрела мимо Лопе:

– Почему он хотел тебя убить?

Сержант обдумал ответ.

– Не имею ни малейшего понятия. И потому я надеюсь, что он выживет.

Лопе посмотрел в сторону – из служебного лифта в отдалении появилась команда медслужбы. Они двигались быстро и везли с собой подключенную к питанию медицинскую каталку.

– Все это чертовски расстраивает, – он снова посмотрел на собеседницу. – За спасение моей жизни награды нет, но уже почти полдень. Если позволишь, я с радостью накормлю тебя шикарным обедом.

Она отрицательно покачала головой.

– Я бы с удовольствием поела вкусной еды, но должна отклонить предложение, – глянув вправо, она кивнула на ряд лифтов. – Через полчаса у меня собеседование – из тех, что я ни за что не хочу пропустить.

Лопе на миг задумался над ее ответом, вызывая в памяти все увиденное.

– Случайно не по поводу вакансии на «Завет» корпорации «Вейланд-Ютани»?

Внезапно насторожившись, она вгляделась в его лицо.

– А что? Какое тебе до этого дело?

– Я *сержант* Дэниел Лопе. Я начальник службы безопасности «Завета».

Женщина поразмыслила.

– Значит ты тот, кто должен меня собеседовать?

Он тяжело вздохнул.

– Слава богу, больше никаких собеседований. Вакансия уже занята.

Его собеседница расстроилась.

– Проклятье. Похоже, я пришла слишком поздно.

– Нет, – выражение его лица не изменилось. – Ты пришла точно вовремя. Как тебя зовут, рядовой?

Секунда ушла у нее на то, чтобы сообразить. Потом она кивнула, стараясь сдержать улыбку.

– Розенталь. Сара Розенталь.

– Добро пожаловать в команду службы безопасности «Завета», Сара Розенталь, – он протянул руку. Ее рукопожатие оказалось, как он и ожидал, твердым. – Я перешлю всю необходимую документацию и пароли доступов на твой комм, пока мы будем обедать. Если, конечно, у тебя еще есть для этого настроение.

– Это странно, но у меня только что разыгрался сильный аппетит, сержант, но… – она взглянула на себя. – Мне нужен был душ и до боя. А теперь он мне *очень* нужен. Я любительница принимать душ.

– Твоя личная гигиена меня не волнует, – ответил Лопе с кривой усмешкой. – Можешь заниматься этим сколько угодно, но позже. Сначала нам нужно поболтать. Узнать друг друга.

Его улыбка стала шире:

– В конце концов, нам годами придется спать вместе.

– Я никогда не сплю с мужчиной до того, как с ним пообедаю, – Розенталь уже не пыталась скрыть благодарность и удовольствие. – Разумеется, ты платишь.

– Платит «Вейланд-Ютани». Хотя я ощущаю, что должен бы я. Где ты хочешь поесть?

Она назвала ресторан неподалеку, продемонстрировав тем самым неожиданный вкус к таким вещам. Заведение было умеренно известным и весьма дорогим.

– Это подойдет? Можно пойти куда-то, где дешевле, если хочешь.

– Нормально, – на его лице ясно читался вопрос «какого черта?». – Вполне можно здесь немного потратиться. Не думаю, что смогу пользоваться счетом с Оригаэ-6.

7

Если бы кто-то вознамерился создать человека, который выглядел бы совершенно безобидным, он не смог бы сотворить ничего лучше мужчины, управляющего ремонтным фургоном. Этот водитель был чуть ниже среднего роста и обладал небольшим излишком веса, а его одежду составляли комбинезон рабочего компании, сапоги и кепка с соответствующей эмблемой. Все это отчаянно нуждалось в чистке.

Не так давно он по-быстрому перекусил, и теперь от него шел отчетливый запах бэнто с искусственным тунцом. С правой стороны на нагрудном кармане виднелся подтек от смеси оверколы и зеленого чая. Мужчина жевал что-то неопределяемое: это могло быть чем угодно от жевательной резинки до ката.[5]

Его напарник, который был выше ростом, но таким же полным, молча сидел на пассажирском сиденье фургона. Все его внимание занимала проекция непристойной манги. Простого моргания правым глазом было достаточно, чтобы перевернуть страницу, а при моргании левым картинка начинала двигаться.

Вокруг в сумраке раннего вечера пылали башни Токио, бросая вызов ночи и сиянию луны, возможным землетрясениям и населению, которое больше не могло себе позволить здесь жить – исключая богачей. Специальные разрешения давали возможность особенно ценным сотрудникам спать и разве что не жить в офисах. У основания каждой башни сияла визуальная какофония магазинов, ресторанов, салонов пачинко[6] с полным погружением, тату-салонов, кофеен, киосков с наркотиками и атмо-баров, в которых за деньги можно было дышать чем угодно – от ароматизированного воздуха до чистого кислорода.

Водитель с пассажиром стойко игнорировали все эти искушения. Их автоматический фургон повернул налево, в частный служебный переулок и плавно остановился. Пока машину оглядывали установленные на противоположных стенах камеры безопасности, из караулки вышел вооруженный мужчина и подошел к дверце со стороны водителя. Стороны обменялись вежливыми приветствиями, и охранник бегло оглядел внутренности машины. Осмотр занял всего лишь несколько минут.

Если бы в фургоне было что-нибудь подозрительное, его бы даже не пропустили в переулок. Проверка охранника всего лишь завершала процедуру.

Водитель пожаловался – умеренно – и на задержку, и на необходимость работать ночью. Его напарник так и не оторвал

взгляда от проекции манги. Обменявшись с водителем несколькими словами, охранник хлопнул по двери у открытого окна фургона и отошел назад. Перед машиной, давая дорогу, поднялись ворота, похожие на решетку средневекового замка.

Когда они заехали в крытый многоуровневый гараж, водитель перешел на ручное управление и остановил машину на парковочном месте у одной из огромных колонн, поддерживающих здание высотой в сто один этаж.

Как и многие другие опорные колонны постройки, эта была полой. Через часть колонны вверх и вниз шли коммуникации. В нескольких – как в той, возле которой остановился фургон – находились шахты служебных лифтов. Основной доступ осуществлялся через находившееся под пристальным вниманием охраны здание. Также можно было попасть внутрь через запертую дверь для внешнего обслуживания. Как и прочие входы, металлическая дверь охранялась круглосуточно.

Выйдя с противоположных сторон фургона, водитель вместе с напарником, который уже не выглядел равнодушным, быстро принялись за работу. Первым делом они достали и включили высокотехнологичные зеркальные «маски» перед каждой из двух камер безопасности, установленных над служебной дверью. Механизмы должны были транслировать обычный вид гаража, включая любое движение, и скрывали только припаркованный фургон.

Установив и проверив эти экраны, водитель с напарником принялись за дверь. Они не пытались взломать код доступа – любое подобное действие включило бы сигнал тревоги на станциях охраны. Вместо этого они искусно удалили петли с одной стороны и отодвинули обе створки двери – так и оставшиеся соединенными – от стены, так, чтобы протиснулся один человек.

Под защитой зеркальных масок из фургона через замаскированный и экранированный фальшпол выбрались трое. В отличие от водителя и его партнера, на новоприбывших не было рабочей одежды. Они с ног до головы оказались одеты в поглощающие свет черные наряды и несли с собой набор инструментов, которые не имели ничего общего с ремонтом электроники.

Как только трио проскользнуло в щель, водитель с помощником затолкали тяжелую дверь обратно на место, сняли экраны и приступили к замене нескольких совершенно исправных электрических выходов, проходивших по ближайшей стене.

* * *

Три затянутых в черное фигуры, проникшие в колонну, замерли на краю шахты лифта. Они распаковали самую большую упаковку из принесенного с собой снаряжения. Двое расположили портативный графеновый подъемник над зияющим тоннелем, а третий перехлестнул автономную петлю через один из основных тросов лифта. После этого все трое ступили на развернутый лист графена. Поскольку платформа соединялась только с одним тросом, им приходилось следить за балансом. Настоящая кабина лифта находилась внизу, и, согласно их информации, должна была оставаться там до утреннего наплыва *сараримен* и женщин. [7]

Под нажатием пальцев одного из несанкционированных посетителей небольшой, но мощный электродвигатель с гудением пробудился к жизни. Троица начала подъем. Поскольку они не активировали ничего, связанного с настоящим подъемником, со стороны он будет казаться бездействующим. Складной переносной лифт работал не очень быстро, но его относительно низкая скорость пассажиров не волновала.

Неторопливый подъем давал им время приготовиться самим и подготовить разнообразное оружие.

* * *

За стенами самой высокой башни в комплексе Ютани ночное небо, насколько хватало глаз, засвечивали огни Большого Токио. Иллюминация была столь же непоколебима, как и *сараримен*, которые упорно трудились внизу. На северо-востоке светящаяся радуга отмечала безумие района развлечений Асакуса.

Точная высота здания была тщательно просчитана его строителями. Оно было ровно на один этаж и семь метров выше, чем «Башня Вейланд» у Доков в Лондоне. Если бы Питер Вейланд остался в живых, если бы «Вейланд Индастриз» взяла «Ютани» под свой контроль, то было вполне вероятно, что к зданию в Большом Лондоне добавили бы несколько этажей.

Даже промышленные гиганты могут быть мелочными.

Как бы там ни было, «Ютани Корпорейшн» осталась победителем. Превосходное расположение комплекса около реки Сумида значило куда больше, чем высота любого из зданий. На рынке недвижимости Большого Токио подобный участок заявлял о корпоративном успехе и богатстве гораздо громче, чем высота построек.

Поскольку три верхних этажа центрального корпуса отводились под климатическое оборудование и узел систем коммуникации, самые важные корпоративные офисы

располагались на девяносто седьмом этаже. Там, между стеклянной панелью, которая обеспечивала открытый вид на город, и внутренней стеной, отделявшей зал от широкого коридора, проходило срочное собрание верхушки корпорации «Вейланд-Ютани». В силу позднего часа на этаже не было больше никого, не считая автоматических уборщиков и нескольких скучающих телохранителей, поэтому внутреннюю стену не затенили.

Несмотря на то что собрание было созвано спешно, присутствовали все восемь суэхирогари.[8] Они сидели за длинным столом из изысканно отполированного хиноки. На столе были аккуратно расставлены графины с водой сибирских ледников, небольшие бутылки двадцатичетырехлетнего виски «Ямазуки» и соответствующие стаканы. Трое представителей «Вейланд» сидели с одной стороны, четверо из «Ютани» – с другой. Вел собрание сидевший во главе стола президент и генеральный директор объединенной компании Хидео Ютани.

Он был недоволен.

Ютани начал с того, что остро посмотрел на двух мужчин и женщину, представлявших британское отделение компании. Из уважения к их присутствию, позднему часу и общему смятению он обратился к ним на английском языке, который впечатлил бы любого выпускника Итона.

– У всех вас было достаточно времени для того, чтобы обдумать доклад от наших представителей на «Завете». По дороге сюда к этому добавились новости о происшествии в Лондоне. Очевидно, что в системе безопасности оказались ошибки. Я хотел бы услышать объяснения. Немедленно.

Наступившая тишина говорила о том, что глава «Вейланд-Ютани» ожидал реакции. Несмотря на то, что все присутствующие являлись руководителями с огромными зарплатами, всеми возможными бонусами, доступом к частным самолетам и многим другим благам, в этот момент все семеро выглядели детьми, которых поймали на несделанном домашнем задании.

– Итак? – поинтересовался Ютани. – Кто-нибудь выскажется?

Заговорила дочь президента компании. Дженни Ютани, которая недавно перешагнула тридцатилетний рубеж, унаследовала от отца его напористость, ум и, как говорили некоторые, темперамент. Кроме того, в отличие от Хидео Ютани, она была красива. Занятная комбинация генов. Дженни была в состоянии дать отпор отцу там, где прочие медлили.

– Что меня тревожит, так это неочевидность всего произошедшего.

После того как тишину нарушили, необходимость в

комментарии ощутил и один из британских управляющих. Им оказалась женщина, не связанная с генеральным директором кровными узами и старше его дочери. Время изменило Японию.

– Что неочевидного в попытке убийства? – возразила она, окинув остальных взглядом. – В Лондоне явно была попытка убрать главу службы безопасности корабля и колонии.

– Зачем тогда устраивать эту шараду с выманиванием сержанта из офиса для собеседований? – задал вопрос один из японских управляющих. – Почему просто не убить его там и не уйти тихо? Зачем привлекать второго человека к попытке убийства на первом этаже, на глазах сотни свидетелей – и заодно вооруженных охранников у главного входа?

Такеши, самому невысокому человеку из присутствующих, требовалась подушка, чтобы нормально сидеть за столом. Однако, каким бы ни было его телосложение, люди обычно сходились в том, что мозг составлял добрую половину его веса.

Элегантно одетый управляющий справа от Такеши подхватил:

– Очевидно, что убийство сержанта было второстепенной целью.

– Второстепенной относительно чего? – спросила женщина из Лондона.

У того уже готов был ответ:

– Они хотели, чтобы рыжеволосую женщину наняли в службу безопасности «Завета». Чтобы провести ее на борт, – он помедлил, чтобы подчеркнуть важность слов. – Вероятно, для того, чтобы она устроила более масштабную диверсию, после того как окажется на корабле.

Дженни Ютани согласно кивнула. Несмотря на то, что она являлась наследницей одной из уникальных японских коллекций драгоценностей, на Дженни была только пара простых – хотя и очень дорогих – сережек. Броские украшения считались неподходящими для заседаний совета директоров, особенно созванных для обсуждения чрезвычайных происшествий.

– Сначала – инцидент на борту корабля, – сказала она. – Какова была заявленная цель главного действующего лица? Остановить отправку «Завета». Затем шумиха в Лондоне. Ее задача? – она кивнула управляющему, который предложил объяснение. – Чтобы доставить на борт кого-то другого, поскольку усилия предшественника окончились неудачей. Если бы этой… – она проконсультировалась со своим компьютером. – Мерием Тадик удалось проникнуть на корабль, что бы она совершила, учитывая неограниченный доступ? – Дженни Ютани помедлила. – Почти наверняка она продолжила бы работу своего погибшего предшественника. Иными словами, искала бы способ

саботировать работу «Завета», чтобы предотвратить его отправку.

Второй британец охотно согласился с ее оценкой.

– Звучит логично, – он оглядел собравшихся. – Кто-то – или, вернее, какая-то организация – не хочет, чтобы миссия «Завета» удалась. Не хочет, чтобы на Оригаэ-6 создали колонию. У этого кого-то есть люди, которые готовы пойти на всё, даже на смерть, ради достижения этой цели, – он помедлил. – Но кто это? И каковы их мотивы?

Один из управляющих «Ютани» отпил глоток дорогого виски из стакана, до половины заполненного золотистой жидкостью. Осторожно, чтобы не испортить дерева, опустил стакан на стол и сказал единственное слово. Или, скорее, выплюнул. Вежливо, но с достаточным чувством, чтобы не осталось никаких сомнений, как именно он к этому относится.

– *«Дзютоу».*

Из всех компаний, которые пытались перехватить корпорацию «Вейланд» после исчезновения Питера Вейланда, ни одна не доставила «Ютани» больше неприятностей, не предприняла больше усилий, чем гигантский китайский синдикат. Вперед и назад метались предложения невероятных сумм. Давались обещания и за иными столами, кроме сделанного из хиноки. На кон ставились карьеры, рушились репутации – корпорации попили друг у друга крови.

В конце концов Хидео Ютани и его компания победили. Поглощение произошло, окончательно и бесповоротно. Это поняли и неохотно приняли все остальные корпоративные игроки. За исключением мужчин и женщин, стоявших во главе «Дзютоу».

Они продолжали зондировать ситуацию, искать, возбуждали иски, где только было возможно, ставили под сомнение легальность поглощения, пытались подорвать репутацию отдельных сотрудников в попытке любыми способами подкопаться под сделку. Их позиция была хорошо известна. Они не станут просто тихо заниматься собственным делом. Слишком многое стояло на кону: научное наследие Питера Вейланда, его собственность. Фабрики. Незаменимые человеческие ресурсы. Контроль над колонизацией космоса человечеством.

Патенты на Дэвида.

Теперь все эти ресурсы были в руках «Вейланд-Ютани», но несмотря на это синдикат «Дзютоу» по-прежнему хотел их заполучить. Как показывала история этой компании, там, где речь шла о достаточном количестве активов, китайский гигант мог быть безжалостным. Мог быть убедительным. Он сделал бы всё, что необходимо для достижения целей.

Заговорил третий британец:

– Несомненно, участие «Дзютоу» выглядит правдоподобным, но в самом ли деле они могли зайти настолько далеко, прибегнуть к корпоративному саботажу? Даже к убийству.

– Боюсь, мистер Дэвис, что вы наивны, – ответил Хидео Ютани.

Несмотря на мягкость тона, его комментарий будто обжигал. Управляющий по фамилии Дэвис съежился в кресле. Президент компании повернулся к остальным.

– Что до меня, то я считаю так: люди, которые руководят «Дзютоу», могут пойти на что угодно. Я это знаю, потому что мне приходилось иметь с ними дело задолго до недавних событий. Пока у нас нет доказательств, что это дело их рук. Было бы преждевременно выдвигать против них прямые обвинения – не говоря уже о том, что это может оказаться клеветой. Прежде чем мы сможем рассмотреть открытое выступление, нам потребуется больше, чем гипотезы.

– Признание от одного из их агентов может стать хорошим первым шагом, – заметил управляющий «Ютани».

– Несомненно, – Ютани сложил руки перед собой на столе. – К несчастью, у нас нехватка кандидатов, поскольку двое мертвы, а третий удачно растворился на лондонских улицах. У нас нет свидетелей и нет доказательств вины «Дзютоу», – он откинулся в кресле и глубоко выдохнул. – У нас есть только наши подозрения.

Допив стакан виски, управляющий, который говорил незадолго до этого, потянулся, чтобы наполнить его заново. Когда Хидео Ютани повернулся к нему, мужчина замер с протянутой к графину рукой. Президент компании раздраженно махнул ему рукой.

– Давай, побалуй себя, Широ. Может, виски вдохновит тебя на пару идей. Похоже на то, что трезвыми мы ничего не добьемся.

Это было разрешение пить, а не напиваться. Широ, как и все прочие, легко читал между строк. Еще двое управляющих налили себе крепкий напиток. Их товарищи ограничились водой. Спустя некоторое время тишину нарушила британская управляющая.

– Если за этим стоит «Дзютоу», что они получат, остановив отправку «Завета»?

– Думаю, ответ на этот вопрос очевиден, – сказала Дженни Ютани. – Чем дольше они удерживают «Завет» от старта – повреждая сам корабль, подвергая опасности экипаж или каким-то образом удерживая нас от разрешения на отправление, – тем вернее компетентность руководства «Вейланд-Ютани» окажется под вопросом. Когда на кону стоит столько жизней – речь о будущем космической колонизации, – начнут задавать больше и

больше вопросов. И общественное мнение начнет оборачиваться против нас. Со временем будет поставлена под сомнение легальность слияния корпораций.

Она оглядела собравшихся.

– Хорошо бы это был просто вопрос бизнеса компании. Но медиа начнут кричать о «судьбе человечества» и «жизнях невинных людей». Трудно сражаться с чем-то неосязаемым. А пока мы будем вынужденно бороться с подобными вещами, «Дзютоу» при помощи разнообразных правительств будет работать за кулисами, чтобы подкопаться под нас и поставить под сомнение статус слияния.

– Ничто не разорвет союза «Вейланд» и «Ютани», – заговорил Дэвис с очевидным волнением в голосе. – Ни другие компании, ни отдельные личности, ни даже правительства. Ничто!

По ходу высказывания он все повышал голос.

Хидео Ютани посмотрел на него сузившимися глазами.

– Мистер Дэвис, мы все разделяем убежденность в крепости нашего союза и в нашем корпоративном будущем. Ваш энтузиазм достоин похвалы, но на этом собрании неуместен. Мне нужны ответы, а не подкрепление уверенности, – он ободряюще, но холодно улыбнулся. – Вы выглядите усталым. Немного свежей воды на лицо поможет вам прийти в себя и успокоиться.

Дэвис побледнел. Это было почти увольнением. Поднявшись, он обошел стол и двинулся к дверям зала заседаний. Двери, такие же прозрачные, как и стена вокруг, открылись при его приближении. Никто на него не смотрел. После того как двери закрылись за Дэвисом, обсуждение в зале заседаний продолжилось без него.

Взяв себя в руки, он направился к корпоративной туалетной комнате, которая располагалась поодаль. По дороге он случайно бросил взгляд на другую прозрачную стену, которая отделяла приемную от остальных офисов на этаже. В такой поздний час там не было ни секретарей, ни официальных встречающих, только корпоративные телохранители, которые сопровождали некоторых управляющих, включая босса и его дочь.

Дэвис озадаченно приостановился.

Телохранители оказались очень заняты. Три фигуры, затянутые в черное, вступили в рукопашную схватку с четверкой представителей службы безопасности. Казалось, все, что он видит, происходит в замедленной съемке: разоружение телохранителей, применение режущего оружия, брызги крови на внешней стене. Ни телохранители, ни нападавшие не заметили ошеломленного, взирающего на них через стекло управляющего – они были слишком заняты.

Дэвис повернулся и побежал. Нащупав свой коммуникатор, он позвонил на пост охраны внизу, чтобы поднять тревогу. Казалось, прошли часы, прежде чем те ответили. Будучи слишком испуганным, чтобы говорить громко, он прошипел тревожное сообщение в комм. Ворвавшись, наконец, обратно в зал совещаний, он проигнорировал как изумленные взгляды коллег, так и выражение немого гнева на лице Хидео Ютани.

– На нас напали! Наши люди дерутся с… я не знаю, с кем они дерутся!

Один из его коллег резко поднялся.

– Это невозможно! Никто не может добраться до этого этажа, не подняв тревогу!

Дэвис резко повернулся к нему.

– Скажи это нападающим с их долбаными мечами! Пойди и скажи им, что их присутствие здесь невозможно, – он посмотрел на Ютани. – Я сообщил в Центральный пункт. Они должны уже двигаться к нам. А пока, думаю, нам стоит воспользоваться любым доступным путем для экстренной эвакуации.

– Нам пришлось бы выбираться на крышу, – глава корпорации сохранял спокойствие, хотя выражение лица говорило об обратном. – Если нападающие уже во внешнем офисе, дорога к лифтам закрыта, – он оглядел членов совета директоров. – Придется ждать здесь и надеяться, что наши люди одержат победу.

– А если о-они не в-выиграют? – спросил второй мужчина из представителей «Вейланд».

– Будем действовать по обстоятельствам, мистер Бекман, – Ютани потянулся к собственной бутылке «Ямазуки». – Тем временем я предлагаю нам последовать примеру Ариоки-сан и укрепить себя насколько получится, – заполнив стаканчик наполовину, он отсалютовал англичанину. – Аплодирую вашей быстрой реакции и своевременному оповещению охраны, мистер Дэвис. При удаче наши люди задержат нападавших в коридоре, пока не прибудет служба охраны здания, – он обнадеживающе улыбнулся остальным. – Это не должно занять много времени.

8

Пятью минутами ранее…

Телохранители были хорошо обучены, но час был поздний, они устали, и не было никаких особенных причин оставаться настороже или проявлять особенную бдительность. Казалось, что им придется просто переговариваться, вполглаза приглядывая за лифтами, и ждать своих нанимателей, которые совещались в зале заседаний. Текстовые оповещения и звуковые сигналы тревоги дали бы знать, если бы какой-нибудь из лифтов двигался в эту сторону.

Когда облаченное в черное трио появилось из взломанной служебной шахты, индикаторы лифтов все еще не горели. Только один из четырех вооруженных охранников услышал, как тихо открылись двери в другом секторе этажа. Оглянувшись, он достал из наплечной кобуры пистолет. При первом признаке движения телохранитель начал выкрикивать предупреждение своим напарникам, но получил в горло сюрикеном с электрическим двигателем и миниатюризованной системой навигации, которая безошибочно привела оружие к цели.

Немедленно оценив ситуацию, остальные телохранители успели сделать несколько выстрелов. По большей части они промахнулись. Две попавшие в цель пули отразила гибкая броня, скрывавшаяся под черной одеждой нападавших. Те же в свою очередь предпочитали более традиционные – несмотря на самонаводящиеся метательные звезды – методы убийства. Например, ножи.

Как и их противники, телохранители тоже носили броню под одеждой. Это, впрочем, не спасло их от модифицированного по современным стандартам традиционного оружия, которым нападавшие мастерски владели. Одному телохранителю, пока он бежал к противнику, досталась метательная звезда в лоб. Древний аналог этого сюрикена просто ранил бы его.

Наличие крошечного двигателя и системы управления привело к тому, что модернизированная звезда прошла сквозь кожу, плоть, кости и мозг, после чего вырвалась с другой стороны и ушла в дальнюю стену. Миниатюрный двигатель продолжал работать. Вверх через открытую рану из разрезанных артерий брызнула кровь. Мужчина пошатнулся и остановился, а потом повалился набок. Его глаза все еще были открыты.

Еще одному телохранителю удалось сойтись со своим противником врукопашную. Телохранитель оказался крупнее нападавшего, и мощная рука отбила удар оппонента в сторону.

Тот немедленно разжал пальцы, которые сжимали нож.

Керамический клинок вырвался из его руки и под управлением встроенной в глаз своего владельца сенсорной микросхемы вонзился в горло изумленного телохранителя. Тот отшатнулся и схватил толстыми пальцами рукоять самодвижущегося оружия. Он старался двумя руками оторвать от себя нож, но двигатель оружия продолжал работать, стараясь толкнуть острие глубже. На прежде безукоризненно чистую куртку телохранителя струилась кровь из пробитой сонной артерии.

Один за другим окровавленные телохранители падали на пол. За этим последовала сюрреалистичная сцена. Совет директоров «Вейланд-Ютани» со смесью изумления и ужаса наблюдал за тем, как нападавшие переступили через четыре тела и направились к залу для совещаний.

* * *

Когда нападавшие оказались на виду, Хидео Ютани, не изменяя своей знаменитой самоуверенности, принял равнодушный вид. В то время как остальные члены совета директоров проявляли разную степень тревоги и даже страха, миниатюрный Такеши полностью игнорировал происходящее. Он сосредоточился на том, что не торопясь и методично опустошал нетронутую бутылку «Ямазуки-24», стоявшую перед его соседом.

– Все сохраняйте спокойствие, – сказал Ютани, когда фигуры в черном показались по ту сторону стеклянной стены.

Ножи в их руках выглядели угрожающе и были покрыты кровью, отчего ему стало гораздо сложнее сохранять невозмутимость. Тем не менее он считал это своим долгом.

– Эти бандиты находятся по другую сторону стены из толстого кварцевого стекла, – продолжил он. – Я не вижу взрывчатки, а код доступа меняется каждый день, так что у них его быть не может.

Он обменялся взглядом с Широ. Молодой директор опустил коммуникатор и медленно покачал головой. Ютани кивнул в ответ. Нападавшие определенно были бы глупцами, не позаботившись о блокировке связи перед тем, как врываться в здание.

Ютани повернулся обратно к стене и стал наблюдать за тем, как двое нападавших развернули одинаковые лазерные сверла. Один начал проплавлять дыру в стене, а его напарник принялся работать над запорным механизмом. Некоторые из директоров

отступили в глубину зала. Третий из группы нападающих занимался тем, что собирал из частей что-то похожее на водяной пистолет промышленного класса.

Как только первый человек проплавил дыру в стене, он отступил в сторону, чтобы дать дорогу напарнику с похожим на пистолет прибором. Тот просунул в дыру ствол и выстрелил.

Дэвис вместе с женщиной из лондонского офиса нырнули под кипарисовый стол, еще несколько их коллег попытались найти укрытие где-нибудь еще. Но оружие стреляло не пулями. Вместо этого в воздухе неожиданно разлился слабый запах – по иронии судьбы – цветущих вишен.

Столешница защитить не смогла. Прежде чем упасть на покрытый толстым ковром пол, Дэвис успел подумать, что запах оказался довольно приятным. Такеши, который уже наполовину потерял сознание от непрерывного поглощения дорогого виски, отключился, положив голову на стол.

* * *

К тому времени, как оператор второй дрели прорезал дверь и троица вошла в зал, внутри все были уже без сознания. Сзади доносился отдаленный гул, который говорил о том, что работает главный пассажирский лифт.

– Живее! Они идут!

Сказавший это человек понесся по коридору обратно. При помощи лазерной дрели он начал заваривать двери сначала одного лифта, потом следующего. Это не остановило бы ехавших в лифтах охранников, но могло их замедлить. Остальные охранники, без сомнения, осторожно пробирались по пожарным лестницам – они должны были подниматься медленно, ожидая встретить сопротивление.

– Держи!

Пока один из оставшихся подхватил потерявшую сознание Дженни Ютани под руки, его напарник достал из поясного кармана маленький цилиндрический пульверизатор, поднес его к носу женщины и дважды нажал. Когда та начала моргать и кашлять, он быстро заткнул ей рот кляпом. Антидот был таким же сильнодействующим, как и яд, которому он противостоял. К тому времени как руки Дженни стянули за ее спиной, а ноги связали в коленях, она полностью пришла в себя.

– Она проклинает нас взглядом, – заметил первый. – Радуйся, что не можешь услышать, что она думает.

Не обращая внимания на приглушенные протесты, они

наполовину вытолкали, наполовину вытащили ее из зала. Заметив, как она бросила тревожный взгляд назад, мужчина с пульверизатором поспешил ее успокоить:

– Не волнуйся. Они поспят час и проснутся с ужасной головной болью, но газ не смертелен. Даже твой невежественный бесчувственный отец к рассвету будет прекрасно себя чувствовать.

На пути к служебному лифту она начала с ними бороться, и мужчина добавил более резким голосом:

– Не дергайся. Если ты упадешь, нам это пользы не принесет, а тебе будет еще хуже. Мы просто тебя потащим, и без нежностей.

* * *

Она бросила на него испепеляющий взгляд, но послушалась, сочтя, что это все – лишь тщательно разработанное похищение. Ее похитители свяжутся с отцом, они согласуют размер соответствующего выкупа. Выкуп заплатят, множество людей из отдела безопасности уволят, и жизнь вернется к норме.

Когда они проходили через зону ожидания, Дженни увидела сцену побоища, которое там произошло, и ее глаза расширились. Телохранители лежали в неестественных позах, а с лиц, которые ей удалось увидеть, незряче смотрели раскрытые глаза. Кровь из их тел стеклась воедино, образовав вокруг большую лужу.

После этого похитители начали заталкивать ее в кажущуюся темной и пустой шахту лифта. Как раз перед тем, как ее впихнули внутрь, Дженни споткнулась, испустила придушенное проклятье и почти упала – на правой туфле отломился каблук. Несколько секунд чистого ужаса сменились облегчением: вместо падения на сотню этажей до служебных помещений на дне лифтовой шахты она стояла на плоской надежной платформе.

Двое мужчин встали у нее по бокам, а через миг к ним присоединился последний из группы.

– Ты взорвал дверь на аварийную лестницу? – спросил один из ее захватчиков, когда за ними закрылись двери лифта. Третий мужчина кивнул. Ютани жалела, что не может разглядеть ничего кроме их глаз – костюмы, как у ниндзя в старых фильмах, полностью скрывали лица.

– Я оставил щель, чтобы в самый раз, – мужчина указал в ту сторону, откуда пришел. – Когда они обыщут этаж, первым делом заметят открытый аварийный выход. И подумают, что мы где-то на крыше, ждем вертолет.

Не видя их лиц, Ютани все-таки могла слышать голоса. В

качестве первого предположения она решила, что только один из похитителей был японцем. Остальные говорили совершенно по-европейски. Любопытно. Как минимум это предполагало, что якудза здесь не замешаны. Не-японцы в рядах якудза встречались так же редко, как снежные обезьяны в частной сауне.

Переносная складная платформа начала опускаться. Ее двигатель работал практически бесшумно. Дженни, чей рот был заткнут кляпом, осознала, что прибывающие охранники его не услышат. Они предположат – по крайней мере, поначалу, – что тщательно охраняемая служебная шахта никем не используется. Похитители и их жертва опускались в тишине. Вместо элегантных зеркальных стен со всех сторон их окружали лишь голые стены шахты. Дженни показалось, что за стеной она слышит охрану, которая бежала на девяносто седьмой этаж. Она попыталась закричать, но рот ей заткнули профессионально. Дженни могла издавать лишь приглушенные звуки. Ее похитители ничего не сказали о ее попытках кричать, но по выражению глаз казались очень довольными.

Опустившись до второго уровня гаража, они оставили переносной лифт и вытолкнули Дженни из шахты. Увидев двух мужчин в рабочих костюмах, которые, кажется, работали над проводкой и контрольным щитом, Дженни на миг ощутила прилив надежды. Но это ощущение длилось только до того момента, когда один рабочий поспешно собрал инструменты и начал обходить фургон спереди, в то время как его напарник быстро распахнул заднюю дверь машины и отступил в сторону.

Похитители понуждали ее идти вперед. Дженни постоянно спотыкалась, пока не ухитрилась сбросить левую туфлю – вместе с ее оставшейся без каблука парой. Оставшись босиком, она не сопротивлялась, когда мужчины втянули ее в фургон. Ремонтник, который стоял у машины, захлопнул за ними дверь. Дженни слышала его шаги: он спешил в переднюю часть фургона, чтобы присоединиться к напарнику.

Похитители положили ее на пол на спину, и из-за смены положения Дженни начала задыхаться. Один из нападавших, который работал с дрелью, наклонился над женщиной и спокойно посмотрел в глаза.

– Если задохнешься до смерти, ни нам, ни тебе пользы это не принесет, – он протянул руку к ее лицу. – Я хочу вынуть кляп. Поднимешь голос выше, чем нужно для разговора, и я засуну его обратно. И неважно, задохнешься ты или нет. Поняла?

Дженни кивнула. Пока он осторожно вынимал кляп, она прикидывала возможности. На этот момент даже наилучшие варианты казались малореальными. Ну и ладно, решила она.

Если нельзя сбежать, можно слушать. Все, что ей удастся узнать, может оказаться полезным для полиции. Это означало, что ей надо было заставить их говорить дальше.

– Очень профессионально, – тихо заметила она. – Я бы выразила восхищение, но убить вас хочется больше. Я видела, что вы сделали с нашими защитниками. Значит, вы все виновны как в похищении, так и в убийстве.

– Ютани ставит под угрозу непредставимое количество жизней, – объявил один одетый в черное похититель.

Другой, который, казалось, руководил остальными, быстро заставил его замолчать. Такая реакция, как казалось Дженни, сама по себе могла указывать на что-то значительное. Но на что?

– В зале собрания повсюду лежали тела, – она с трудом сглотнула. – Это правда, что мой отец и его подчиненные живы?

– Я уже тебе говорил, они просто спят, – слегка приподнявшись, лидер выглянул в лобовое стекло между водителем и его помощником, потом снова опустился на колени рядом с Дженни. – Они проснутся с головной болью и, если повезет, с угрызениями совести, – помедлив, он добавил: – Мы не стали бы убивать ваших телохранителей, если бы они не оказали сопротивления.

– Ты хочешь сказать: если бы они не стали выполнять свою работу, – резко ответила Дженни.

Это его не смутило.

– Верь, во что хочешь. Я не стану обсуждать с тобой частности.

– Как насчет этики? Поговоришь со мной об этике? Этике убийства и похищения?

Похититель посмотрел на нее сверху вниз, и Дженни ошеломленно поняла, что он едва не плачет.

– Ты не станешь спорить со мной об этике, мисс Ютани. Или с кем-либо из моих товарищей. Ты проиграешь. Всухую.

Обдумав этот своеобразный ответ, она попробовала зайти с другой стороны.

– Мой отец заплатит любой выкуп, какой вы потребуете. Валютой, по счету или в электронном виде – все, что скажете.

– Заплатит ли? – трое мужчин в черном переглянулись.

Дженни показалось, что по какой-то причине она их позабавила.

– Посмотрим, – лидер снова посмотрел на Дженни. – Деньги нас не интересуют. То, что нам нужно, то, о чем мы будем вести переговоры с твоим отцом и его советом директоров, – это…

Один из похитителей сделал жест, словно хотел прервать лидера, но тот отмахнулся.

– Неважно, узнает она сейчас, или позже, – лидер снова обратил внимание на Дженни. – Мы хотим – мы требуем – чтобы «Вейланд-Ютани» отменила миссию «Завета».

Дженни была поражена.

– Значит, вы не просто обычные похитители. Вы фанатики, – она поняла, что иметь дело с такими похитителями будет сложнее. – Знаете ли вы, что «Вейланд-Ютани» вложили в миссию «Завета»? Имеете ли хоть какое-то представление о цене? Не просто для компании – для сотен семей колонистов, которые продали все, что имели, и попрощались навсегда со всеми друзьями и родственниками на Земле? Вы пытаетесь уничтожить их мечту!

– Возможно, – ответ главаря похитителей звучал на удивление устало. – Но еще мы спасем их от кошмара – а заодно и всех остальных тоже.

Несколько секунд Дженни пыталась осознать, о чем он говорит, но в итоге непонимающе покачала головой.

– В этом нет никакого смысла. Но, вероятно, не стоит ожидать от фанатиков, которые действуют алогично, разумного разговора. Разве что, – попробовала она потянуть за другую нить, – вы работаете на синдикат «Дзютоу».

– Дзю?.. – главарь не договорил. Он посмотрел на подчиненных, и все трое тихо захихикали.

Снова это была не та реакция, на которую рассчитывала Дженни. Когда приступ неуместного веселья наконец прошел, лидер снова опустил на нее взгляд.

– Возможно, нашу высшую цель тебе объяснят, возможно, нет. Это будут решать другие. Тебе, твоему отцу и остальным в «Вейланд-Ютани» достаточно понять, что миссия «Завета» должна быть сдана в утиль. Не отложена. Отменена. Навсегда.

Дженни сжала губы.

– Этому не бывать. Вы можете убить меня, можете убить моего отца, можете зарезать весь совет директоров, но «Завет» отправится к своей цели, и Оригаэ-6 будет колонизирована. Это необходимо человечеству!

– Человечество глупо, – третий похититель говорил с абсолютной уверенностью. Именно так, как можно было ожидать от преданного фанатика.

В сознании Дженни крутились кусочки головоломки, которые внезапно сошлись вместе, словно их приварили. Она словно заново оценивала похитителей, и ее глаза расширились.

– Происшествие на борту корабля. Потенциальный саботажник, который выбросил себя из шлюза. Он был одним из вас! – когда они промолчали и даже не посмотрели на нее в ответ,

она продолжила: – То, что произошло в Лондоне: женщина, которая пыталась наняться на «Завет» в службу безопасности, и мужчина, который пытался убить главу корабельной службы охраны, сержанта Лопе. Они тоже были вашими наемниками.

– Товарищами, – мгновенно поправил ее главарь группы похитителей. – Хорошие люди. Преданные люди. Однажды им воздвигнут статуи, а память о том, что они пытались совершить, станут чтить по всему миру.

Ее ответ был рискованным.

– Провалы не почитают. Безумцам не ставят статуй.

И снова лидера это, казалось, не задело.

– Вчерашние безумцы – это сегодняшние святые. Время и перспектива – линзы, через которые оцениваются деяния. Нас не заботит оценка истории. Мы вполне способны оценить себя самостоятельно.

– Вам не придется, – она посмотрела вперед, туда, куда мчался служебный фургон. – Суды сделают это за вас.

– Вначале им придется нас поймать, – упрямо сказал второй похититель.

Дженни уже не была уверена, кто из них кто, и это не имело особенного значения. Внимательно прислушиваясь, она выпрямилась, насколько это было возможно.

– Если я права, этот момент придет скоро.

Сирены они услышали за миг до того, как мужчина на пассажирском сиденье оглянулся с мрачным выражением лица.

– У нас гости.

Главарь троицы похитителей поднялся. Пройдя вперед, он ухватился руками за сиденья водителя и пассажира и принялся изучать показания на неожиданно сложной панели управления фургона.

– Сколько?

Напарник водителя тоже изучал раскрывающиеся данные, предоставляемые задними датчиками и камерами фургона.

– Двое. Служба безопасности компании, – он помедлил, а когда заговорил снова, его голос помрачнел. – Еще с ними две, может, три машины городской полиции. Один вертолет, – он оглянулся на лидера. – Вероятно, еще больше и тех, и других уже в пути.

– Вот дерьмо, – с тяжелым вздохом ответил тот. – У нас есть какие-то шансы оторваться?

– Сомневаюсь, – водитель говорил, не оглядываясь. – Слишком много уже на хвосте, и, как говорил Ичиро, вероятно, их будет еще больше. Придется вас сбросить и подобрать потом. И понадобится отвлечь внимание.

Его напарник уже вбивал информацию в коммуникатор.

– Наши друзья будут знать, где вас искать.

– А вы как? – к этому времени к лидеру присоединился еще один одетый в черное похититель. Он заглядывал через плечо командира, изучая многочисленные экраны. Это значило, что рядом с Ютани остался всего один мужчина.

Голос водителя не изменился.

– Мы купим достаточно времени, чтобы вас спокойно подобрали. Селаем, что нужно, – он помедлил. – Как и все – мы к этому готовы.

Главарь промолчал.

Торжественное молчание нарушила Ютани. Она резко метнулась вперед, ударив ближайшего похитителя правым плечом точно в пах. Как только он упал, а два его товарища попытались броситься к Дженни, она крутнулась, оттолкнулась ногами от пола и бросила тело на заднюю дверь. Еще когда ее погрузили в фургон, она заметила запорный механизм, и Дженни с силой толкнула его связанными руками. Дверь послушно распахнулась. На краткий миг она поймала взгляд лидера похитителей, а потом позволила себе выпасть из фургона. Прощальная изумленная ругань главаря быстро унеслась вперед, а Дженни, как могла, вжала голову в плечи и опустила ее к груди, а также плотно прижала к телу руки и ноги. Она ударилась о дорожное полотно, подскочила, а потом покатилась дальше. Вырвало из уха одну сережку, потом вторую – каждая из них стоила многие десятки тысяч. Кровь брызнула из разорванных мочек, а потом показалась и на тех участках тела, где порвалась одежда. В ушах бились звуки сирены, а глаза Дженни слепил свет фар.

Звук быстро исчез: полицейская машина, которая двигалась впереди, остановилась, визжа шинами. Ее занесло; водитель едва успел нажать на тормоз, чтобы не переехать Ютани. Дженни почувствовала, как ее сознание плывет. Она слышала, как другой полицейский кричит в комм, вызывая летающую «скорую помощь». Потом она ощутила на себе руки, которые перевернули ее на спину. Несмотря на то, что действие было мягким, от прикосновения к ободранной коже ей захотелось закричать.

– Она жива! – крикнул офицер, который склонился над Дженни.

Словно через пелену она слышала, как рядом тормозят другие машины.

– Где эта проклятая «скорая»?!

Дженни с ранних лет занималась боевыми искусствами, и то, как нужно падать, было одной из первых вещей, которым ее

обучили. Эта простая, скучная часть обучения, возможно, только что спасла ей жизнь. Она не чувствовала, что у нее что-то сломано. «По крайней мере, – слабо сказала она сама себе. – Ничего жизненно важного».

Теряя сознание, она улыбалась. Ее похитители были не единственными, кто мог посвятить себя делу.

9

В фургоне повисло разочарованное молчание. Чрезвычайно сложная, опасная и многоплановая операция закончилась ничем, потому что один из участников расслабился – всего на секунду – и позволил себя подловить. На пострадавшего никто не орал. Никто из его товарищей вообще ничего не говорил. Поделать ничего было нельзя. Они не смогли добиться цели своего предприятия.

Не оставалось ничего, кроме как двигаться дальше.

Для этого им необходимо было выжить, а значит – избежать внимания тех полицейских машин, которые не остановились и продолжали преследование. Несмотря на то, что за рулем был умелый водитель, а сам автомобиль модифицировали, фургон был не в состоянии соперничать в маневренности с полицейской машиной, не говоря уже о двух вертолетах, которые теперь отслеживали их перемещения с воздуха.

Дважды полицейские старались остановить фургон. Одна полицейская машина попыталась толкнуть фургон сбоку, чтобы тот потерял управление. Попытка провалилась, потому что автомобиль был оборудован программами гироскопической коррекции, которые обычно на подобные машины не ставились.

Хотя полиция и охрана компании жаждали поймать преступников, они готовы были выждать. Фургону, за которым пристально следили как с улиц, так и сверху, спрятаться было негде. Учитывая скорость, с которой он мчался, аккумуляторы вскоре должны были сесть.

Полиция начала отставать.

Фургон резко повернул направо и ворвался на открытую десятиуровневую парковку. Отработав маршрут на тренировках, водитель знал, куда направляется. Ему не было нужды сверяться с навигационной системой.

Вертолеты заняли позиции над двумя выездами из здания, а прибывшие полицейские машины и броневики начали закрывать все возможные пути отхода. Парковка граничила с темной лентой реки Сумида, что автоматически закрывало одно из направлений.

На пятом уровне фургон повернул направо к ряду запаркованных машин. Он снизил скорость, но не остановился. Плотный мужчина на пассажирском сиденье нажал несколько кнопок на комме, после чего люк, встроенный в днище фургона, распахнулся. Большой темный контейнер, где уже снова скрывались трое похитителей, выпал и выскользнул между задними колесами. Включив собственный электрический

двигатель, он на четырех маленьких колесиках, установленных по углам, последовал по сигналу самонаведения. И остановился точно под одной из сотен припаркованных машин: еще одним фургоном, хотя и не грузовым.

Двойные дверцы, идентичные тем, что были установлены в днище убегающей машины, раскрылись. Сдвоенные подъемники этого нового, находившегося в частной собственности фургона, подхватили контейнер и унесли наверх. Люк закрылся.

Трое похитителей быстро переоделись в оставленную для них одежду. Двое притаились в задней части фургона, а третий сел за руль, выехал с парковочного места и неторопливо направился туда, откуда они приехали.

Пока они ехали к выходу, мимо промчались несколько полицейских машин. Троица знала, что их просканировали, но никто не попытался остановить их автомобиль. К тому времени, как последняя полицейская машина въехала на парковку, фургон выбрался на ту же улицу, с которой заезжал внутрь.

* * *

В это время грузовой фургон набрал скорость на рампе, которая вела на десятый уровень парковки. Как только он выбрался на крышу, его тут же осветили прожектора двух зависших полицейских вертолетов. Учитывая, что с десяток преследователей догоняли их и блокировали рампу, беглецам некуда было деться.

Резко повернув налево, фургон ускорился. Он продолжил набирать скорость, даже когда несколько полицейских машин повернули и остановились, чтобы образовать барьер. Из машин вышло несколько полицейских, которые достали оружие и попытались прострелить шины удаляющегося фургона, но из-за спешки и неровного света промахнулись.

Продолжая ускоряться, автомобиль проломил низкую ограду, которая охватывала последний уровень парковки. Казалось, что после этого он словно замедлился в падении, описывая в воздухе ровную дугу. А потом фургон врезался в темную воду Сумиды. Он затонул полностью, оставив позади только пузыри.

Учитывая вероятность того, что находившиеся в фургоне оказались достаточно предусмотрительными, чтобы запастись противоударными устройствами и дыхательными приборами, полиция начала прочесывать набережную. Вертолеты просвечивали прожекторами реку и по течению, и против. Поиски продолжались даже после того, как полицейские водолазы

обнаружили затонувший автомобиль.

* * *

Достав со дна реки сильно поврежденный фургон, тяжелый грузовой вертолет поднял его на крышу парковочного здания, где оборудовали временный командный пункт.

Из-за того, что лобовая часть фургона сплющилась от удара о воду, потребовалось какое-то время, чтобы вырезать обе смятые двери и достать тела, которых оказалось только два. Поскольку Дженни Ютани утверждала, что в фургоне находились пятеро, немедленно организовали розыск остальных троих. Тем не менее последующие интенсивные поиски на парковке, в соседнем офисном комплексе или на улицах снаружи ничего не дали.

Согласно документам, обнаруженным на телах, погибшие являлись служащими крупной и уважаемой компании, которая специализировалась на обслуживании электрических и водопроводных систем в больших коммерческих постройках.

Очень быстро то, что поначалу выглядело относительно простой процедурой опознания, начало запутываться. Служебная машина оказалась недавно украденной со стоянки компании. Униформу, которую обнаружили на телах, шили на заказ, и она не являлась стандартной. Удостоверения личности оказались поддельными.

Это потребовало от полиции проведения медицинских проверок. Сканирование не позволило получить слепок лиц из-за полученных повреждений. Сканирование сетчатки оказалось бесполезным – по той же причине. В итоге только сравнение ДНК наконец позволило успешно определить личности двух мертвых похитителей.

Результаты оказались столь же потрясающими, сколь и неожиданными.

10

Спустя двадцать четыре часа после вторжения зал для заседаний оставался совершенно недоступным: полиция изучала, сканировала и просеивала всё до элементов на молекулярном уровне. В результате Хидео Ютани вынужден был созвать следующее собрание в гораздо менее элегантной обстановке.

Столовая для администрации, располагавшаяся в небоскребе, сейчас была пуста, не считая собравшихся. Здесь стояли практичные, хотя и удобные кресла, вместо «Ямазуки-24» предлагалась простая бутилированная вода, а разбросанные по помещению столы были гораздо меньше и не производили такого впечатления, как бесценная плита полированного хиноки, украшавшая главный зал.

На совещании присутствовал Дэвис, хотя один из его коллег улетел в Англию, чтобы проинформировать высшее руководство «Вейланд» о том, что произошло. Другая коллега Дэвиса находилась в госпитале, проходя лечение от истощения и полученной при падении травмы. Из директоров «Ютани», присутствовавших при нападении, двое сидели рядом с Дэвисом. Грозный Такеши-сан, перенесший сердечный приступ, находился в другой больнице. Он должен был полностью оправиться, и Ютани определенно на это надеялся. Подчиненных, которые говорили то, что думают, найти было нелегко.

Также присутствовал капитан Кацуми Сато, начальник службы безопасности здания. Крупный мужчина с выразительной мускулатурой и впечатляющими усами выглядел так, словно страстно желал оказаться где-нибудь в другом месте. Он сидел молча, приготовившись отвечать на вопросы и давать пояснения как можно лучше.

Дочь Ютани тоже находилась здесь. Ее поза выдавала напряжение: Дженни Ютани была покрыта кровоподтеками и ссадинами как видимыми, так и скрывавшимися под одеждой. Оба уха прикрывали тщательно наложенные ярко-синие повязки. Еще одна повязка – плотная и незаметная – охватывала вывихнутое колено.

Один британец, двое членов совета директоров «Ютани» – Касави и Арикоки, – некомпетентный охранник компании и дочь. Это были все, чье присутствие требовалось Ютани в данный момент: по крайней мере до того, как полиция составит предварительный доклад о попытке похищения. Хотя Ютани сдержал себя и не стал пытаться поучать власти, он ясно дал им понять, что недоволен темпом расследования.

Взглянув на дочь, он почувствовал, как разочарование и злость частично ушли.

Ни один отец не мог бы больше гордиться отпрыском. Если бы не ее сообразительность, похищение могло бы удаться. Конечно, если бы самого Ютани тоже захватили, он сделал бы все, чтобы предотвратить ее попытку бегства – падение из задней двери фургона легко могло оказаться смертельным. Тем не менее ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не улыбнуться при мысли о том, в какое замешательство это должно было повергнуть похитителей.

Улыбка была не к месту – особенно сейчас и особенно перед подчиненными.

С другой стороны, образ дочери, лежащей мертвой, изломанной на дороге, чуть не заставил его прослезиться. Почти. Ютани взял себя в руки. Сама Дженни не одобрила бы настолько открытое проявление эмоций отца. Он – Хидео Ютани, и он должен следить за тем, какое впечатление он производит на других.

Обучение боевым искусствам, которое, вероятно, спасло ей жизнь, спасло также и ее лицо – и в переносном, и прямом смысле. Группа лучших токийских врачей спешно занялись поврежденной кожей. Повязки на ушах обозначали, что там процесс лечения займет больше времени. Невидимая повязка заставит ее чуть заметно хромать при ходьбе – и ни один сотрудник компании не окажется настолько бестактным, чтобы на это указать.

Пока Ютани готовился заговорить, капитан Сато поднялся, подошел к нему и поклонился настолько низко, как только было возможно, чтобы не поставить в неловкое положение себя или своего начальника. В левой руке он держал небольшой пакет, обернутый в толстую золотую бумагу и перевязанный шнуром, который сверкал блестками из аметистовой крошки. Ютани наблюдал за этим со смесью любопытства и одобрения. Что бы там ни было, оно явно обошлось начальнику охраны очень дорого. Результат получился изысканным и без излишеств.

– Что это, капитан?

– Кое-что для вашей дочери, Шачо-сан. Она может решить это выбросить, но я думаю, будет лучше, если она решит сама.

Ютани кивнул, и мужчина обернулся к его дочери.

Молодая Ютани вежливо приняла пакет. Пока она разворачивала упаковку, Сато вернулся в свое кресло. Аметистовая пыль сверкала пурпуром. Дженни развязала шнурок, случайно надорвав золоченую обертку. В коробочке оказалось две вещи, погруженные в аэрогель. Одной из них оказался каблук

туфли, который отломился, когда ее заталкивали на подъемник. Другой – вторая туфля, оставленная в гараже. На месте разлома виднелись едва заметные модуль спутникового слежения и передатчик.

Сато наклонил голову в ее сторону.

– Если бы не предвидение, заставившее вас оборудовать обувь подходящими следящими устройствами, мы не смогли бы обнаружить вас настолько быстро – если бы вообще сумели это сделать, – он указал на сломанный каблук. – Оставив это позади, вы сообщили моим людям, что нет вертолета, который забрал бы вас с крыши. Вторая туфля направила ближайший патруль в гараж, откуда они смогли начать преследование машины ваших похитителей, после чего те так и не смогли оторваться от нас и от слежки властей.

Отец Дженни кивнул.

– Все произошло настолько быстро, что у них не было времени изучить или просканировать одежду моей дочери, – он пожал плечами. – Возможно, они никогда бы и не обнаружили эти устройства. Их операция была сложной, но не идеальной. Так случается с большинством преступников и многими компаниями: сосредоточившись на общей картине, они часто упускают из виду мелочи, из-за которых операции терпят крах.

– Мое изначальное предположение состояло в том, – продолжал Ютани, – что целью попытки похищения было просто желание получить выкуп. Моя дочь считала так же, но если бы дело было в деньгах, к чему усложнять все прохождением системы безопасности здания? Почему бы просто не перехватить ее, нейтрализовав телохранителей, пока она навещает друзей или ходит по магазинам, или в СПА? – он обвел взглядом сократившуюся группу советников. – То, что ее захватили здесь, посреди собрания директоров, наводит на мысль, что похитители планировали сделать этим некое заявление. Благодаря Дженни у нас есть тому свидетельство, – он кивнул дочери. – Расскажи всем, что тебе сказали похитители.

Та поерзала в кресле.

– Когда я сказала им, что отец заплатит любой выкуп, какой они попросят, похитители ответили, что деньги их не интересуют, – она помедлила, чтобы придать словам выразительности. – Они хотели, чтобы компания отменила миссию «Завета».

Собравшиеся зашумели. Первым заговорил изумленный Дэвис.

– Но… это то же требование, какое выдвигал диверсант на корабле!

Следующим был Широ:

– Сначала происшествие за «Завете», потом эпизод в Лондоне, а теперь еще это. Учитывая, как всё совпадает по времени, я вынужден поверить в то, что эти события связаны. Что всё это часть некоего большого замысла, – он выглядел сбитым с толку. – Откуда у находящихся по разные стороны света людей это внезапное желание уничтожить проект колонизации? Желание достаточно сильное, чтобы отдавать за это жизнь! Кто столько выигрывает от отмены миссии «Завета»?

Дэвис разве что не оскалился.

– Наши конкуренты, вот кто. Или, вернее, наш единственный оставшийся конкурент на колонизаторский контракт, у кого есть необходимые средства и желание составить и привести в действие план такого международного масштаба. Не говоря уже о желании увидеть крах «Вейланд-Ютани», – следующее слово он прорычал: – «Дзютоу»!

Ютани поднял руку, прерывая ответную смесь взволнованных реплик и проклятий.

– Должен сказать, что эта мысль в первую очередь пришла и мне. Чжан Цянда, Чэнь Чао, Линь Ню. Любой из этой троицы руководителей «Дзютоу» способен самостоятельно составить такой замысел. А вместе они способны на что угодно.

– Ублюдки, – проворчал Широ. – Даже для них зайти так далеко кажется чрезмерным.

– А кто еще? – глухо сказал Дэвис. – У кого еще нашлись бы средства, настолько длинные руки и желание довести «Вейланд-Ютани» до такого невероятного провала? У кого еще хватит дерзости хотя бы попытаться?

– То, что есть и другие, кто мог бы пожелать подобного, отрицать нельзя, – Ютани задумался. – Но я думаю, вы оба правы. Столкнувшись с подобными голословными обвинениями, в «Дзютоу», разумеется, будут все отрицать. У меня нет сомнений, что если они на самом деле являются в этом деле главной движущей силой, то они достаточно умны, чтобы выйти сухими из воды, – он медленно покачал головой. – Эта Чжан – она может страстно целовать, при этом сжимая в обеих руках ножи за твоей спиной.

Касави передернуло.

– Прошу простить за это признание, господин, но от этого образа у меня желудок скрутило.

Глава «Вейланд-Ютани» ухитрился слабо ухмыльнуться.

– Лучше, когда крутит, чем когда прокалывают, – он посмотрел на повязки дочери, ухмылка исчезла. – Не беспокойтесь. Если за этими многочисленными инцидентами

действительно стоит «Дзютоу», то мы займемся ими, как подобает.

Поморщившись от непрекращающейся боли, к собравшимся снова обратилась Дженни Ютани.

– Я не понимаю. Откуда такое стремление провалить колонизацию? Не именно «Вейланд-Ютани», но проект, который призван нести благо всем народам? Успешная колонизация других миров и распространение человечества не только ослабит давление на население, она со временем уменьшит спрос на убывающие природные ресурсы и обеспечит выживание вида, – она печально покачала головой. – Хотелось бы думать, что подобные вещи перевесят любую человеческую или корпоративную жадность.

Дэвис понимающе закивал.

– Да, хотелось бы. Вам хотелось бы, мне, всем собравшимся здесь, но мы – не «Дзютоу».

– Да ладно тебе, Марк, – Ютани махнул рукой. – В обратной ситуации, если бы контроль над проектом колонизации оказался не у «Вейланд-Ютани», ты думаешь, мы проявили бы меньшую алчность?

Англичанин слегка пожал плечами.

– Возможно, нет, но наши методы, реакция были бы иными, – внезапно засомневавшись, он помедлил. – Правда ведь?

– Разумеется, – Ютани не повысил голоса, и его подчиненный расслабился. – Хотя мы использовали бы любые имеющиеся в нашем распоряжении средства, чтобы вернуть контракт, мы не пошли бы на похищение человека и не стали бы жертвовать жизнями наших служащих.

Его дочь обозначила согласие.

– Значит, мы можем заключить, что в их намерения входит поставить «Вейланд-Ютани» фингал под глазом, атакуя все, что затрагивает миссию «Завета». Чтобы вынудить отменить проект, в результате чего они, вероятно, выступают открыто и предлагают «спасти» будущее колонизации.

Ее отец уже готов был согласиться и добавить что-то от себя, когда совещание прервало прибытие курьера. Поклонившись Сато, человек передал капитану запечатанный невзламываемый электронными средствами конверт, после чего проворно развернулся и удалился. Остальные ждали, пока Сато вскрывал сообщение. Относившийся к самому рассвету письменной коммуникации, подобный способ передачи информации казался примитивным. Также он был медленным и относительно дорогим. В итоге его оставляли только для важных сообщений, информация в которых должна была остаться нетронутой. При

переноске в непроницаемом контейнере рукописный текст взломать было невозможно.

Закончив читать, Сато с ошеломленным выражением лица свернул лист.

– Кажется, мы ошибались как минимум в одном, – он по очереди встретил взгляд каждого из собравшихся. – Люди, которые утонули на передних сиденьях служебного фургона, использовавшегося для похищения Дженни-сама, в отличие от диверсанта на борту «Завета» и погибшего в Лондоне убийцы, не были служащими «Ютани», – он прямо взглянул на единственного присутствующего британца. – Они работали в «Вейланд».

На время, пока все переваривали эту информацию, в столовой наступила тишина.

– Это может быть совпадением, – предположил Ютани. – Вот только все остальное в этом деле совпадением не является. Если убийца из Лондона являлся служащим «Ютани», то давайте предположим далее, что и сбежавшая женщина-помощник тоже работала на «Ютани». Так. Два сотрудника «Ютани» совершают нападение на нас в Лондоне. Тогда как здесь, в Токио, нас атаковали сотрудники «Вейланд». Предположив снова, что за всем произошедшим стоит некий замысел, какова здесь может быть цель?

Касави успел ответить прежде остальных.

– Чтобы заставить команду «Вейланд» опасаться «Ютани», а нас здесь беспокоиться насчет настроений в «Вейланд», – он выглядел очень уверенным в своем анализе. – Чтобы посеять раздоры в компании, пока наши противники пытаются отменить миссию «Завета».

Ютани кивнул.

– Подобное внимание к деталям указывает на тщательную проработку плана диверсий, – он повернулся к Сато. – Моя дочь рассказала о пяти похитителях. Что с оставшимися тремя?

Капитан принял несчастный вид.

– Гараж, через который фургон проехал, прежде чем упасть в реку, тщательно обыскали. Как и соседнее офисное здание, и окружающую территорию. Было высказано предположение, что три человека, которые провели непосредственно похищение, должны были поспешно сменить одежду и, возможно, черты лица. Но все граждане, которых проверили в непосредственной близости, смогли удостоверить свою невиновность.

– Значит три человека, которые напали на мою дочь, просто исчезли?

Сато с трудом сглотнул.

– Полиция продолжает прочесывать территорию в поисках

улик. Меня уверили, что проинформируют, как только обнаружится что-то значительное.

– Возможно, отец, – высказалась молодая Ютани, – то, что ты сказал о раздувании розни внутри компании правдиво, но в ответе за это не «Дзютоу».

Все посмотрели на нее.

– Если это не Синдикат, то кто? – спросил Дэвис. – У кого еще есть возможность и мотив?

– Ответа на это я не знаю, – спокойно ответила Дженни Ютани. – Я лишь говорю, что наше желание обвинить «Дзютоу» понятно, но может оказаться мудрым учесть и вероятность того, что за этим всем стоит кто-то еще. Примите во внимание, что третья сторона, которая хочет отмены миссии «Завета», выигрывает при любой стычке между «Вейланд-Ютани» и «Дзютоу». Это не просто поможет их основной цели – аннулировать миссию. Противостояние двух гигантских компаний может закончиться только тем, что приведет к дальнейшим отсрочкам в заселении других миров.

По реакциям мужчин она увидела, что в своей жажде ткнуть обвиняющим пальцем в «Дзютоу» они не учитывали предложенного ею объяснения.

– Что, если тот, – продолжила она, – кто стоит за этими событиями, желает не только отмены миссии «Завета», но и уничтожения «Вейланд-Ютани»? И, насколько мы можем судить, синдиката «Дзютоу» заодно? – она помедлила, давая остальным время переварить свои слова. – Кто или что может пожелать провернуть подобное?

* * *

Поток обвинений, который последовал за похищением Дженни Ютани, был применен ее отцом с целью вызвать эффект дробовика. Обнародуй побольше теорий, добавь достаточное количество подозреваемых, и что-то из этого может попасть в точку. Полиция тем временем продолжала собственное расследование.

Ни тот, ни другие не добились ничего полезного.

В качестве меры предосторожности служба безопасности охраняла все точки, где работали поставщики «Завета», чтобы другой диверсант не смог пробраться на борт. Такие же меры были введены во всех значимых помещениях компании – безо всяких объяснений. Это часто приводило к недоумению персонала.

Никто не мог объяснить, зачем бы даже сильно раздраженному сотруднику крайне успешной компании пытаться разрушить ее самый престижный проект. Может быть, их всех – от кандидата в службу безопасности из Лондона до похитителей в Токио – подкупили «Дзютоу» или кто-нибудь еще? А если их не подкупили, если они действовали и жертвовали собой по другим, еще не известным мотивам, что могло оказаться настолько важным, чтобы заставить сотрудника разваливать собственную компанию?

Неудачливый саботажник с корабля был образцовым сотрудником. То же можно было сказать о водителе служебного фургона и его напарнике. Пока что ничего не было известно о трех одетых в черное мужчинах, которые совершили похищение, но никто не удивился бы, окажись они тоже – после того как их, наконец, выследили бы и поймали – безупречными членами международной семьи «Вейланд-Ютани».

«Конечно, если они не покончат с собой до этого», – размышлял Ютани.

Пентхаус, который являлся его основной резиденцией, занимал верхние пять этажей комплекса «Курихама». Два нижних этажа под номерами 122 и 123 занимали охрана, прислуга и прочие служащие. Остальные три оставались для самого Ютани и членов его семьи. Как и остальные постройки такого рода, изогнутое цилиндрическое здание слегка покачивалось при землетрясениях и могло ослаблять воздушные потоки снаружи во время тайфунов.

С момента постройки оно пережило и то, и другое – как и Ютани.

Однако величайшим ураганом к этому моменту стал тот, что привел к поглощению корпорации «Вейланд». И теперь внезапные, непредвиденные события угрожали бросить тень не только на разработку серии «Дэвид» и отправку огромного колонизационного корабля, но и на всю построенную Ютани империю. Последний эпизод нанес удар в сердце его собственной семьи. Это указывало на невероятную преданность злоумышленников их непонятной идее. Выяснение того, кем они были, стало важнейшей задачей для Хидео и его сотрудников.

Поскольку англичанин Дэвис сразу же обозначил подозрения в отношении «Дзютоу», Ютани приказал тому обратить его подозрительный ум и на других потенциальных врагов тоже. Касави же выказал себя более гибким в своих предположениях, так что Ютани назначил его работать над расследованием в отношении «Дзютоу». Председатель всегда считал, что лучше увести подчиненных от их любимых теорий, заставить их изучать

другие возможности. Работая по отдельности, эти два вице-президента скорее обнаружат верный ответ.

Также он одобрил просьбу дочери о том, чтобы ей разрешили изучить другие, менее очевидные варианты. Разумеется, он мог бы запретить ей заниматься всем, что было связано с быстро расширяющимся расследованием: как отец он мог рассчитывать на ее почтение, а как руководитель «Вейланд-Ютани» он требовал послушания. С другой стороны, сложно было уволить собственную дочь за непослушание – особенно когда она снова и снова доказывала, что умеет не меньше, чем любой из других его подчиненных.

Второй попытки похищения он не боялся – не после того как была усилена охрана всех членов семьи Ютани. Кроме того, учитывая мастерство исполнителей первого похищения, он был бы удивлен, если бы преступники оказались настолько неблагоразумны и повторили то, что уже не удалось.

Нет, неведомые враги компании нанесут удар где-то еще, и, вероятно, так же неожиданно. Это тревожило, но не пугало. «Вейланд-Ютани» не походила на какого-нибудь бедного лавочника, который продает в поездах стимуляторы и рисовые хлебцы. Компания обладала обширными возможностями, которые только сейчас начинали идти в ход. Будь то синдикат «Дзютоу», другая компания или некое неизвестное сообщество, их обнаружат. И их вероломство будет соответствующим образом наказано.

Тем временем корабль-колония, как только закончатся подготовительные работы и набор команды, отправится в путь по расписанию. Ничто не остановит старт, независимо от того, какие идеи стояли за недавними событиями.

Он поднял стакан и сделал долгий глоток элитного «Рокку». Перед подчиненными и на публике, оберегая образ требовательного главы огромной корпорации, он мог с готовностью пить крепкие напитки. Наедине с собой он предпочитал простую газированную воду. Размышления в одиночестве требовали трезвого ума.

В отдалении он видел покрытую снегом вершину горы Фудзи. Позже ее скроет печально знаменитая городская дымка, но этим утром свежий бриз очистил воздух в достаточной мере, чтобы Ютани мог насладиться видом. Если бы он посмотрел в другую сторону, к заливу, то увидел бы сердце огромной столицы. Развернись он на сто восемьдесят градусов – и в поле зрения вошел бы бурлящий Тихий океан.

Он издал губами разочарованный звук.

Все шло так хорошо. Модификация серии «Дэвид» привела к

созданию следующей модели – «Уолтер». Утвердили кандидатуру последней пары, которую выбрали для поселения на Оригаэ-6. А теперь хаос, этот скользкий назойливый змей, угрожал повредить и даже уничтожить его достижения.

Не бывать этому.

Его компания оказалась под ударом, жизнь его дочери подвергли опасности, всё, над чем он трудился, накрыло нависшим облаком. Питер Вейланд понял бы, но легендарный человек исчез – во всех смыслах. О его судьбе догадывались; догадки еще не были подтверждены, однако их оказалось достаточно, чтобы позволить «Ютани» поглотить его компанию, его людей, его открытия.

Они не утратят это приобретение.

Повинуясь высказанной команде, его кресло переместилось на другую сторону комнаты и остановилось перед голой стеной. Ютани требовалось очистить голову от запутанного клубка мыслей. Еще несколько адресованных креслу слов оживили стену. Перед ним возникло поразительно реалистичное трехмерное изображение. Как и многие в его поколении, Ютани всю жизнь являлся ярым поклонником сумо. Один из величайших комплиментов в своей жизни он получил, когда конкурент наполовину серьезно, наполовину иронично назвал его рикиси.[9]

Пока вокруг разворачивалось действо – большее по масштабу, чем в реальности, – Ютани время от времени менял позицию кресла, чтобы взглянуть на проекцию схватки с разных углов.

И все же до того, как они начали использовать роботов, спорт был лучше.

11

Никто не объяснил ученым и инженерам, которые работали в совершенно секретном учреждении компании, зачем еще больше усилили и без того исключительно высокую степень безопасности.

– Просто стандартная корпоративная процедура, – говорили им, когда кто-нибудь задавал вопрос.

Охрана в правительственном учреждении всегда была чрезмерной, но никогда ранее – настолько «смертоносной».

Несмотря на официальное объяснение, некоторых мужчин и женщин, работавших в самом центре комплекса, это тревожило. Внезапное появление еще большего количества людей с оружием смущало. Некоторые сотрудники обнаружили, что зацикливаются на присутствии такого количества дополнительных пушек и постоянно оглядываются через плечо вместо того, чтобы погрузиться в свою работу.

Тем не менее все шло более-менее по графику, что в случае работы над Уолтером означало труд в режиме двадцати четырех часов в сутки семь дней в неделю.

Все знали, что работают с жестким дедлайном, срок которого быстро приближался. И даже в таком режиме каждому вовлеченному в этот престижный проект выделялось время передохнуть и вернуться с новыми силами – персонал работал посменно. Несмотря на важность задачи, они относились к ней значительно менее напряженно, чем аналогичные разработчики в далеком Большом Токио или соседнем Большом Лондоне.

Скорее всего, виной относительно расслабленного состояния ученых и инженеров было расположение комплекса в английской сельской местности. Несмотря на пушки или усиленную охрану, сотрудники добирались на работу по дороге среди пологих холмов, древних живых изгородей и деревень, которые, казалось, сохранились без изменений – по крайней мере, внешних – с менее загрязненных времен. И это помогало. Выстроенные из местного камня с минимальным количеством стекла и металла, постройки комплекса так искусно вписались в лесное окружение, что заслужили несколько архитектурных наград и королевскую медаль.

Внутри все было совсем иначе.

Постройки, ни одна из которых не превышала трех этажей, казалось, не соответствовали задачам изучения и воплощения в жизнь изумительных идей основателя комплекса, Питера Вейланда. Его дело продолжали и после исчезновения Питера

вместе с кораблем «Прометей». Единственным признаком произошедших изменений стала умышленно тихая, не привлекающая внимания смена вывесок у главного входа и на территории комплекса. Прежде на них значилось «Вейланд», теперь «Вейланд-Ютани».

Мало кто вне пределов компании понимал, что основная часть работы внутри комплекса происходила не в трех верхних, сельского вида этажах, а на пяти подземных уровнях, выдолбленных в скальном основании.

Именно на одном из этих уровней стояли, созерцая Резервуар, Харбисон и Гилеад. Резервуар представлял собой искусственную матку для выращивания носителя искусственного интеллекта, называемого синтетом, и определенно выглядел впечатляюще. Какой-то остряк из команды разработчиков окрестил его «джакузи». Резервуар, который был скорее квадратной, чем круглой формы, в настоящее время был заполнен самой дорогой субстанцией на планете: невероятно сложной и потрясающе сбалансированной смесью белков, минералов и ассорти из прочих биохимических приправ. При отвердевании и связывании все это должно было сформировать тело синтета.

Искусственного человека.

Но после того, как синтет покинет Резервуар, останется добавить еще многое. Интеллект, данные, нейронную сеть. Усовершенствовать черты лица.

Обе женщины, внимательно рассматривавшие ванну, являлись руководителями проекта. Их задачей было позаботиться о том, чтобы все, даже мельчайшие части идеально сошлись вместе и создали жизнеспособное существо. Требования к ним были огромны. Харбисон не являлась биологом, но должна была быть экспертом в биологии. Гилеад не была инженером по конструированию искусственного скелета, но обязана была знать о костях не меньше.

В качестве команды они были подобраны намеренно. Ни одна не превосходила другую по должности. Ни одна не могла отменить приказы своей напарницы. Низкорослая, живая Гилеад и более высокая, плотная бывшая футболистка Харбисон работали вместе потому, что обязаны были это делать.

Никто в команде Уолтера не возражал против того, чтобы ими руководили две женщины. Корпорации, главным интересом которых являлись деньги, давным-давно отменили допотопные фантазии вроде мужского превосходства. Если бы кто-нибудь доказал, что мутант с Марса способен должным образом поднять нижнюю границу дохода компании, подобное создание наняли бы незамедлительно. И, скорее всего, с предложением премии.

И Харбисон, и Гилеад уже долгое время работали на «Вейланд». Как старшие руководители, они были лично знакомы с Питером Вейландом и сожалели о его утрате, но ни одна из них не позволяла этой трагедии влиять на работу, которая представляла собой, вероятно, самый восхитительный и вдохновляющий проект на всей планете.

На протяжении тысячелетий говорилось – иногда серьезно, иногда в шутку – что никто не может сыграть роль Бога. Работа над проектом «Уолтер», а до того – над его предшественником, Дэвидом, подходила крайне близко к тому, чтобы оспорить это заявление.

На пути они столкнулись со многими, очень многими неудачами. Часто бывало так, что на совете директоров поднимался вопрос о том, чтобы забрать финансирование у проекта «Дэвид» и вложить деньги в другие разработки компании. Каждый раз протесты и доводы этих счетоводишек отбивались гением лично Питера Вейланда.

Если приводились доводы о нехватке средств, Вейланд находил финансирование где-нибудь еще. Если они были организационными, он перемещал людей, нанимал, подкупал или еще как-то добывал необходимых работников. Если речь заходила о морали, он получал подобающее отпущение от религиозных авторитетов, к которым на тот момент относились благосклонно.

Таким образом, проект «Дэвид» неуклонно продвигался вперед. Иногда гладко, в других случаях через пень-колоду, но преодолевая все препятствия. Без силы личности Питера Вейланда и его репутации проект наверняка бы закрыли. Со временем он дал жизнь – буквально – Дэвиду.

К сожалению, Вейланд настоял на ускорении тестирования первого Дэвида, чтобы синтета выпустили достаточно быстро, и он смог бы присоединиться к загадочной и в итоге незавершенной миссии основателя компании в глубоком космосе. И Гилеад, и Харбисон предпочитали говорить о миссии «Прометея» как о «незавершенной», несмотря даже на то, что корабль и его команда практически всеми остальными – включая страховщиков экспедиции – считались потерянными.

Харбисон улыбнулась про себя. Питер бы порадовался, узнав, что большую часть страховых выплат направили прямо на финансирование проекта «Уолтер». Это дало финансовый толчок как раз тогда, когда он был необходим.

В отличие от прародителя серии – Дэвида, линия Уолтера будет готовиться без спешки. Не было основателя корпорации или еще какой-нибудь недосягаемой личности, которая подгоняла бы выпуск головной модели серии. Сам Хидео Ютани настоял на

том, чтобы о серии «Уолтер» объявили официально только после того, как каждый из начальников департаментов подпишет отчет о готовности. С единственной оговоркой: рабочий синтет должен быть завершен вовремя, чтобы присоединиться к миссии «Завета».

И они не выбивались из графика. Уолтер-1 был почти готов к тому, чтобы его сочли завершенным и отправили на корабль-колонию. Даже одежду уже подготовили. Оказавшись на борту, он будет выглядеть и действовать, как и остальные члены команды, даже несмотря на то, что ему не потребуется есть, облегчаться или спать.

В то время как прочие сферы промышленности протестовали против продвинутых синтетов, Вейланд хотел разместить передвижной ИИ на борту каждого космического корабля. Они одновременно дополняли бы корабельный искусственный интеллект и служили удобным посредником между Матерью и человеческой командой.

Все было готово. Уолтер определенно был готов. Если бы его спросили, он бы ответил так же уверенно. Все отделы компании подписали отчеты о готовности. Все, кроме одного.

Харбисон посмотрела на свою коллегу – сверху вниз:

– Ты в последнее время не говорила со Штейнмецем?

Гилеад саркастически фыркнула.

– У меня ощущение, что я делаю это ежечасно. Он все еще не готов подписывать.

Харбисон, которая была чуть старше, чем Гилеад, выглядела разочарованной. В ее рыжих волосах плясал лунный свет: это был элемент прически, а не освещение четвертого подземного уровня. Когда она выйдет на солнце, отблески появятся и на бровях. Она упрямо использовала эту новинку даже несмотря на то, что та могла отвлекать других сотрудников от работы.

– Что на этот раз? – рыкнула Харбисон, нахмурившись. – Что-нибудь новенькое? Или он продолжает мямлить про те же старые страхи?

Харбисон не в состоянии была выносить дальнейшие разногласия. Не на этом этапе. Не в то время, когда «Завет» проходит последние приготовления перед отлетом.

Гилеад отвернулась от «джакузи» с путаницей проводов, труб и приспособлений и двинулась к ближайшему скоплению лифтов. Харбисон, с ее длинными ногами, легко догнала коллегу.

– Нет, ничего нового. Та же проклятая тема, раз за разом. Модификация нейронных связей, которые остались с первой модели Дэвида.

Харбисон подняла брови.

– Все еще? Я думала, эту проблему решили несколько

месяцев назад.

– По всей видимости – нет. По крайней мере, не настолько, чтобы это удовлетворило доброго доктора. К сожалению, его соратники, кажется, с ним согласны, и в итоге задержки продолжаются, – она посмотрела на коллегу. – Ты все еще переживаешь о превышении расходов?

– Уже нет.

Они вместе вошли в лифт. Гилеад позволила панели управления распознать ее личность и запросила перенос на нулевой этаж. Согласно принятым мерам безопасности, ни один лифт не мог добраться с подземных уровней до трех верхних напрямую. Все вынуждены были делать пересадку со сменой лифта.

– В текущий момент все, что имеет значение – это доставка первого Уолтера на «Завет», – продолжила Харбисон. – Если бы деньги могли решить эту проклятую проблему, она бы уже решилась, и с концами. Я бы отдала приказ через голову Штейнмеца, но его разработчики закатят истерику, инженеры, вероятно, встанут на дыбы, и в итоге информация об этом неизбежно просочится. У СМИ будет урожайный день, – она вздохнула.

Лифт добрался до нулевого этажа.

– Поэтому мы подождем. Мы можем подталкивать Штейнмеца с его командой, но мы не можем их обойти и выдать официальный приказ о вводе модели в эксплуатацию, – пробурчала Харбисон себе под нос.

Они повернули налево и зашли в свободный лифт, который мог доставить их на третий уровень.

– Я действительно начинаю ненавидеть неврологов, – закончила она.

Гилеад согласно кивнула.

– Их задерживает какая-то несообразность, но это кажется такой мелочью. Я прошлась по этим особенностям, – большой палец ее левой руки нервно крутил кольцо на указательном пальце. Туда и обратно, туда и обратно.

– Мне не нравится, когда ученые начинают шутить о метафизике.

– Мне тоже.

Лифт доставил их на третий этаж. Освещение на верхних уровнях комплекса, в противовес искусственному свету нижних этажей, по большей части оставили естественным, только подстроили и отфильтровали для удобства.

– Хотела бы я, чтобы они занимались своим железом, а прочее оставили программистам.

Низкорослая женщина скорчила гримасу.

– Не существует железа, которое подсказало бы запутавшемуся синтету, что и в какой момент делать. Этику нужно загрузить. Не так уж это отличается от людей, в самом деле, – она повернулась по направлению к своему кабинету, который располагался в юго-западном углу здания. – Давай сделаем так: я снова попинаю Штейнмеца, напомню ему, что «Завет» не может улететь без синтета.

– Может, – напомнила ей Харбисон. – Главный ИИ корабля способен справиться с путешествием самостоятельно.

– Вполне вероятно, – согласилась Гилеад, – но «Вейланд-Ютани» не справится с негативным образом в обществе, а я совершенно определенно не перенесу потока неудовольствия из Токио.

– Это верно, – нахмурилась Харбисон. – Кстати, о приказах. Меня раздражает все это усиление безопасности. Казалось бы, соруководитель этого отделения мог бы завести машину в гараж без процедуры сканирования.

– Понимаю, – посочувствовала Гилеад. – Не знаю, в чем там дело, но они работают без оглядки на ранг или должность, – она улыбнулась. – Посол из Токио говорил мне, что это лишь временная мера.

– Будем надеяться, он прав, – Харбисон, которая двинулась в другую сторону, оглянулась на коллегу через плечо. – Нам не нужны дополнительные задержки. Думаю, будет лучше, если я сама поговорю со Штейнмецем. Я наблюдала за ним, когда вы находились рядом. Ты действуешь ему на нервы.

Гилеад рассмеялась.

– А казалось бы, инженер-невролог должен уметь с этим справляться.

* * *

Глава департамента неврологического проектирования из подразделения «Вейланд-Ютани» в Большом Лондоне сидел в своем кабинете. Лесса Штейнмеца нельзя было назвать крупным человеком. Сейчас, когда Лесс сидел у рабочего терминала и следил одновременно за тремя мониторами со свежей информацией, он так съежился, что казался даже еще меньше, чем в действительности. Удивительно для человека, которому больше семидесяти лет и который при этом все еще находился на переднем крае разработок в избранной специальности, но он испытывал консервативную привязанность, граничащую с

манерностью, к таким вспомогательным устройствам, как маленькие круглые очки и слуховой аппарат. Хотя последний, по крайней мере, был практически невидимым.

Презрение к использованию фолликулярных усилителей или препаратов привело к тому, что он был совершенно лыс. Это Лесс объяснял скорее практичностью, чем научным подходом. За безволосой головой проще было ухаживать. Харбисон подозревала, что существовали и другие физические атрибуты, с которыми Лесс в равной мере был бы рад расстаться, если бы удаление проходило просто и безболезненно.

Хотя она и не привыкла ждать, Харбисон терпеливо стояла, сложив руки на обтянутой темно-зеленым платьем груди. Лесс продолжал работать до тех пор, пока какое-то движение, или звук, или, возможно, запах не заставило его оторваться от задачи. В случае Штейнмеца никогда нельзя было быть уверенным, на что именно от отреагировал. По большей части он, подобно многим другим инженерам, обитал в другом измерении.

– А. Я не заметил, что вы тут стоите, Елена, – он выглядел неуверенным и явно рассерженным из-за того, что ему помешали, но тем не менее говорил вежливо. Этикет был обременительной необходимостью при работе с другими людьми. – Не присядете?

Харбисон опустилась в ближайшее кресло, которое в этом кабинете выглядело таким же лишним, как филигранно сработанное мусорное ведро без выброшенной в него бумаги.

– Лесс, – начала она. – Мы приближаемся к перекрестку. Под «нами» я подразумеваю компанию. Под компанией я имею в виду тебя, меня и всех сотрудников, назначенных на проект «Уолтер».

Он улыбнулся ей, блеснув старомодными линзами. Для такого маленького невзрачного человека он обладал очень проницательными черными глазами.

– На пути разработки Уолтера нам встретилось много перекрестков. И все их мы… так сказать, перешли.

Харбисон уставилась на него в ответ, и ее изначально хрипловатый голос зазвучал еще ниже.

– Тогда в чем задержка, Лесс? В чем причина непрерывных отсрочек в твоем отделе? – она не сказала: «у тебя». Это было бы бестактно. Хотя подумала, что, вероятно, Лесс не отреагировал бы в любом случае.

Подняв руки, он вдумчиво поправил очки.

– Чтобы выпустить Уолтера, нам нужно быть абсолютно уверенными в каждой нейронной связи, каждом установленном воспоминании и кусочке информации. В том, как это все взаимодействует.

Харбисон сжала губы. Это все было ей известно. Они с Гилеад

об этом знали с самого начала проекта. И повтор очевидного не казался сейчас подходящим ответом.

– Ты – инженер. Говори точнее.

Лесс глянул на мониторы, словно испытывая желание переселиться внутрь.

– Все еще присутствуют некоторые аспекты мыслительного процесса синтета, которые некоторым из нас не нравятся. Не совсем. Было бы достаточно просто их заглушить или даже полностью удалить соответствующие установки из коры головного мозга. И все же невозможно гарантировать, что синтет окажется полностью работоспособным, если его нейронное плетение выполнено не на сто процентов, – Лесс пытался избежать назидательного тона с женщиной, которая была, в конце концов, его начальником в компании.

Когда она не ответила, он продолжил:

– Допустим, что на «Завете» возникнет ситуация, которая потребует от синтета определенных действий. Если мы удалим или деактивируем зоны, которые нас тревожат, это может привести к тому, что синтет не сможет отреагировать наиболее эффективным образом. Пусть ситуация все-таки разрешится успешно, но это потенциально займет больше времени, и результат будет далек от идеального. Таким образом, мы зажаты между желанием создать серию «Уолтер» настолько безупречной, насколько это возможно, и избежать определенных… гипотетических неприятностей.

Женщина отмахнулась.

– Я читала выжимки исследований вашего отдела, а также выводы. Как и Гилеад. Мы согласны в том, что там нет достаточных доводов для обоснования задержки всего проекта. Беспокойство, которое ты выражаешь, как раз гипотетическое.

Он пожал плечами.

– Все опасности, которым подвергаются корабль-колония и его экипаж, гипотетические – до тех пор, пока они не воплотятся в жизнь.

Несмотря на намерение сохранять спокойствие, Харбисон почувствовала, что начинает злиться.

– Слишком много науки!

– Верно, – Штейнмец оставался раздражающе бесстрастным. – Но не техники.

Харбисон поднялась и начала мерить шагами офис, словно преследуя невидимую добычу.

– И не экономики, но мне приходится иметь с ней дело, – она остановилась так резко, что Штейнмец вздрогнул. – Я скажу, как сейчас обстоят дела, Лесс, и не гипотетически. Если мы не

подпишемся под проектом «Уолтер», существует вероятность, что «Завет» уйдет без синтета. Все сходятся в том, что для корабля было бы лучше иметь его на борту – даже с недостатками, – чем не иметь вовсе. Этого хотел бы капитан Брендон. Еще важнее, что этого хотел бы Хидео Ютани.

В кабинете наступила тишина. Инженер размышлял.

– А если я откажусь подписывать?

Харбисон уже открыла рот, чтобы ответить, но передумала и решила попробовать новый подход к этому упрямцу – в надежде, что он не поймет, что она блефует.

– Тогда проект «Уолтер» закроют из-за нехватки финансирования, а тебя и твою команду раскидают по другим проектам компании, – она улыбнулась плотно сжатыми губами. – По менее интеллектуально увлекательным проектам. Возможно, с аналогичными зарплатами, но меньшими, гораздо меньшими возможностями совершить прорыв в неврологическом проектировании, – она понизила голос. – А ведь существует еще Нобелевская премия, – ее лицо скривилось. – Гипотетическая, разумеется. Все пойдет прахом.

Подняв глаза, он впился в нее взглядом.

«Если бы существовала такая штука, как черный лазер…» – подумала Харбисон.

– Вы на меня давите, мисс Харбисон.

Она не поморщилась.

– Разумеется. Что мне еще остается, если разум и логика не сработали? Или ты считаешь, что мы с Гилеад не подвергаемся еще большему давлению со стороны вышестоящих?

Штейнмец откинулся назад и медленно кивнул.

– Признаю, что не учитывал этого, когда рассматривал ваше положение.

– Зачем это тебе? – она указала на три монитора, заполненные диаграммами и настолько таинственными сообщениями, что их значение оставалось тайной для всех, кроме немногочисленных специалистов. – Вы с командой так сосредоточились над вашей частью проекта «Уолтер», что отбросили все прочее.

Харбисон подошла к инженеру и положила руку ему на плечо. Штейнмец едва не съежился.

– На нас на всех сильно давят, чтобы мы завершили проект, Лесс. Все остальные отделы, от физического сложения до зрения и внутренней стабилизации, дали добро на выпуск. Остался только ваш, – Харбисон убрала руку, и инженер расслабился.

– Ты понимаешь наше положение, мое и Гилеад, – продолжила она. – Если даже забыть о финальной загрузке

данных, синтета скоро нужно будет отправить на борт. Очень скоро. Иначе он не сможет полноценно объединиться с корабельным ИИ, известным как Мать. Все заинтересованные люди хотят, чтобы это произошло. Мы с Гилеад, капитан Брендон, СМИ, команда «Завета». И, что важнее всего, этого хочет Хидео Ютани.

При всей своей серьезности, Лесс Штейнмец не был лишен чувства юмора.

– Почему у меня появляется ощущение, что независимо от того, что я скажу и сделаю, *это* все равно произойдет? – он прикрыл рукой рот и негромко прокашлялся. – Иногда мне кажется, что следовало бросить инженерное дело и присоединиться к медицинской практике отца во Франкенштейне.

Это захватило Харбисон врасплох.

– Где?

– Франкенштейн. Это небольшой город в горах к западу от Гейдельберга, – он принял мечтательный вид. – Прелестное маленькое местечко на дне глубокого извилистого каньона. Там даже есть разрушенная крепость на утесе над городом, и… – он прервался, потом заговорил снова: – Жизнь – это путь, выстланный иронией. Не верь тем, кто скажет, что это не так.

Харбисон резко вернулась к настоящему.

– Решение за тобой, Лесс. Оставляю тебя с наилучшими на свете пожеланиями. Подпишешь ли ты, глава отдела, свою часть отчета о проекте «Уолтер» или рискнешь его закрытием? – она постаралась интонацией выразить неизбежность такого исхода. – Ты понимаешь, что как только отдел закроют, работу передадут другим, и первый Уолтер в любом случае отправится на «Завет»?

Штейнмец проницательно на нее посмотрел.

– Я не уверен, что ты пойдешь на такой риск. Любой провал неверно оцененного синтета может поставить под угрозу всю миссию. А это, в свою очередь, подвергнет риску все будущее «Вейланд-Ютани».

Она не стала оспаривать этот анализ.

– Все так, с поправкой, что доклад о подобном происшествии из дальнего космоса на Землю займет столько времени, что ты, я и сам мистер Ютани умрем задолго до того, как наступят последствия.

Про себя она добавила: «И никакого рассмотрения твоей кандидатуры на Нобелевскую премию, Лесс Штейнмец».

Внезапная новая мысль заставила ее добавить:

– Ты думаешь, что подобное могло произойти с миссией «Прометея»? Ошибка синтета Дэвида?

Он отвел взгляд.

– У нас определенно нет способа узнать, что произошло с Питером Вейландом и его кораблем. В глубоком космосе возможно все что угодно. Весьма вероятно, что мы никогда этого не узнаем, – Штейнмец снова посмотрел ей в глаза. – Поскольку он был первым в своем роде, с Дэвидом всегда были… сложности. Именно их мы с моей командой, работая сверхурочно, пытались найти и разрешить. Мы считаем, что это нам удалось, но мы пока что не уверены на все сто процентов.

Харбисон снова поджала губы.

– Ты мог бы сказать, что твоя команда уверена на девяносто девять процентов? Восемьдесят девять?

Она ждала ответа. Инженер заговорил, когда она уже почти поверила в то, что этого не произойдет. Заговорил с очевидной неохотой.

– Что-то в этом духе. Хотя мне больно это говорить.

– Почему? Ты – инженер, а не математик. Тебе позволительно определенное отклонение.

С чувством удовлетворения она отвернулась и направилась к двери.

– Если бы ты строил мост, а я бы спросила, простоит ли он тысячу лет… если бы ты ответил, что можешь гарантировать только девятьсот и еще девяносто пять – я была бы вполне довольна.

– Только если бы это не ты ехала по мосту в девятьсот девяносто шестом году, – пробурчал Штейнмец.

Харбисон почувствовала, что довольно она с ним нянчилась и умасливала.

– Ты подпишешь выпуск Уолтера?

Долгий миг ей казалось, что вся эта встреча, как и многие другие до нее, закончится ничем. Наконец инженер кивнул, но не глядя на нее. Его внимание снова полностью занимали мониторы.

– Дай мне с командой еще неделю. Я верю, я надеюсь, что к этому времени мы сможем закрыть все оставшиеся пробелы.

– Я в тебя верю, – стоя в дверном проеме, она оглянулась. Голос Харбисон был твердым. – У тебя есть двадцать четыре часа. Ты умный человек, Лесс. Очень умный человек. Собери его.

* * *

Дверь закрылась, оставив Штейнмеца наедине с его мыслями. Перед ним продолжали сиять три монитора. Факты, графики, и на одном – лицо. Лицо Уолтера.

Рядом с ним отображалось лицо его предшественника,

Дэвида.

Оставалось решить только несколько с виду небольших проблем. Он твердо сказал себе, что их разрешат. Согласно сказанному Харбисон, у него не было выбора.

Два лица, смотревших на него в ответ, были идентичны. То, что скрывалось за ними, одинаковым не являлось. Маленькие, крохотные отличия. Штейнмец провел рукой по черепу и положил ладонь на шею.

«Удачно вышло», – подумал он.

Удачно вышло для Харбисон, для Гилеад, для капитана Брендона и его команды, и для тысячи с лишним колонистов, которые связали свое будущее с неизвестной дальней планетой. Повезло им, что Лесс Штейнмец любил свою работу. Он склонился над мониторами.

Он сделает так, чтобы Уолтер заработал.

* * *

Слишком много смертей. Слишком много умирающих.

Он знал, что видит сон, но не мог проснуться. Никогда это у него не получалось. Сюжет всегда проигрывался до конца. Сон был пыткой, потому что он никогда не знал, когда видения придут. Так же, как не знал точно и того, откуда они берутся или почему он их видит. Если вообще в этом был какой-то замысел, или игра разума, или генетика, или атмосфера, или хоть что-то, позволяющее ему – единственному из всех людей – это видеть.

Бесконечно их претерпевать.

Иногда обитатели его видений были настолько реальными, настолько близко, что он был уверен: стоит потянуться, и можно будет до них дотронуться. Жертва, изодранная, окровавленная, выпотрошенная, с оголенными костями. Или один из беспощадных и ужасающих убийц. Он не мог выбирать, потому что был беспомощен. Выбирать, что делать в видении, он не мог так же, как и решать, видеть ли их вообще.

Подсознательно он знал, что в комнате присутствуют и другие люди. Они часто оказывались там, когда он просыпался. Они утешали его, промокали лоб, регулировали его дыхание и наблюдали за жизненными показателями. Они делали записи, толковали их, создавали рисунки и анимации по его крикам. Несмотря на всю возможную точность, рисунки не в состоянии были равняться с тем, что он видел во снах. Даже самые жуткие из них.

Но этого страха хватило, чтобы убедить остальных. Чтобы

завербовать их. Чтобы убедить, что нет такой жертвы, которая не стоила бы того, чтобы предотвратить воплощение его снов в реальность. Новобранцы были храбрыми, преданными.

Некоторые также были немного безумны, но это никоим образом не уменьшало их эффективности. Скорее даже помогало. Когда противостоишь ужасам вне человеческого понимания, небольшой дисбаланс психики помогает сделать их более терпимыми.

12

Дункан Филдс был безумен. Безумен не от злости, не от воздействия гормонов, даже не потому, что его довела жена – всю свою жизнь он был холостяком. Нет, он был поистине, полностью, основательно безумен.

В смысле – свихнулся.

Сошел с ума.

Либо это, либо он был пророком. Или просто хитрым манипулятором – мнения сомневающихся сильно расходились. Однако для его последователей это не имело значения. Они верили в то, во что верил он. И между собой все они разделяли одну мысль, одно убеждение превыше всего.

«Ти-би-ди».

Для непосвященного это звучало почти по-детски – как нечто, что можно прошептать, играя с маленьким ребенком, или что можно сопроводить веселым насвистыванием в летний день. Для тех же, кто был в курсе, фрагмент ритмичной бессмыслицы являл собой предмет чрезвычайно серьезный. И при этом последователи Филдса уверяли, что не являются фанатиками.

Те, кто верил в его откровения, походили на членов религиозного культа не более, чем спортивные фанаты, заполняющие стадионы. Они трудились на обычных работах, занимались бизнесом и работали в общественных учреждениях. В их внешности, манере одеваться, в музыкальных предпочтениях или выборе диеты внешне не было ничего особенного. Они были всех возрастов и обоих полов. Но самое важное заключалось в том, что все они верили в то, за что боролись.

Будущее. Всего человечества. Не меньше.

На протяжении долгого времени пророк переезжал с места на место, из города в город, и даже курсировал между родным островом и континентом. Когда-то, давным-давно, он был пузатеньким оценщиком ущерба в страховой компании. Неженатый, хотя и с перспективами, симпатичный – если вам нравятся невысокие и упитанные люди, – он предпочитал следовать общепринятым стандартам в манере речи и выборе одежды.

Кошмары его изменили.

С самого начала он верил, что это не обычные сны. Кошмары не повторяются снова и снова, день за днем, неделя за неделей. Он стал бояться спать вскоре после того, как начались эти видения. Но, несмотря на силу разума, его тело было слабо. И нуждалось в отдыхе. Потому Дункан Филдс спал, и видел сны, и

просыпался с криком.

Он пробовал лечить нервы. Пробовал успокоительные. Он пробовал экзотические травы и успокаивающую музыку, пробовал хорошие растительные лекарства и сомнительную фармакологию. Но ничто не предотвращало и не смягчало этих кошмаров.

На это ушло время, но в конце концов он пришел к логичному, хотя и невероятному заключению: его кошмары должны отражать реальность. Потому что их исключительной четкости, частоте повторов, точности образов не было иного объяснения. И то, что они предвещали, его пугало. Более слабый человек мог бы совершить самоубийство, чтобы избавиться от подобного.

Филдс же решил сражаться. Не только ради собственного будущего, но ради будущего своих человеческих собратьев. Это похвальное стремление не меняло того факта, что он был безумен.

Но в то же время он был убедителен. Записанные и истолкованные ужасы склонили немало колеблющихся новичков присоединиться к организации. Некоторые из них оказывались гениями, которые могли придать страху форму – они создавали визуальные образы, обладающие хотя бы *частью* внутренней жути. Было изумительным то, с какой эффективностью они проникли в психику Дункана. И этого хватило, чтобы он поверил в телепатию.

Этого оказалось достаточно, чтобы оказать влияние на маленькую армию последователей. Тех, кто не желал верить, иногда приводили в его спальню, чтобы они сами услышали его крики. Иногда обращенным собратьям даже приходилось физически удерживать новичков, чтобы те не пытались в ужасе сбежать из спального покоя.

Вероятно, именно его обычность помогала убедить столь многих, чтобы они присоединялись к крестовому походу. А возможно, играл роль тот факт, что он не хотел ничего для себя – ни богатства, ни собственности, ни славы, ни плотских удовольствий, ни безукоризненного низкопоклонства от толп последователей. Его дело было абсолютно альтруистичным, а «боевой клич» звучал настолько просто, насколько возможно представить.

«Ти-би-ди».

Здание, служившее движению штаб-квартирой, выглядело так же непритязательно, как и сам Филдс. Большинство древних овечьих ферм, расположенных в южном Хэмпшире, представляли собой отремонтированные оригинальные постройки и каменные стены на пастбищах. Никто из здешних обитателей не находил

удивительным то, что текущие владельцы – кем бы они ни были – превратили такую постройку в эксклюзивный дом отдыха, объединенный с действующей фермой. Такое назначение и разделение функционала делало возможным постоянный приток и отток посетителей в большем количестве, чем можно было бы ожидать от обычной овцеводческой фермы. Этой же цели служили перепланировка и усовершенствование старых строений.

Однако с проселочной дороги, что вела к ферме, не было видно этих «улучшений». Большая часть работы была сделана под землей. Укрепленные бункеры, хранилища топлива и пищи, жилые помещения и многие другие комнаты были потихоньку выкопаны и подготовлены для использования. Но особенно важными являлись инженерные мастерские и лаборатории, где работа последователей Филдса шла параллельно с многими другими организациями – включая «Вейланд-Ютани» и синдикат «Дзютоу». Новообращенные приходили к Филдсу самыми разными путями, и многие приносили с собой данные, оказывавшиеся полезными.

А на случай, чтобы помешать незваным гостям проникнуть внутрь, были установлены способы защиты. Пусть и не столь угрожающие, как ужасы из видений пророка, они были достаточно смертоносны. Любые средства ради защиты планеты здесь считались оправданными.

Ведь на кону стояло будущее вида. Филдс декларировал меры, которые необходимо принять. Прочие были не виноваты в том, что не могли видеть то же, что и он, но он принял твердое решение спасти их от них самих. Его решимость, так контрастирующая с физическим обликом, обладала заразительной силой. Так и должно было быть – учитывая природу и напор того, что им двигало.

Его последователи построили для него отдельное жилище, обособленное от главного здания, но соединенное с ним защищенным проходом. И этот путь хорошо охранялся. У пророка была возможность уединения, но он не был изолирован.

Такое отдаление защищало рассудок его помощников в той же мере, в какой предоставляло ему покой. Хотя кошмары и являлись фундаментом его движения, Филдс считал их унизительными и предпочитал страдать в одиночестве. Только когда видения длились особенно долго или оказывались необычайно тревожными – только тогда его последователям позволялось вмешиваться.

* * *

Эхо криков и воплей, что раздалось из динамиков в три утра во вторник, звучало тревожно и непрерывно. Эрл из команды наблюдения, который находился на ночном дежурстве, отреагировал первым. Бисмала из амбулатории, с чемоданчиком в руках, встретила его у входа в охраняемый переход. Ее ассистентка Диана тащила дополнительную охапку медикаментов и оборудования.

Пока они шли к одинокой постройке, доктор на ходу готовила инъекцию.

Окна, пробитые в стенах закрытого коридора, демонстрировали виды сельского Хэмпшира. По ночам и в плохие дни задымление, что распространялось от промышленных центров северной Британии, было достаточно плотным, чтобы затмить лунный свет. К счастью, миазмы, что окружали Большой Лондон, обычно уходили в другом направлении. А обитатели французского побережья давно смирились с необходимостью постоянно терпеть бурое облако.

В дальнем конце коридора охранник, доктор и помощница доктора остановились перед парной дверью. Двойная преграда предназначалась как для того, чтобы удерживать звук внутри, так и чтобы помешать войти незваным гостям. Эрл приложил руку к встроенному сенсору, после чего наклонился вперед, чтобы устройство могло просканировать сетчатку его правого глаза. Когда он отошел, его место заняла Бисмала и повторила все действия, после чего так же поступила миниатюрная Диана. Получив удостоверение личностей, внешняя дверь скользнула в сторону.

Они прошли в альков, где снова подверглись сканированию – на этот раз полному. После чего открылась и внутренняя дверь, и они быстро миновали элегантно обставленный вестибюль. Сейчас они находились достаточно близко, чтобы слышать крики и стоны Филдса, несмотря на то, что следующая дверь была закрыта.

– Звучит плохо, – проронила Диана, но никто ей не ответил.

Оказавшись в темном спальном покое, Эрл подошел к переговорной панели, чтобы заверить коллег из службы безопасности, что он и медперсонал уже прибыли. Он заставил себя не обращать внимание на крики лежащей на огромной кровати фигуры, потому что слышал их уже много раз прежде.

Отложив чемоданчик, Бисмала села на край кровати и забрала у ассистентки подготовленное устройство для инъекций. Его внутренняя подсветка позволила еще раз перепроверить содержимое.

Пророк лежал в центре кровати – он метался, ворочался и завывал, пытался отбиться от невидимого зрелища. Его руки

молотили ночной воздух. Хотя ему еще не исполнилось и пятидесяти, его волосы стали абсолютно белыми. Закрытые веки неистово трепетали. Бисмала не знала, что он видит. Никто не знал – но для нее, да и для всех прочих, было достаточно того, что видения были реальны для пророка.

Она взглянула на устройство мониторинга, вмонтированное в стену рядом с кроватью. Все было записано и могло быть воспроизведено позже. В некотором роде эти записи оказывали более мощное воздействие, чем живое присутствие Филдса. Стоп-кадры с искаженным выражением его лица давали чрезвычайный эффект и оказались действенным инструментом вербовки.

Прижав готовое устройство для инъекций к правому плечу пророка, доктор нажала красную кнопку. Фармацевтический коктейль тут же безболезненно попал в тело Филдса.

На то, чтобы лекарство подействовало, ушла примерно минута.

Яростные движения конечностей замедлились, затем прекратились. Стоны спящего стали не такими отчаянными. И, наконец, стихли и они. Бисмала глубоко вздохнула, и повернулась к спутникам:

– Теперь он будет отдыхать, – сказала доктор. – Я на какое-то время останусь с ним. Вы двое можете вернуться на свои посты.

Она с сочувствием на них посмотрела и добавила:

– Я знаю, что вы оба, должно быть, устали.

Диана ушла с неохотой. Эрл только раз кивнул и последовал за ней. Когда они ушли, Бисмала повернулась обратно к человеку на кровати. Термореактивное постельное белье обеспечивало ему комфорт, убирая пот с тела до того, как он становился липким. Являясь одним из врачей пророка, она посвятила свою работу подобным деталям. И не каждому позволялось видеть пророка в столь интимной обстановке.

Пока она смотрела, как он спит, она снова отметила для себя, что в физическом плане он совершенно не впечатлял. Не толстый, но определенно с лишним весом. Мягкотелый из-за образа жизни, лишенного нагрузок, он напоминал ей скорее скромного аптекаря, чем какого-то библейского глашатая, что спасет землю. Но людей влекло к нему не тело, а ужасы, что материализовались в его разуме.

Бодрствуя, он пытался управлять организацией, что выросла вокруг него. Он мог неловко обращаться со словами, не будучи уверен, что сказать или как это сказать. При этом его кошмары обладали ужасающим красноречием. Никто не мог отрицать их достоверности или противостоять той правде, что они предсказывали.

«Если бы он только мог точно описать то, что видит в снах», – подумала она. Хотя, вероятно, было к лучшему, что он не мог. «*Ти-би-ди*», – процитировала она сама себе. Этого ей было достаточно. Этого было достаточно каждому из его последователей.

* * *

Она осталась до утра, сидя на краю кровати и периодически погружаясь в дрему. Кровать была огромной не потому, что Филдс баловался сексом – его состояние эффективно обеспечивало ему целибат, – а потому, что не позволяла пророку причинить вред самому себе. Если бы его привязали к меньшей по размерам кровати, это закончилось бы тем, что он или разорвал бы свои узы, или получил бы травмы. Широкая кровать позволяла ему метаться без помех и без риска получить повреждения.

Эта схема отлично работала – за исключением одной ночи, когда заглянувшая к нему сиделка во время кошмара наклонилась слишком близко, и в результате получила сломанную скулу. Позже, когда проснувшемуся Филдсу рассказали об инциденте, он усиленно извинялся, хотя за случившееся ответственности не нес. Сиделка и не настаивала. Сложно было винить кошмар.

Они проснулись практически одновременно.

– Доктор Бисмала?

Она тут же очнулась и повернулась к нему со вниманием:

– Как вы себя чувствуете, сэр?

С усилием, двумя руками отталкиваясь от матраца, он с гримасой сел в кровати и ощупал левую руку.

– Еще одна инъекция?

Она кивнула, извиняясь:

– Я подумала, что это будет уместно. У вас был тяжелый период.

Он улыбнулся.

– А когда он у меня легкий? Иногда мне кажется, что я бы предпочел постоянное успокоение. Хотя бы тогда я избавлюсь от проклятых снов.

– Ах, – пожурила она его, – но тогда мы потеряем в вашем лице нашего лидера. Люди оставят дело, и все развалится, потому что… ти-би-ди.

– Ти-би-ди, – устало кивнул Филдс. – Я посмотрю запись позже. Что-нибудь необычное было?

Она обдумала ответ.

– На деле – нет. Вы страдали от обычных кошмаров большой яркости, пока я не ввела успокоительное. Ничего разборчивого, – ее голос утратил часть профессиональных ноток, и зазвучал более лично. – Вы все еще не в состоянии описать, что именно вы видите?

Он погрузил лицо в ладони, провел ими от лба к подбородку, после чего снова поднял взгляд.

– Монстры. Ужасающие когтистые твари. Они ждут меня. Ждут нас всех, – правой рукой он махнул рукой в потолок. – То же самое, что я вижу месяцами, годами. Я вижу их, слышу их, *обоняю* их. Во снах человек не должен чувствовать запахи, но я чую. Это ни с чем не спутать, запах резкий и очень отчетливый.

– Они знают, что я среди них, но одновременно не знают, – продолжил он. – Когда они пытаются добраться до меня вслепую, я пытаюсь инстинктивно уклониться. Иногда у меня получается, иногда их удары достигают цели. Достигают цели, но при этом проходят *сквозь* меня. Но боль реальна. Так реальна, как если бы я проткнул себя ножом.

Он поднял обе руки ладонями вверх.

– Но при этом нет ран, – он умоляюще на нее посмотрел. – Почему я, доктор Бисмала? Почему эти кошмары навязались мне? Если бы я мог, я бы с *радостью* отдал их кому-нибудь другому. Кому-нибудь более сильному и более способному им противостоять.

– Вы отлично справляетесь, насколько это возможно, Дункан, – ее голос звучал успокаивающе. – Более слабый человек давно бы не выдержал.

– Значит, ты не думаешь, что я безумен?

Она улыбнулась.

– Я такого не говорила. С клинической точки зрения – нет. Но вашему состоянию нет аналогов – ни я, ни другие люди из медперсонала не смогли обнаружить ничего похожего. Все, что касается ваших кошмаров, те некоторые особенности, которые вы в состоянии описать – уникальны. Иначе нас бы не влекло к вам и общему делу – одному из самых благородных и праведных за тысячелетия человеческого существования.

Она сделала паузу, чтобы собраться с мыслями.

– Вы – живое предупреждение, – сказала она. – Предостережение о том, что может случиться, что произойдет, если мы дерзнем… туда отправиться. Что-то позволяет вам видеть космические ужасы, скрытые от всех прочих. Мы вам обязаны, Дункан. Мир должен увидеть то, что видите вы, и понять, почему нам нужно остаться здесь, на этой планете, дома,

в безопасности. А до тех пор, пока мы этого не достигнем, мы должны идти на любые меры, необходимые для гарантии того, что действия глупцов, заинтересованных только в деньгах и славе, не повлекут за собой гибель человечества.

– Ты мне льстишь, – промямлил он. – Тому, что от меня осталось.

Она поднялась с края кровати.

– Мы все склоняемся под своим бременем, Дункан. Ваше бремя – быть пророком. Предсказывать, что может произойти, если мы осмелимся уйти прочь от дома. От Земли. Благодаря вам этому не позволят случиться.

– Я не уверен.

Отведя взгляд, он посмотрел в окно. Там были деревья, и живые изгороди, и маленькие теплокровные существа с быстро бьющимися сердцами. Были другие люди, ветер и дождь, жизнь. Чтобы сохранить остатки рассудка, он отказался от всего этого. Потому что если его снаружи застанет ночь, и он посмотрит вверх на звезды…

Он содрогнулся, словно прочтя мысли своего врача. Это станет его концом. Кошмары навсегда сомкнутся вокруг, и он уже никогда не проснется.

– Я знаю, что персонал запустил в дело несколько планов, чтобы остановить отправку «Завета», – пророк отвернулся от окна подавленный. – Первая попытка в самом корабле, потом усилия по внедрению кого-то из наших в корабельную службу безопасности, а теперь эта неудача с похищением.

Он покачал головой:

– У нас не остается времени, – его взгляд встретился со взглядом доктора. – Может оказаться необходимым убить несколько людей. Я не хочу, чтобы кого-то убивали, но «Вейланд-Ютани» может не оставить нам выбора.

Бисмала кивнула, пока возилась со своим чемоданчиком.

– Лучше принести в жертву нескольких, чем весь вид целиком.

Он без колебаний тоже кивнул, хотя выражение его лица так и осталось мрачным.

– Что, если наши усилия обречены на неудачу?

– Страх уничтожения целой расы – мощный стимул. Если власти вам поверят…

Он резко помотал головой:

– Ты знаешь, что произойдет, если им показать записи моих снов. Пожмут плечами и отложат их в сторону, потому что на колонии можно сделать деньги. Вокруг этого выросла целая индустрия. Когда этому противопоставят «ночные бредни

скромного психа из Хэмпшира», ответ будет очевиден.

– Не для тех из нас, кто верит, Дункан, – ответила она. – Мы знаем, что на кону. Мы посвятили свои жизни тому, чтобы остановить эту ужасающе ошибочную колонизацию глубокого космоса.

Теперь пришел ее черед слегка содрогнуться.

– Никто не знает, почему во сне вы видите то, что видите. Никто не понимает причин и нет научного обоснования – *если* оно научно. Но для тех, кто собрался вокруг вас, для тех, кто видит истину в ваших кошмарах, не может быть иного выбора. Что такое жизни нескольких по сравнению с выживанием человеческой расы?

Филдс посмотрел в сторону.

– Знаешь, я не просил это бремя. Эту ответственность. Все это просто обрушилось на меня. Я бы отрекся, если бы мог, – он поднял взгляд к потолку. На миг, пока он сидел вот так в кровати, стараясь разглядеть что-то сквозь крышу, он на самом деле выглядел пророком. Безумен он или нормален – Бисмала знала, что это не имеет значения. В конце концов, значение имели только кошмары.

Она всегда считала себя рационалисткой, но сейчас она верила – как и сотни других. Она не могла иначе – не после того, как однажды подверглась воздействию ужасов, присущих снам Дункана Филдса. Все это привело к заключению, скрытому в простой аббревиатуре, ставшей символом и клеймом организации.

– Ти-би-ди, – пробормотала она сама себе. Покинув комнату, она оставила пророка глядеть в потолок.

«*Там Будут Демоны*».

13

Дункан Филдс не присутствовал на собрании совета Спасителей Земли. Пророку не нравилось обсуждать в деталях грязную сторону дел организации. Пусть он и одобрял предполагаемые результаты, но знание некоторых методов причиняло пророку боль.

Это не имело значения. Он лишь давал изначальный импульс тому, что обсуждал совет. Иного вклада не требовалось, и к тому же его слова вряд ли имели бы вес при принятии решений. Сновидец не обладал опытом в подобных делах и только замедлил бы процесс обсуждения. Филдс не относился к гениям, но был достаточно умен, чтобы это понимать, поэтому отстранился от необходимости присутствия.

На совете присутствовали шестеро. Каждый представлял один населенный континент. Любой из них идеально слился бы с участниками конференции менеджеров по продажам. Эти безжалостные и сильные люди боялись огласки и делали все, чтобы не попадать в материалы СМИ. Они не были серыми кардиналами за спиной правителя.

Они были его правой рукой.

Все члены совета признавали, что видения, кошмары – или чем бы там ни были сны Дункана Филдса – отражали галактический порядок вещей, по которому хомо сапиенсам следовало остаться дома, в безопасности, и не привлекать к себе внимания отправкой обитаемых кораблей к звездам. Осознав, что их идеи не пользовались популярностью, они пытались отыскать пути – как явные, так и скрытые – донести их до публики.

Пока что это не удалось.

Существовала технология, позволяющая отправить человечество в открытый космос. С учетом причиненного окружающей среде вреда, найти добровольцев оказалось достаточно просто. Еще были корпорации, которые желали заработать денег. Спасителям Земли трудно было донести свои опасения до людей, действуя против вала рекламы и перспективы прибылей. Тем не менее совет и последователи Дункана Филдса продолжали свои попытки.

В настоящий момент корабль-колония «Завет» был почти готов отправиться в путь к далекой Оригаэ-6. Большой-пребольшой сигнальный флаг, который объявит о существовании человечества и покажет тропу к уязвимому родному миру. Его необходимо было остановить любыми средствами. Иначе, как были убеждены совет и последователи, кошмары Филдса

воплотятся в реальность.

Отважный Эрик Сасаки, много лет являвшийся добровольцем Спасителей Земли, отдал свою жизнь во имя этого дела. Это же случилось и с другим членом группы в Лондоне, хотя его напарнице, к счастью, удалось скрыться. Совсем недавно погибли два члена группы из пяти, пытавшихся похитить дочь Хидео Ютани.

Уцелевшие предлагали повторить попытку, даже настаивали, но совет отказал. Меры безопасности вокруг самого Ютани и структур компании в Японии, Британии и повсюду в мире были усилены до такой степени, что их было бы невозможно преодолеть.

– Мы могли бы начать саботировать различные дочерние предприятия «Вейланд-Ютани», которые вовлечены в колонизаторский проект, – начала женщина средних лет. – Может хватить нескольких удачно расположенных бомб, – она выглядела так, словно не обсуждала террористические акты, а катила детскую коляску по улицам пригорода.

Другая женщина азиатского происхождения, которая сидела на противоположной стороне комнаты, покачала головой.

– Не слишком хорошая идея. Могут погибнуть невинные, а если станет известно, что к этому причастны Спасители Земли, люди не успокоятся, пока не уничтожат наше движение. Кроме того, – добавила она, наливая себе чашку чая, – это не решение. Мы можем взорвать половину зданий «Вейланд-Ютани», а «Завет» все равно отправится по графику.

Следующим заговорил элегантно одетый джентльмен, который, сгорбившись, сидел на кушетке неподалеку, приложив два пальца к виску.

– Теперь единственным способом остановить этот корабль остается вывести его из строя или заставить тех, кто стоит во главе проекта, остановить запуск.

– Мы никак не сможем добраться до самого «Завета», – ответил мужчина средних лет. Он страдал от избытка веса, нуждался в лучшей стрижке, а его маленькие черные глаза были слишком близко посажены к маленькому носу. Штаны и рубашка обтягивали его слишком плотно. Он работал на исследовательский отдел крупной российской фармацевтической компании, которая специализировалась на лосьонах и кремах. Высказывание звучало жестко и без вариантов. – Они перепроверяют допуски у всех на борту.

Более худой мужчина, который сидел неподалеку, был скверно одет. Он нервно грыз взятое с тарелки печенье, как белка, которая постоянно опасается сокола.

– Уже невозможно провести кого-то нового на корабль. Они слишком внимательно проверяют всех до посадки на челнок.

Самый молодой член группы сел прямо.

– Значит, нам нужно остановить вылет, действуя с Земли, – он по очереди посмотрел на всех товарищей. – Как насчет еще одной попытки с Дженни Ютани или, может, с кем-то из других родственников?

Женщина помоложе смиренно пожала плечами.

– С тем же успехом можешь попытаться похитить мирового лидера. Может, нам удалось бы захватить кузину или племянника. Но, зная репутацию Хидео Ютани, можно предсказать, что он ответит. Позволит нам делать с ними все, что угодно, поскольку у него множество других кузин и племянников.

Договорив, она грязно выругалась, что совершенно не соответствовало ни правилам приличия, ни ее облику.

– Если бы только нам удалось добраться до самого Ютани, – заявил тучный советник по имени Павел. – Но это невозможно.

– Может, и нет, дорогуша.

Все повернулись к почтенного вида женщине, которая предложила взрывать здания компании. Ее более молодая коллега отставила чай, чтобы выразить несогласие.

– Ты можешь предложить какую-нибудь реальную идею, или просто подвержена слепому оптимизму? Всем нам известно, насколько усилены меры безопасности вокруг каждого важного члена семьи Ютани. Они не станут делать исключения для самого старика.

Женщина кивнула.

– Это верно, что у нашей организации нет возможности до него дотянуться. Это не исключает наличия тех, у кого она может найтись.

Небрежно одетый молодой мужчина по имени Пьер саркастически фыркнул.

– Что за «те»? – резко спросил он. – Кто еще мог бы пробить это стальное кольцо?

Женщина перевела на него взгляд.

– Стороннее сообщество с достаточными знаниями о местных порядках, влиянием и безразличием к властям. Я говорю о нео-якудза.

Молодая женщина вопросительно посмотрела на старшую коллегу.

– Зачем нео-якудза вмешиваться?

– По той же причине, что всегда срабатывает с подобными группами, – матрона отпила чай и ответила на ее взгляд поверх фарфорового края чашки. – Деньги.

– У нас достаточно средств? – Чома, представитель Африки, пожевал нижнюю губу. – Речь все-таки не о наезде на магазин по продаже рамена.

Все взгляды сошлись на человеке с избытком веса. Он секунду размышлял, потом выпятил нижнюю губу и кивнул.

– Это можно устроить.

– Значит, мы пришли к согласию? – спросила матрона. Когда никто не высказал новых возражений, она повернулась к женщине напротив. – Юкико?

– Я привлеку необходимые связи и сама займусь последующими переговорами, – Юкико помедлила. – Независимо от того, какую сумму мы предложим, возможно, они откажут, – она оглядела соратников. – В нашу пользу говорит то, что мы не хотим смерти старика. Речь только об «отпуске» и… последующем убеждении.

Единственный человек, который не поучаствовал в последнем обсуждении, поднял взгляд от стакана со странной смесью, к которой никто иной бы не притронулся – не говоря уже о том, чтобы это пить, – и осушил половину одним долгим глотком. Толстый мужчина передернулся.

– Существуют способы испортить «Завет» навсегда. Как только мы удовлетворимся результатом, старика можно будет отпустить.

– Что помешает ему и его компании починить корабль, – спросил худой мужчина, – и отправить его позднее?

– Как вам известно, я работаю в компании, которая производит – в числе прочего – широкий спектр медицинских имплантатов, – говоривший не улыбнулся. – Прибор можно изменить так, что простой сигнал приведет к выбросу смертельного яда. Не нужно посвящать старика в детали. Достаточно того, что если он не исполнит наших требований, мы сможем мгновенно его убить.

– Превосходная идея, – таким же голосом матрона могла бы говорить с местным зеленщиком. – Поставим на голосование. Юкико начнет переговоры с нео-якудза, Пьер проследит за подготовкой прибора, который можно будет хирургически внедрить в тело Хидео Ютани, – ее улыбка была наполовину материнской, наполовину – змеиной. – Не знаю как остальные, а я нахожу такой подход очень многообещающим.

– Мы пришли к согласию?

Поднялись руки. Совет проголосовал единогласно. После этого, поскольку нечего больше было обсуждать, они допили чай.

14

Никто не обращал внимания на пожилого мужчину с кипарисовой тростью. Как и подобало его возрасту, он шел медленно, держась подальше от мокрых загруженных токийских дорог, заполненных в основном тихими машинами на самоуправлении.

Мимо с болтовней и смехом текли парочки и группки друзей. Старик походил на переваливающийся камень в быстром ручье. Никто его не толкал и не пытался спихнуть с дороги. Хотя по большей части его не замечали, пешеходы все же осознавали его присутствие и считались с немощностью. Хотя многое в Японии изменилось, уважение к старшим сохранилось.

Несмотря на дождь, мужчина был без зонтика, и пренебрегал использованием личного водоотталкивающего экрана – словно предпочитал промокнуть. Его лицо, вытянутое, исчерченное морщинами, как оживший портрет с гравюры в стиле укие-э, обрамлял поднятый воротник простого серого пальто. Спереди и сзади свисали поля слишком большой шляпы, обеспечивая некоторое прикрытие шее и лицу. Темные глаза не отрывались от тротуара – старик старался не споткнуться или не наступить в слишком глубокую лужу.

Широкие усы и бородка клинышком – и то, и другое было совершенно белым – придавали ему налет элегантности. Густые, несмотря на возраст, седые волосы были собраны в пучок и спрятаны за воротник пальто.

Дождь был затяжным, но не сильным, настойчивым, но не проливным. Его хватало, чтобы радуга огней от окружающих зданий приобрела сюрреалистический оттенок, словно собрание абстрактных картин осветили изнутри. Яркие огни танцевали на таких же цветастых дождевиках юных пешеходов, собиравшихся провести вечер в городе. Они направлялись в Асакусу – расположенный неподалеку древний развлекательный квартал. Окружающие здания в сравнении с живой, яркой подсветкой выглядели скучными.

Он мог бы взять роботакси. Мужчина мог себе это позволить, но он наслаждался прогулкой под дождем. Она напоминала ему о прошлом, когда он был бедным буракумин.[10] Тогда у него не хватало денег даже на пальто, не говоря уже о чем-то настолько сложном, как личное водоотталкивающее оборудование. Много он пережил холодных, промозглых ночей вроде этой, когда готов был убить за миску горячего супа и лапши.

Буквально.

Теперь он мог себе позволить суп и лапшу. Он мог себе позволить североамериканский стейк из говядины Кобе, французское вино и итальянские трюфели. Но не сегодня. Плотный обед перед делом – плохая идея. Он делает тело неповоротливым и затуманивает сознание.

Кипарисовая трость стуком отмечала путь. Дважды проходившие мимо парочки предлагали старику деньги. Он улыбался и вежливо отказывался. Если бы они знали, кто он такой, они бы не стали предлагать помощь. Если бы они знали, кто он такой, то, скорее всего, убежали бы в ужасе.

Его звали Тацуя Химура, и он был оябун – босс – Ямагучи-гуми Одиннадцать, группы, к которой принадлежало чуть более половины гангстеров и представителей организованной преступности Японии. Мужчина помедлил перед одним зданием и всмотрелся в дождь. Различив адрес, он кивнул сам себе. На двух пальцах виднелись едва заметные шрамы там, где он когда-то отсек суставы в последовательных ритуалах юбицумэ.[11] Современная медицина позволила восстановить фаланги, оставив лишь небольшой, но достаточный знак боли и принесенной жертвы.

Он коснулся левой кисти другим пальцем. Ожил маленький вживленный проектор. Мужчина прошептал несколько слов, и подкожный коммуникатор подтвердил все, что ему требовалось знать: время, место, факт того, что он пришел туда, куда нужно.

Химура мог бы послать подчиненного – или много подчиненных, – но результат их действий мог отличаться от того, что ему требовался. Кроме того, хорошо бы поддерживать форму, независимо от того, насколько человек стар. Химура ощущал свой возраст до самых костей. И там, где кто-то другой, испытывавший такую же боль, содрогнулся бы, он ухмыльнулся. Холод и дождь заставляли его чувствовать себя живым. Кроме того, он был достаточно стар, чтобы не привлекать лишнего внимания. Глубоко вздохнув, он шагнул в альков перед входом.

Двое привратников встретили его косыми взглядами. Это были очень крупные, крепкие и, без сомнения, достаточно тренированные для своей должности мужчины. Химура легко мог бы их убить. Вместо этого он покорился небрежному осмотру.

– И куда это, по-твоему, ты идешь, дед? – спросил ближайший с минимальной обходительностью.

Опершись одной рукой на трость, Химура поднял другую. Она едва заметно дрожала.

– Меня пригласили на обед.

Привратник, который был гораздо моложе и крупнее его, нахмурился.

– Кто? Чистильщик кошек?

Его напарник улыбнулся и закашлялся в кулак. Кошки обитали во многих токийских ресторанах. В высококлассном заведении вроде «Собы» они были синтетическими и вполне могли чиститься самостоятельно. Так что издевка оказалась вдвойне оскорбительной.

Химура поднял обе руки. Было видно, что это действие далось ему нелегко.

– Я опаздываю. Можете за мной проследить, если вам так нравится. Джентльмен, с которым я должен встретиться, уже здесь.

Что-то в его голосе, некий переход от стариковской слабости к неожиданной властности заставил обоих привратников помедлить. Вероятнее всего, думали они, этот дед собирался сидеть над единственным коктейлем и глазеть на богатых и знаменитых людей города. С другой стороны, существовала вероятность, что он говорил правду. В этом случае, если они не позволят ему войти, то могут лишиться работы. Придя к некоему заключению, главный привратник кивнул коллеге.

– Просвети его и впусти, – и добавил, обращаясь к посетителю: – Мы будем за тобой наблюдать. Если ты просто забредешь в длинный бар или один из тех, что наверху, и попытаешься зависнуть там на всю ночь, то мы выкинем тебя обратно под дождь.

– Я понял, – Химура продолжал держать руки поднятыми.

– Это лишнее, дед, – смягчившись, первый привратник улыбнулся и показал, что Химура может опустить руки. – Просто постой там секунду.

Световых лучей не было видно, но раздалось тихое гудение невидимых приборов, которые снимали мерку с его одежды, обуви, трости, даже волос. Когда жужжание прекратилось, привратник хмыкнул.

– Он чист.

– Ты ждал чего-то другого? – поддел его напарник. Внутренняя дверь открылась, и он жестом предложил Химуре заходить. – Приятного аппетита, дед.

– Благодарю, молодой человек. Думаю, я не задержусь.

Оставив пальто в автоматической гардеробной, Химура двинулся дальше в здание. Как и подобало одному из лучших обеденных заведений Токио, «Соба» оказалась переполнена. Центральную зону со столиками окружали два ряда кабин с высокими стенками. В них можно было настроить окружающий фон, выбрав любую из множества картин. Рассеянное освещение внутри тоже можно было полностью подстроить по желанию

обедающих посетителей, а если клиентам хотелось приватности, те же оптические проекторы могли создавать экраны, затемняя воздух между входом в кабину и остальной территорией ресторана. Глушители звука исполняли ту же функцию в зависимости от того, какой уровень громкости ресторанной болтовни посетитель желал оставить в качестве фона.

Помогая себе тростью, Химура прошел через зал. Время от времени официанты посматривали на старого человека в помятом, но чистом костюме, и, не заметив ничего необычного, возвращались к своим делам. Само присутствие живых официантов вместо автоматических служителей показывало высокий статус «Собы».

Несколько помещений в дальнем конце ресторана отводилось для самых важных клиентов. Здесь было тише и менее людно. Также на каждого посетителя приходилось больше официантов. Здесь не стояло открытых столиков. Проходя мимо каждой кабины, Химура удостаивал тех, кто сидел внутри, быстрым оценивающим взглядом. Некоторые кабины оказались затемнены или звукоизолированы – или и то, и другое. На такие он пока что не обращал внимания. Если потребуется, он сможет их проверить позже, на обратном пути.

Хотя телохранители стояли у нескольких кабин – как затемненных, так и нет, – Химура смог обнаружить ту, что разыскивал, бегло осмотрев двух мужчин перед входом. Эта ложа не была ни затемнена, ни звукоизолирована. Даже на расстоянии было достаточно легко опознать характерные татуировки на шеях и тыльных сторонах рук телохранителей. Химура знал, что такие же образцы традиционного искусства покрывали большую часть поверхности их кожи, если не всю.

Еще одним подтверждением стала тишина в кабине. Скорее всего, это означало, что внутри находился единственный посетитель, который обедал один. Химура был уверен, что нашел правильную кабину. Он давно уже выяснил, что нужный ему мужчина будет обедать здесь этим вечером, в это время. Химура мысленно отметил, что женщине, которая подтвердила время и место, следует выплатить премию.

Он улыбнулся про себя. Куда более молодой исполнитель подвергся бы гораздо более тщательной проверке. Группу немедленно бы заметили и заподозрили еще на входе в заведение. А вот одинокий старый человек мог перемещаться гораздо более свободно.

Хромая мимо кабины по направлению к главной кухне, Химура привлек лишь мимолетный взгляд со стороны двух телохранителей. Миновав цель, он снова включил встроенный в

левую руку небольшой прибор и что-то прошептал.

Наступила короткая пауза.

Со стороны кухни раздались крики и пронзительный визг. Включилось несколько пожарных сигналов. Посетители эксклюзивной зоны, тревожно переглядываясь, начали негромко переговариваться. Некоторые поднялись со своих мест.

Даже два телохранителя сунули руки за полы пиджаков, держа их поближе к оружию, и сделали несколько шагов в направлении кухни. Химура начал возвращаться по своим следам. К тому времени, как для успокоения публики появился один из метрдотелей, и прежде, чем телохранители догадались оглянуться, Химура уже шагнул в кабину.

Как он и предполагал, в самой дальней части выгнутой полумесяцем ложи сидел единственный посетитель. Химура готов был разобраться и с другими людьми, окажись они там же, но то, что мужчина был один, упрощало задачу.

Хидео Ютани поднял взгляд на пришельца и махнул рукой на трехмерное изображение, которое в этот момент просматривал. Прибор выключился. Глава «Вейланд-Ютани» не стал кричать и звать на помощь. Вместо этого он продолжил жевать. И указал на место справа от себя.

– Присаживайся, Химура-сан, – сказал он. – Что заставило оябуна Ямагучи-гуми лично выйти в такую холодную, сырую ночь?

Добравшись до предложенного места в роскошно обустроенной кабине, Химура положил трость на инкрустированный серебром стол, слегка наклонил голову в направлении хозяина и прозаично ответил:

– Ночь и в самом деле холодная и сырая, Ютани-сан. Неприятная ночь для убийства, за которое мне заплатили.

Ютани кивнул, размышляя над сказанным. Потом потянулся к графину и вытащил пробку. Телохранители вернулись и теперь смотрели на них с испуганным изумлением. Заметив новоприбывшего, они снова потянулась к оружию. Ютани быстро махнул рукой, и они замерли – хотя и не утратили встревоженного вида.

– Хочешь минеральной воды из Исландии? – предложил Ютани.

Глава Ямагучи-гуми покачал головой и усмехнулся.

– Ты всегда был скорее аскетом, чем эстетом. Как мне тебя убивать, не выпив сначала чего-нибудь пристойного?

Ютани улыбнулся в ответ.

– Чего бы тебе хотелось, Химура-сан?

– Саке. Подогретого, – снова эта улыбка кобры. – Я гораздо

больший приверженец традиций, чем ты.

– Этого требует твое положение. Я более независим, – Ютани слегка наклонился вперед и обратился к столу: – Бутылку старого «Дайсчичи» и два стакана, пожалуйста, – он откинулся обратно. – Если мне не нравится выпивка, это не значит, что я в ней не разбираюсь.

Химура одобрительно кивнул.

– Прекрасный выбор, хотя и немного острое. Нам следует обсудить кое-что важное.

Глава «Вейланд-Ютани» вернулся к стейку и картошке.

– Что? Собираешься ты меня убивать или нет? До того, как я закончу есть, или после?

Химура негромко рассмеялся.

– Ты очень хорошо знаешь, Ютани-сан, что если бы я на самом деле пришел тебя убить, то уже вернулся бы на улицу и растворился в дожде. Я сказал, что мне заплатили за то, чтобы прийти сюда и убить тебя, а не что у меня было хоть какое-то намерение исполнить это на самом деле.

Ютани проглотил кусок и кивнул, после чего поднял вышитую салфетку из ирландского льна и промокнул рот.

– Однако из любопытства я спрошу, как бы ты это совершил? Тебе не удалось бы пронести никакого настоящего оружия или взрывчатку через охрану здания. А что касается физического нападения, то я немного моложе тебя и кое-как владею боевыми искусствами, – он кивнул в направлении входа. – А также, стоило раз крикнуть, и мои люди оказались бы здесь.

Химура изобразил понимающий жест.

– Конечно, мне пришлось бы работать быстро. И все же есть определенные специализированные инструменты в этом деле, которые ухитряются оставаться на шаг впереди даже самых продвинутых мер безопасности, – он протянул шишковатую руку и прокатил трость по столу дважды в правую сторону. – Если я теперь трижды прокручу ее влево, она зарядится.

Ютани уставился на кипарисовую палку.

– Любой металл или взрывчатое вещество немедленно определяются даже самым простым датчиком.

– Истинная правда, – Химура улыбнулся. – Вот почему внутренний механизм целиком сделан из дерева. Ударно-спусковой механизм, маленькая пуля, наполненная быстродействующим ядом, все – из дерева и установлено порознь. Детали не соединяются в оружие, пока трость не взведена.

– Впечатляет, – поддев вилкой несколько зеленых бобов, Ютани положил их в рот и прожевал. – Благодарю за информацию и за урок, – доставили саке со стаканами, и он

положил вилку. Наполнив сначала стакан Химуры, себе он налил совсем чуть-чуть. Отставив бутылку, Ютани поднял стакан.

– За старых друзей, которые не убивают друг друга!

Химура поднял небольшой стакан в ответном жесте.

– За старых друзей, которые не убивают друг друга. Оставим это женам и любовницам.

Они выпили. Ютани, чья порция была меньше, первым опустил стакан.

– Итак, Химура-сан. Кто нанял тебя для моего убийства и зачем им понадобилась моя смерть?

В качестве преамбулы старик сунул руку за отворот пиджака и вытащил конверт. Толкнув его по столу к Ютани, он налил себе еще немного крепкого напитка.

Конверт оказался не запечатан. Ютани достал содержимое и разложил его на столе. Перед ним оказался полный набор документов, согласно которым их носитель являлся служащим «Вейланд» из подразделения в Глазго. Места, где должно было быть изображение, оставались пустыми. Ютани поднял взгляд на посетителя.

– Кто-то хочет, чтобы мои местные служащие думали, что меня убил человек из «Вейланд».

Химура кивнул.

– Не имею представления зачем. Это выглядит излишним. Какая разница, кто тебя убьет, предполагая, что покушение закончится успешно? – он выпил. – Несомненная удача, что контракт привлек мое внимание. Тот, кто передал его в мой кобун, определенно не знал, что мы с тобой вели дела на протяжении многих лет. Что мы достигли личного взаимопонимания, которое я совсем не хотел бы разрушать, независимо от суммы.

– В самом деле, – прагматично добавил Ютани. – Никакая разовая плата не может сравниться с ценностью наших деловых отношений. Ты поделился со мной информацией, Химура-сан. Теперь моя очередь ответить тем же. Ты знаешь о предстоящем путешествии корабля-колонии «Завет»?

Химура кивнул.

– Как я могу не знать? Все на Земле в курсе, – он поморщился. – Это каким-то образом связано с контрактом на твою голову?

– Предпринимались попытки саботировать корабль, провести кого-то на борт в качестве сотрудника команды безопасности и похитить мою дочь. Несмотря на то, что все это провалилось, действия были профессиональными, – Ютани указал на превосходно подделанные документы «Вейланд», разложенные по

столу.

– Я, разумеется, знаю про попытку похищения, – глава Ямагучи-гуми принял задумчивый вид. – Значит, кто-то один или какая-то группа людей из компании «Вейланд» хочет предотвратить запуск миссии. Судя по всему, очень сильно хочет.

– Судя по всему, – повторил Ютани. – Кто бы это ни был, они перешли от саботажа к похищениям, а теперь к убийствам в попытке добиться своей цели, – он постучал пальцем по ближайшему удостоверению. – У меня нет сомнений, что кто бы это ни был, он с нетерпением ждет объявления о моей смерти. После чего пришлет угрозу о том, что, если колонизаторскую миссию не отменят, последуют новые убийства. Они начинают отчаиваться. И начинают серьезно раздражать.

Химура посмотрел на него поверх третьего стакана дорогого саке.

– Кто начинает отчаиваться? Сотрудники бывшей компании «Вейланд»?

Ютани откинулся на роскошную мягкую обивку.

– Я не знаю. В одном из тех, кто пытались остановить миссию, опознали сотрудника «Ютани», прочие долгое время работали на «Вейланд». Стала очевидна попытка посеять раздор между этими группами. И все же с каждым инцидентом я все больше склонен полагать, что истинная движущая сила кроется где-то еще, вне «Вейланд-Ютани», – он остро глянул на старика.

– У тебя есть доступ к источникам информации, которых нет даже у меня, – сказал Ютани. – Которых нет у властей. Возможно, ты мог бы задать несколько вопросов? Теперь, когда у тебя есть представление о том, что искать.

Когда Химура не ответил сразу, Ютани добавил:

– Вознаграждение, разумеется, будет соответствующим. В зависимости от того, что тебе удастся узнать.

– Разумеется, – Химура поставил стакан. – Прибыльный вечер, как на него ни посмотри, и выпивка тоже хороша, – он налил себе четвертую порцию. До сих пор Химура не проявлял признаков опьянения. И не проявит. Даже в таком возрасте похожий на доброго дедушку Тацуя Химура мог свалить под стол головорезов и крепышей вдвое себя моложе.

– Мне всегда больше нравилось обсуждать дела, чем убивать людей, – продолжил он. – Что тебе хочется узнать, старый друг?

15

Снова дождь. Лопе не так уж плохо относился к дождю. На самом деле он надеялся, что на Оригаэ-6 будут идти настоящие дожди. Он наслаждался падающими каплями, запахом свежести.

К несчастью, дождь в Большом Лондоне не ощущался и не пах правильно уже на протяжении нескольких десятилетий. Вместо свежего ионизированного воздуха теперешний затяжной ливень вонял теми промышленными выбросами, которые в данный момент преобладали в местной атмосфере. Что до ощущения, то капли порой содержали такое количество мельчайших частиц, что по-настоящему паршивый шторм обладал способностью сдирать краску. Это было очень удачно для множества появившихся крупных и мелких фирм, занимавшихся починкой, и не слишком приятно для владельцев зданий и страховых компаний.

Неудивительно, не впервые раздумывал Лопе, что на каждое место колониста поступает столько заявок. Сто или около того лет назад пришлось бы сильно потрудиться, чтобы убедить людей навсегда покинуть планету. Теперь же они стремились улететь в надежде обрести то, что некогда принимали как должное: чистый воздух, пригодную для питья воду, здоровую почву. Если чистота на самом деле приравнивалась к благочестию, то любому, кто давал себе труд оглядеться, было очевидно, что ни того, ни другого на планете Земля почти не осталось.

Хуже всего дело обстояло с крупными городами, переполненными, перенаселенными. Невозможно было поддерживать в них чистоту. В этом отношении Большой Лондон, несмотря на все свои трудности, оказался лучше многих других. Лопе видел изображения мест вроде Мумбаи, Найроби, Сан-Паулу и не только. Десятки миллионов людей отчаянно нуждались в питьевой воде, работающей канализации, достаточном количестве еды. Они даже не могли себе позволить простых матерчатых масок для фильтрации воздуха, который с трудом принимали легкие.

С его опытом Лопе мог бы найти высокооплачиваемую работу в любом из этих городов или где угодно еще – но на самом деле искать было негде. Никакие места уже не походили на изящные исторические образы, которые он внимательно разглядывал в видео и книжках с картинками. О, тут и там по поверхности планеты были разбросаны природные заповедники. Находясь под серьезной охраной, они продолжали существовать на полосках становящейся все более загрязненной земли, но никто не мог жить в заповеднике. Доступ разрешался только ученым,

исследователем и немногим избранным посетителям.

В случае Лопе это все равно не сработало бы. Ему нравились люди – за исключением того, что они сотворили с планетой. Идея провести остаток жизни, охраняя клочок дождевого леса или отдаленный остров, его не привлекала. Халлет был с этим полностью согласен. Если они и будут наслаждаться компанией других людей в чистой, не зараженной среде, то это произойдет в другом мире. Поэтому они – как супруги – подали заявку в службу безопасности корабля-колонии «Завет». И их приняли.

Лопе предлагали повышение в звании. Он отказался. Не было необходимости щеголять офицерским званием на борту корабля, отправлявшегося в далекий космос. Назначение автоматически создавало бы пропасть между ним и подчиненными. Лучше было оставаться одним из группы, младшим офицером.

«Сержант» подходило ему идеально.

Со дня найма он готовился решать любые проблемы, возникающие на борту. Вероятнее всего, по большей части это были бы мелкие ссоры между членами экипажа. Также он был готов встретить трудности, которые могли возникнуть на далекой неизведанной Оригаэ-6. Но вот к чему он не готовился – так это к тому, что по нему начнут стрелять в фойе лондонской башни «Вейланд».

С самого момента нападения он все пытался найти причину. Единственным объяснением, которое имело какой-то смысл, была попытка остановить миссию «Завета».

Сейчас он сидел в удобном кресле в угловом кабинете и смотрел на вялого грязного водного червяка – Темзу, которую, несмотря на близость, едва мог разглядеть сквозь дождь. У противоположного берега широкой медленной реки полицейский ялик изводил обитателей нелегального плавучего дома. Когда-то зона Доков кишела судами со всего мира. Затем район забросили, здания обветшали, и на них перестали обращать внимание – до тех пор, пока нужда в новых офисных и жилых площадях не поглотила берег.

За столом сидел капитан Бевридж. За исключением второго кресла, которое сейчас пустовало, в помещении не было другой мебели, только проекции. Они создавали яркий, постоянно меняющийся экран вокруг главы службы безопасности подразделения «Вейланд» на Британских островах. Чернокожий низкорослый Бевридж обладал сложением пожарного гидранта. И был не менее суров. По обе стороны его головы виднелись выбритые декоративные полоски. А еще у него были две ученые степени по криминологии в Манчестерском университете.

Лопе ничего не имел против него. Будучи почти одного

возраста, они не испытывали трудностей в общении.

Бевридж махнул сначала правой рукой, потом левой. Окружавшие его сообщения послушно исчезли, осыпавшись дождем цветных вспышек. В результате двоих мужчин уже ничто не отделяло от практически пустого кабинета. «Прекрасная обстановка для разговора», – подумал Лопе. Или для допроса.

Сержант уже рассказал следователям компании все, что мог вспомнить о том вечере, когда произошла попытка убийства. Он всегда хорошо запоминал детали, что бесконечно обрадовало тех, кто задавал вопросы. И все же предоставленная им информация не привела к аресту сбежавшей женщины, и это было досадно.

Лопе смотрел на дождь и на реку, пока его мочевой пузырь не начал ныть. Взглянув на Бевриджа, он понял, что тот тоже был погружен в свои мысли. Лопе решил пробудить капитана от размышлений.

– Так и ничего?

Бевридж моргнул и повернулся к посетителю.

– Хм? Что? Нет, ничего стоящего. Сам знаешь, множество предположений. Предположений, приправленных некоторым количеством паники, – он поднял взгляд к потолку и взмахнул рукой. – Но сильные мира сего хотят получить ответы, и быстро.

– Нам всем нужны ответы, – заметил сержант. – И побыстрее. Я теряю сон, когда кто-то пытается меня убить.

– Это понятно. Что ж, скоро ты отоспишься так, как никогда и не мечтал, старина. Образно выражаясь, – Лопе не улыбнулся, и Бевридж посерьезнел. – Слушай, дружище, я тебе сочувствую – как человек, в которого на протяжении всей карьеры стреляли не раз. Действительно сочувствую, но на кону мои голова с карьерой, а не твои. Вполне вероятно, что ты пересечешь орбиту Хаумеи[12] и улетишь далеко за нее, прежде чем я разберусь, что происходит.

Лопе выдавил усмешку.

– Сожалею, что оставляю вас разгребать эту кашу, сэр.

– И дрянная же эта каша, – Бевридж пробурчал еще что-то себе под нос и откинулся на спинку кресла. – Это не имеет никакого смысла, – он сложил руки на коленях и наклонился к посетителю. – Я хочу сказать тебе нечто такое, что ты не должен повторять никому больше. Учитывая то, что ты пережил, я считаю своим долгом доверить тебе эти сведения. И еще я лично чувствую себя обязанным это сделать. Учти, старина, ничто из услышанного тобой в этой комнате не должно выйти за ее пределы.

Лопе пожал плечами.

– Меня наняли не за то, что я выбалтываю секреты компании.

Судя по выражению лица, Бевриджу этого было достаточно.

– Два дня назад в Токио была предпринята попытка похитить Дженни Ютани, дочь президента и генерального директора компании.

– Жаль это слышать, – искренне сказал Лопе. – Ты сказал «попытка». Я так понимаю, ты хочешь сказать, что похищение не удалось.

Капитан кивнул.

– Двое похитителей были убиты при попытке к бегству. Утонули. Троим удалось уйти. И служба безопасности компании, и полиция Большого Токио все еще их разыскивают.

– Надеюсь, найдут. Не люблю похитителей, – Лопе постарался принять заинтересованный вид. – Как это относится к покушению на мою жизнь?

Бевридж сложил руки на столе.

– Двое мужчин, которые утонули при нападении на семью Ютани, были работниками «Вейланд» с безупречной репутацией. Человек, который пытался саботировать «Завет», работал в «Ютани». Как и мужчина, который едва тебя не убил, – он сделал жест сначала одной рукой, потом другой.

Лопе подумалось, что у Бевриджа очень красноречивые руки.

– Сотрудники «Вейланд» нападают на «Ютани», служащие «Ютани» совершают нападения на «Вейланд». Моих начальников беспокоит, что персонал недоволен поглощением.

Сержант обдумал эту возможность.

– Или кто-то хочет уверить компанию, что дело именно в этом. Это может оказаться правдой – или отвлекающим маневром.

– Именно так, – оценил капитан проницательность Лопе. – Если верно последнее, то от чего пытаются отвлечь внимание? Или, вернее, от кого? Единственное, что объединяет все случаи – это миссия «Завета». Саботажник хотел, чтобы ее отменили. Похитители Ютани планировали держать Дженни, пока миссию не отменят, – он покачал головой. – Никто не смог придумать причины, по которой сотрудники «Вейланд» или «Ютани» хотели бы разрушить важнейший проект их собственной компании. Если корпорация получит от него прибыль, то ведь это отразится и на них, – он начал барабанить пальцами по крышке стола, потом, смутившись, остановился.

– К тому же, была женщина, которая рвалась присоединиться к службе безопасности «Завета». Которая сбежала, когда твои вопросы начали ее нервировать. И у нее был напарник, готовый тебя пристрелить, чтобы прикрыть ее побег. Кто бы за всем этим ни стоял, они не глупы и не склонны к спонтанным действиям.

Лопе задумался.

– Если их главной целью является отмена миссии «Завета», то чем ближе мы к запуску, тем более импульсивно они могут начать действовать. Потому что, если такова их цель, у них остается все меньше времени для ее достижения.

Развернувшись в кресле, Бевридж уставился на грязный дождь и еще более грязную реку за окном.

– Это верно. И, как нам обоим известно, отчаявшиеся люди склонны прибегать к отчаянным мерам.

Сержанта это встревожило меньше, чем его начальника.

– Они не могут сделать ничего, чтобы повредить «Завету». Теперь уже не могут. У них был один шанс. Благодаря быстрым ответным действиям команды ничего не вышло. С учетом усиленных мер безопасности с Земли не поднимется ничего даже относительно опасного – не говоря уже о том, чтобы добраться до самого корабля.

– Да, да, старина, это нам известно, – нетерпеливо ответил Бевридж. – Мы озабочены тем, о чем ничего не знаем, – он прямо посмотрел на сержанта. – Нам нужно найти женщину, которая пыталась присоединиться к команде «Завета», или троих похитителей, сбежавших от японской полиции, – он жестом указал на ливень, избороздивший полосами окна офиса. Только нанесенный репеллент позволял стеклу сохранять прозрачность. – Здесь ли, в Токио, дождь и река – плохие свидетели. Мы должны найти людей, которые могут ответить на вопросы.

Лопе ответил нейтрально:

– Вы позвали меня не для того, чтобы рассказать, чем занимаются прочие люди из службы безопасности компании.

Бевридж тихо рассмеялся.

– Досье утверждает, что ты умен, даже если предпочитаешь действовать как пехтура. Нет, ты здесь не для того, чтобы я вылил на тебя кучу бессмысленных сведений, – он снова наклонился вперед и пристально всмотрелся в посетителя. В этом взгляде чувствовалось напряжение, которого прежде не было. – Я так понимаю, ты наконец заполнил последнюю позицию в списке вакансий службы безопасности «Завета».

Лопе кивнул.

– Выяснилось, что женщина, которая пришла мне на помощь в башне, подавала заявку. Она оказалась умелой. Нанял ее, не раздумывая.

Вызвав проекцию, Бевридж окинул ее единственным взглядом.

– Я проверил расписание. У тебя есть время до того, как ты должен доложиться на борт и погрузиться в гиперсон. Хотел

поинтересоваться, не хотел бы ты поспрашивать людей, провести небольшое собственное расследование, – он метнул на Лопе взгляд. – Ты не служишь в полиции, ты не служишь в земной службе безопасности компании. Вероятно, твои расспросы привлекут меньше внимания, – откинувшись на спинку кресла, он еще раз посмотрел на реку. Большое пассажирское судно с низкими бортами двигалось против течения, борясь с раздувшимся потоком. Большая часть внутренних ламп светились. Из-за скрытого дождем и туманом силуэта судно походило на какое-то древнее морское чудовище.

– Может, это было совпадение, со служащими «Вейланд» и «Ютани». Может, нет, но клянусь вонючим дыханием Олодумаре, [13] за всем этим кроется что-то скверное. Скверное и опасное. Нам нужно выяснить, кто или что играет против нас – и положить этому конец!

– Не похоже, чтобы им до сих пор сильно везло, – спокойно сказал Лопе.

Бевридж секунду смотрел на него, потом улыбнулся и покачал головой.

– В докладах говорилось, что ты весьма невозмутимый сукин сын.

Сержант улыбнулся в ответ.

– Получил эту должность не за то, что порол горячку.

– Тогда, старик, тебе должно понравиться, что хотя компании нужно выяснить, что и почему происходит, куда важнее при этом сохранить все в тайне, подальше от СМИ. Что до «удачи», то если бы Дженни Ютани соображала медленнее, у ее похитителей все могло и получиться. Это же относится к происшествию на борту «Завета». Наши люди там, особенно суперкарго Дэниелс и твой сержант Халлет, хорошо справились.

Все три попытки были вот настолько близки к успеху, – он поднял правую руку и свел указательный и большой пальцы на расстояние нескольких миллиметров. – Мое начальство больше не хочет испытывать судьбу, – капитан секунду помедлил, собираясь с мыслями. – Ты слышал о «Дзютоу»?

Вспышка искреннего любопытства заставила Лопе чуть выпрямиться.

– А кто не слышал? Крупнейший конгломерат Азии. В целом крупнее, чем «Вейланд-Ютани», хотя и менее специализированный, – он нахмурился. – Кто-то считает, что за всем этим могут стоять они? Или что они хотя бы как-то причастны?

Бевридж снова кивнул.

– Эти подозрения в компании крутятся высоко.

– Насколько? Хидео Ютани?

– Не могу сказать. Тебе нужно только знать, что подозрения достаточно сильны, чтобы начать задавать конкретные вопросы. Их совет директоров плохо воспринял тот факт, что «Ютани» перебила ставку на «Вейланд». Предполагается, что у концерна есть свои люди внутри «Вейланд-Ютани», так же, как у нас есть агенты в «Дзютоу» – но пока что нет достоверных сведений о прямом участии концерна или его директоров.

– Разумеется, – добавил он, – это может быть и кто-то другой. Другая компания, чьи интересы и деятельность протекают вне покрытия наших радаров. Отдельный человек, правительство или государственная организация.

– Единственный радар, к которому у меня есть доступ – мой личный, – прямо сказал Лопе.

– Ты можешь спрашивать как частное лицо, – настаивал Бевридж. – А мои люди – нет. Погляди, что удастся обнаружить. Это не приказ, – он улыбнулся. – Приказу пришлось бы подчиниться. Считай это личной услугой.

– И если мне повезет набрести на что-нибудь интересное? – поинтересовался сержант у своего начальника.

Бевридж снова сложил руки. Добавить широкую улыбку – и он бы выглядел совершенным Буддой.

– Компания будет очень признательна.

Лопе пожал плечами.

– Благодарность компании для меня ни хрена не будет значить. Я буду без сознания на расстоянии многих световых лет.

– Тогда можешь оставить дар любимой благотворительной организации или дальней родне, старина. Как захочешь. «Вейланд-Ютани» отплатит сполна за любое открытие. Они всегда так поступают.

Реакция Лопе на предложение капитана была искренней. Просьба его не заинтересовала. Вскоре для него не будет иметь значение, вступит «Вейланд-Ютани» в войну с концерном «Дзютоу», или нет, или они объединятся, или Дженни Ютани в конце концов выйдет замуж за Линь Чоу-бая. Собственные интересы Лопе будут лежать во многих парсеках отсюда, и ничто из того, что происходит на Земле, его не коснется.

И все же…

Если за всеми враждебными актами на самом деле стояла отдельная компания или группа компаний, значит, они несли ответственность за попытку повредить «Завет». Подобная угроза, разумеется, его беспокоила. Как и любая попытка добиться отмены миссии. Опасность может сохраниться на борту даже после отлета.

Не то чтобы он верил, что сможет чего-то добиться, работая в одиночку. И все же Лопе льстило, что Бевридж и прочие считали, что у него это может получиться.

– Я должен работать один, или могу запрашивать помощь?

Бевридж широко развел руками.

– Сделай запрос на что угодно – и я его подпишу.

– Не «на что», – поправил его Лопе, – а «на кого». Я бы с большим удовольствием ввязался в это дело, если бы кто-нибудь прикрывал мне спину.

– Не вопрос, старина. Я могу назначить некоторых очень умелых людей, которые…

Лопе не дал ему договорить.

– Я не хочу работать с группой. Это привлекает слишком много внимания. Одного будет достаточно, – он принял задумчивый вид. – Кстати говоря, я предпочел бы человека, который подобным уже занимался.

* * *

– У тебя не очень-то выразительная внешность.

Сидя рядом с сержантом, Розенталь с интересом наблюдала за тем, как команда ремонтников занималась приведением в порядок вестибюля небоскреба. Они работали настолько ненавязчиво, насколько это было возможно, и старались производить как можно меньше шума.

– Тогда почему ты взял меня в команду «Завета»?

– Потому что меня интересует не твоя внешность. Это не оскорбление, просто замечание – и, по правде, скорее положительное. Малозаметность может быть очень важным качеством.

Услышав это, Розенталь посмотрела на Лопе. Они сидели на скамье без спинки, выполненной из палласитового железно-никелевого сплава. Под ними, освещенные изнутри, сияли ярко-зеленым и оливковым встроенные кристаллы.

– Если ты так пытаешься меня закадрить, то метод выбрал самый паршивый из всех, что я слышала.

– Нет, правда. Меня твоя внешность не интересует. Ты пока этого не понимаешь, потом поймешь, и тогда тебя это позабавит. По крайней мере, я на это надеюсь, – он усмехнулся. – Нам с тобой предстоит долгое время спать вместе.

Розенталь кивнула.

– До того как решиться на подачу заявки, я проглотила всю документацию. Долгий гиперсон, и никаких двухместных капсул.

– К несчастью. Каждый колонист и член экипажа на «Завете» – вселенная в себе. Разные ритмы организма и различные особенности требуют обеспечить отдельные капсулы для каждого человека. Так что мы будем спать поблизости. Кроме того, не встанет же капсула между друзьями?

– А, теперь я – твой друг?

Розенталь все еще относилась к сержанту настороженно. Лопе считал, что это хороший знак. Подозрительность – полезное качество для сотрудника охраны.

– Все члены моей команды – друзья. Так просто должно быть, если ты понимаешь, насколько тесно нам придется работать вместе. Безопасность корабля и колонии обеспечивает довольно небольшая команда. Некуда деваться, если кто-то внезапно решит, что не уживается с коллегами.

Она едва заметно пожала плечами.

– Тогда, видимо, мы друзья. Скажи мне, как друг, зачем мы здесь сидим вместо того, чтобы готовиться к отлету?

– Я уже готов. Ты поймешь, что это не требует много времени. Завершить свою жизнь нетрудно, если тебе требуется уместить вещи в несколько сумок. Что до нашего занятия, то я исполняю просьбу начальства.

Розенталь скорчила гримасу.

– Бог хочет, чтобы ты сидел тут и наблюдал за строительными работами?

– Не так высоко. Мое непосредственное начальство. Парень, который стрелял в меня из импеллера, прикрывал рыжую женщину, пытавшуюся попасть на твое место. Он мертв, а она сбежала. Мое начальство, – Лопе кивнул в сторону скрытых этажей, – хотело бы с ней пообщаться. Им хотелось бы знать, на кого они с мертвым помощником работали.

Лицо Розенталь приобрело заинтересованное выражение.

– Ты думаешь, они снова попробуют тебя достать?

Лопе покачал головой.

– Попытка до меня добраться была второстепенной. На самом деле они хотели занять последнюю вакансию в службе безопасности «Завета». Мои вопросы для кандидатки оказались слишком острыми, и она сорвалась. Тот, кто ее страховал, скорее должен был помочь ей скрыться, а не попытаться меня убить. Я думаю, что, если бы целью было мое убийство, рыжая бы развернулась и присоединилась к драке. Мне повезло, что ты оказалась на месте и решила вмешаться.

– Да, удача была на твоей стороне, – согласилась Розенталь. – Я испытываю глубокую неприязнь к людям, которые пытаются застрелить кого-то со спины.

– И в этом тоже мы сходимся. В любом случае, вышестоящим хочется знать, кем были эти люди и кого они представляют. Честно говоря, мне тоже. Это не приказ, но, если ты уже закончила свои дела, я не отказался бы от помощи.

Подумав, Розенталь спросила:

– Что я с этого получу?

– Мою благодарность. А, и кучу денег, которую ты сможешь оставить кому захочешь.

– Деньги меня не волнуют, но… – она ухмыльнулась Лопе. – К дьяволу, зачем еще нужны друзья? Думаю, если нам предстоит работать и спать вместе, то чем скорее мы друг друга узнаем – тем лучше.

Сержант кивнул.

– Если даже ничего другого не выйдет, это интересный способ убить несколько оставшихся до отлета дней. Встречаемся завтра в семь утра, в гражданской одежде. Я позже сообщу место.

Сержант поднялся. Розенталь последовала его примеру и задрала голову, неуверенно глядя на Лопе.

– Это точно не попытка меня охмурить?

– Завтра расскажу. Одну ночь ты вполне можешь провести в сомнениях. Как только я все объясню… что ж, как говорится, «истина делает нас свободными».

Выйдя из здания через временный выход, они разошлись в разные стороны. Каждый мельком проследил за тем, куда пошел другой.

«Хороший сотрудник службы охраны всегда присматривает за коллегами», – подумал Лопе.

16

Они встретились на следующий день у одного из двух уцелевших книжных магазинов на Чаринг-Кросс. «Книгами» назывались те огромные древности, которые печатались на листах из мертвых деревьев. Некогда эта знаменитая наклонная улица служила домом двойному ряду замечательных магазинов. Уцелевшие заведения стали такими же диковинками, как и их ассортимент.

Выжившие книготорговцы поставляли свой товар все увеличивающейся группе зажиточных фанатов, которые сосредоточили интерес и деньги на вещах, уже недоступных широкой публике. Не то чтобы для подобных книг не существовало более широкого спроса – просто бумага, на которой их печатали, стала слишком дорогой. Или слишком редкой.

Лопе надеялся, что его последний новобранец оценит выбор места встречи. Сам Лопе не был особенным любителем чтения, но он ценил старые традиции и рассчитывал, что Розенталь одобрит сентиментальность жеста. Совсем скоро им предстояло навсегда покинуть Землю – где же еще завершать дела, как не по соседству с замечательным напоминанием о прошлом планеты.

Найдя друг друга, они перебрались в питейное заведение на два подъезда ближе к реке. Переодетая в гражданский наряд, Розенталь явно приложила усилия, чтобы выглядеть безобидной. Это у нее не совсем получилось. Кто-то иной ориентации мог бы счесть ее привлекательной – не в природе Лопе было судить о таких вещах. Однако, несмотря на косметику и женскую одежду, телосложение Розенталь и ее манера себя вести выдавали армейское прошлое женщины.

И все же, поскольку им предстояло работать вместе долгое время – ну, до конца жизни, – Лопе попытался отреагировать подобающе, когда Розенталь уселась по другую сторону маленького столика.

– Симпатично выглядишь, Розенталь.

– Не «рядовой» Розенталь?

– Это только после того, как мы окажемся на борту.

Женщина провела рукой по волосам.

– В один из последних раз приняла долгий душ. Такое простое удовольствие, но одно из моих любимых. Полагаю, душ теперь будет ограничен по времени. Я буду по нему скучать.

– Возможности «Завета» могут тебя удивить, – Лопе кивнул направо, по направлению к стене из матового стекла с узором под изморозь. – Что думаешь про тот магазин?

Розенталь проследила его взгляд.

– С настоящими книгами? – она одобрительно кивнула. – Мои предки всегда их любили, совершенно любые. Любовь передавалась следующим поколениями, даже когда исчезли сами книги. В помещениях для вещей экипажа нашлось место только для нескольких томов, которые я взяла с собой из чувства ностальгии.

Лопе принял задумчивый вид.

– Честно говоря, я никогда не был книгочеем. Не возникало такого желания после того, как приходилось бороздить сотни мануалов. Их-то я читал для того, чтобы знать, как наилучшим образом использовать снаряжение. Например, такое, – он показал комм армейского образца.

Усевшись так, чтобы оказаться как можно ближе к Розенталь, Лопе включил прибор. Картинка появилась только на экране. Если бы он оставил комм в режиме проекции, любой в заведении смог бы разглядеть, что он показывает.

Они сразу же узнали вестибюль башни «Вейланд-Ютани». Оба хранили молчание, пока перед ними разворачивались побег рыжеволосой женщины и последующая попытка убить сержанта, показанные с разных углов: сцену записывали несколько камер системы безопасности. Лопе ловко манипулировал управлением комма.

Запись происшествия началась заново, но в этот раз фокус переместился с сержанта на лицо рыжеволосой женщины. После этого изображения с разных камер соединились и образовали трехмерный портрет, который можно было рассматривать под любым углом. Розенталь откинулась на спинку стула и посмотрела на сержанта.

– Очень впечатляюще. Что теперь? Полагаю, ты послал эту мозаику в общую базу данных населения?

– Когда ты занимаешься безопасностью, то учишься никогда не верить первому, что видишь. Или второму. Человеческое зрение – замечательная штука, но не совершенная. Его можно обмануть. Легко пропустить то, что находится прямо перед глазами.

Он снова коснулся управления комма.

Изображение повернулось и изменило масштаб, показав небольшую зону на задней стороне шеи женщины. Розенталь наклонилась вперед, присмотрелась и, наконец, нахмурилась.

– Что я должна здесь увидеть?

Вместо объяснения Лопе дал еще большее увеличение. Розенталь прищурилась. В основании шеи виднелась крошечная, почти незаметная складка.

– Я что-то вижу, но не уверена, что именно. Шрам от операции?

– Хорошая догадка, но – нет. На ней закрывающая всю голову венецианская коллагеновая оболочка. Практически идеальная, – он указал на изображение на экране, – если не считать того места, где ее обрезали после наложения.

Розенталь снова принялась изучать картинку, потом посмотрела на сержанта с интересом и уважением.

– Я знаю, что это. Просто никогда не видела, чтобы подобное где-то применялось – кроме как в развлекательных учреждениях.

– Одной из причин этого является то, что они чертовски дорогие, – сообщил Лопе. – Слишком дорогие для обычного гражданина, но не для оперативника, за которым стоят финансы, скажем, концерна «Дзютоу».

– Как ты заподозрил что-то подобное?

– Сначала прогоняешь тот поиск в базе данных, о котором ты упоминала. Когда ничего не находишь, то делаешь вывод, что объект не хочет, чтобы его нашли. Это предполагает какие-то средства изменения внешности. Искусственные носы и парики давно уже вытеснили более сложные имплантаты, так что ты ищешь что-то свежее. Хорошая оболочка практически невидима, разве что ты знаешь, что искать и где именно, – он скривился. – Если бы она сделала оболочку на все тело, я никогда бы не обнаружил места среза. Полагаю, та женщина или тот, с кем – или на кого – она работает, не предполагали, что для обычного собеседования понадобится полная маскировка.

Розенталь кивнула на экран.

– Почему мне кажется, что это не обычное программное обеспечение для широкого пользования?

Лопе бросил на нее одобрительный взгляд.

– Верное наблюдение. Это набор армейского образца. У главы службы безопасности корабля есть доступ к некоторому снаряжению и программам, о существовании которых обычный народ даже не подозревает, – последняя фраза – и это Лопе понял только после того, как договорил до конца – прозвучала без толики похвальбы.

Розенталь задумчиво кивнула.

– Итак, мы знаем, как она не выглядит. Что дальше?

Лопе занялся коммом.

– Если хочешь узнать, как кто-то выглядит под оболочкой, ты счищаешь шелуху. Просто нужно соответствующее программное обеспечение.

Введя нужный запрос, он чуть повернул экран к Розенталь.

Изображение менялось прямо у нее на глазах. Изменения шли

сверху вниз, пока система не удалила всю оболочку, показав взамен настоящее лицо. На экране появилось изображение довольно привлекательной женщины, которая выглядела моложе, чем предполагалось по ее оболочке. Затылок покрывали короткие волосы, а чуть выше лба виднелась движущаяся татуировка скачущей лошади. Из-за повреждений, которые татуировка причиняла коже, волосы на ней не росли. Глаза женщины поменяли цвет с голубого на карий, а нос оказался заметно меньше и круглее, чем у первоначального облика. В остальном лицо обнаружило множество более мелких дополнительных различий.

– Значит, теперь она попалась.

– Не обязательно, – ответил Лопе.

Розенталь удивленно и настороженно посмотрела на сержанта.

– Знаешь, что нужно сделать первым делом после снятия шелухи?

Розенталь покачала головой.

– Прогоняешь программу еще раз. Это один из способов, которым профессионалы стряхивают ищеек с хвоста. Делают оболочку поверх оболочки. Множество следователей предполагают, что оболочка была только одна, и сразу же используют получившееся изображение для поиска. Однако в этом случае и была всего одна оболочка. Значит, кто бы за этим ни стоял, он умелый и знающий человек – но не настолько умелый и знающий. Это вселяет надежду.

– Значит, это лицо настоящего соискателя?

Лопе кивнул.

– Когда я убедился, что каждый квадратный сантиметр финальной картинки – настоящий, и что там нет вторичных или частичных оболочек, я снова прогнал ее через базу данных населения, – он тронул панель управления. На экране появилась серия картинок в сопровождении данных, которые можно было пролистывать. Розенталь принялась за изучение. Когда она заговорила, в голове звучало удивление.

– Школьная учительница? Никогда бы не…

Сержант ее прервал.

– В этом и смысл. Чтобы тот, кто пытается отследить фальшивого соискателя на должность сотрудника службы безопасности, ни за что не подумал бы о настолько обычной личности. Хотя, возможно, не так уж она и обычна.

Он снова дал команду комму, и снова Розенталь внимательно всмотрелась в новые данные.

– Будь я проклята. Она подрабатывает стриптизершей. «Все

страньше и страньше», – воскликнула Алиса.

Заметив непонимающий взгляд Лопе, она добавила:

– Отсылка к одной из тех книг, которые у тебя не было времени читать.

– Находится на Ковент-Гарден, – пробормотал Лопе, отказываясь поддаваться на подначку.

– Можно быстро дойти пешком. Ты поэтому хотел здесь встретиться?

Лопе кивнул.

– Поэтому, и еще чтобы добавить нам сколько-нибудь воспоминаний о старушке Земле до отлета, – он проверил время. – Наша наделенная многочисленными талантами мисс Хейзелтон приходит на вторую работу не раньше девяти вечера. Позволишь заплатить за обед?

Розенталь сделала вид, словно колеблется.

– Если я заплачу за ужин. Как ни странно, я недавно получила солидный бонус, благодаря найму на новую работу. И у меня мало времени, чтобы его тратить.

– Окей, но придется ужинать пораньше, – возразил Лопе. – Никогда не стоит идти на захват с полным желудком.

17

Клуб определенно относился к заведениям среднего уровня. Узкую арку венчала единственная тусклая трехмерная вывеска, на которой изображения разнополых людей постоянно сменялись в мешанине поз. Некоторые позиции игнорировали даже законы гравитации.

Более простая вывеска рядом объявляла, что клуб являлся «полностью естественным». Это значило, что исполнители не подвергались никаким косметическим улучшениям. Или, по крайней мере, так заявлялось. Возможности современной пластической хирургии обычно не позволяли сказать, где заканчивалась природа и начинались декоративные ухищрения.

Еще более узкая лестница вела на подземный уровень. Там в отдалении располагалась дверь, пульсировавшая багровым цветом, как сплющенный рубин. Привратник был человеком. Не настолько наблюдательным, как машина, но более дешевым. Его очевидная скука была не меньше его впечатляющих объемов. Лопе и Розенталь пропустили без промедления.

Оказавшись внутри, они окунулись в пурпурный свет и бухающий ритм ничем не выдающейся музыки. Мягкие плюшевые стены тоже оказались бледно-пурпурными. Лопе хотелось верить, что мягкая обивка задумывалась как элемент дизайна, а не отражала частоту, с которой посетителей швыряли в стены.

Намеки на защитные меры, принятые владельцами заведения, продолжались и дальше. Фигурные столешницы были покрыты набивной тканью цвета лаванды. Более массивные основания столов – обиты материалом фиолетовых и черных оттенков. Освещение над головой и под ногами состояло из извивов и абстрактных узоров, выполненных фотолюминесцентной краской. Если их освещать правильным светом в течение дня, потом они будут светиться до раннего утра. Оглядев посетителей, Лопе решил, что к тому времени все оставшиеся в клубе сообща напьются до потери сознания.

Сержант отметил положение камер слежения, встроенных в потолок решетки, из которой могли распылять усыпляющий газ, и расположение трех охранников у двух баров. Один был роботом, а двое – людьми. Лопе обнаружил несколько потенциальных путей отхода и множество предметов – от стульев до бутылок, – которые можно было применить в драке.

Заведение оказалось умеренно заполнено. Хотя здесь было мало пар, разбросанных среди завсегдатаев преимущественно мужского пола, они с Розенталь не привлекали внимания.

Вероятнее всего, решил Лопе, это потому, что глаза большинства мужчин были устремлены на трех исполнителей, танцевавших на отдельных небольших сценах.

Окутанные светом ярких, часто мерцающих прожекторов кружащиеся тела, казалось, то появляются, то исчезают. Время от времени две женщины и мужчина менялись сценами при помощи какого-то хитрого трюка механической алхимии. Ни один из них не мог сравниться с теми танцовщиками, что давали представления в более фешенебельных заведениях Ковент-Гарден, но они были на голову выше тех, что водились в дешевых молотилках, цеплявшихся, подобно больным прилипалам, к сырым, полностью подземным боковым улочкам района.

Розенталь, казалось, скучала, а сержант уже все это видел, куда разнообразнее и в более интересных частях света. Тем не менее их внимание почти одновременно обратилось на исполнительницу, которая кружилась на дальней сцене, расположенной слева. Они двинулись в том направлении, но были тут же перехвачены лысым мускулистым созданием с внимательными глазами и толстыми губами.

Ниже ростом, чем Лопе, вышибала был почти квадратным. Подняв руку, он мягко положил ее на левое плечо сержанта. Его пальцы выглядели как переломанная упаковка сарделек.

– Впереди больше нет мест, приятель, – пророкотал он достаточно громко, чтобы перебить музыку. – Тебе и твоей даме придется найти свободный столик позади.

Лопе проигнорировал вероятные проблемы, на которые намекали пальцы вышибалы.

– Нам нужно поговорить с одним из ваших танцоров, – он кивнул на женщину на сцене.

Выражение лица вышибалы не изменилось ни на йоту.

– Все хотят поговорить с кем-то из наших танцоров, – он перевел взгляд на Розенталь, и в его глазах вспыхнул огонек интереса. – Вы из этих, что ли?

Лопе покачал головой, выдал то, что, как он надеялся, выглядело успокаивающей улыбкой, и потянулся – медленно – ко внутреннему карману пальто за бумажником. Повозив по куску пластика большим пальцем, он наконец нашел официальные документы. Стоило вышибале их увидеть, как его отношение кардинально изменилось. Он широко распахнул маленькие карие глаза и убрал руку с плеча Лопе.

– Служба безопасности «Завета»? – он перевел взгляд с сержанта на Розенталь. – Серьезно?

Розенталь кивнула.

– Ходите, где хотите, сэр, мэм. Если я могу хоть чем-то

помочь…

– Спасибо, – Лопе убрал бумажник. – Мы просто хотим поговорить с дамой.

Вышибала оглянулся, потом снова сосредоточился на Лопе и Розенталь.

– С Авророй? Она закончит через десять минут. Перерыв. Хотите, чтобы я вас представил?

– Не нужно. Десять минут?

Вышибала кивнул еще раз. Он явно был в экстазе от того, что находился в обществе таких звезд. Каждый, кто отправлялся на корабле-колонии, считался знаменитостью. И потому, что у них хватило духу все бросить, и потому, что они брали на себя риск заселения нового неизвестного мира. Заметив восторг коренастого мордоворота, Лопе добавил:

– Не выдавай нас толпе или твоим товарищам, ладно? Мы хотели бы побыть наедине прежде… ну, ты понимаешь. До отлета.

Вышибала радостно кивнул и предложил провести их к столику в первом ряду. Лопе вежливо поблагодарил, но отказался. Если их добыча уйдет со сцены через несколько минут, проще было просто подождать, пока она закончит.

Лопе и Розенталь заняли столик с краю и заплатили за несколько бокалов неоправданно дорогих напитков. Когда они поинтересовались, как пройти за кулисы, вышибала охотно указал дорогу. Как только звуки возбуждающей электронной музыки начали стихать, трое исполнителей один за другим покинули сцену.

Следуя указаниям вышибалы, Лопе и Розенталь направились к подсобным помещениям, которые не просматривались из главной зоны. Высокую, но уже не рыжеволосую кандидатку в команду «Завета» они обнаружили в маленькой отдельной гримерке. Они вошли без стука, и женщина резко обернулась в кресле. Вблизи татуировка на ее голове выглядела еще более впечатляюще. Не менее впечатляло то, что на женщине не было ничего, кроме светящейся краски.

– Какого дьявола? – изумленно посмотрев сначала на одного непрошеного гостя, потом на вторую, она закричала: – Гекель! Сюда давай! Гекель, черт тебя дери!

– Если ты зовешь клубного вышибалу, то он, вероятно, сейчас занят тем, что посвящает близких друзей в наш маленький секрет, – спокойно ответила Розенталь.

Ярость женщины сменилась неуверенностью.

– Посвящает… черт, кто вы такие? – она уставилась на Лопе, и ее глаза расширились. Она начала вспоминать. – Ты… я тебя знаю. Ты – тот ублюдок, который…

Лопе улыбнулся сжатыми губами.

– Уроки закончены, мисс Хейзелтон.

Женщина еще миг изумленно на него глядела, а потом кинулась в дальний конец комнаты. Там располагалась уборная, но без отдельного выхода. Ниже уровня улицы такое было невозможно. И все равно дело могло обернуться неудобно, если бы она заперлась в туалете и начала кричать. Розенталь, бросившись следом, предвосхитила ситуацию умелой подсечкой. Женщина тяжело упала и злобно уставилась на Розенталь.

– Ты сломала мне чертову ногу!

Розенталь, стоя над добычей, надула губы.

– Нет. Если бы я хотела сломать твою ногу, я бы била в колено сзади, а не по лодыжкам. А если бы я ударила достаточно сильно, чтобы сломать тебе ногу, ты бы сейчас орала что-нибудь другое, а не «ты сломала мне чертову ногу».

Вместе с Лопе они подняли женщину на ноги. Зажатая между ними двумя, та едва могла двигаться.

Взгляд женщины метался между нападавшими.

– Что вам от меня нужно?

– Ну, я пришел не для того, чтобы сказать, что беру тебя на работу, – Лопе кивнул на Розенталь. – Кстати сказать, вот она получила место, на которое ты подавала заявку. Что до ответа на твой вопрос, то не могу сказать, что мне нужно много информации. Может, то, почему ты убежала, – он изобразил нарочитое удивление. – А, и почему твой сообщник – или коллега, или кто там еще – пытался разбрызгать мои мозги по всему вестибюлю башни «Вейланд».

Хейзелтон снова посмотрела на них по очереди, потом чуть обмякла.

– Можно мне одеться? Мы можем пойти куда-нибудь и поговорить.

– Ты не боишься, что тебя уволят? – спросила Розенталь.

Женщина насмешливо фыркнула.

– Отсюда? Да, это было бы катастрофой, правда? – она равнодушно пожала плечами. – Такую работу я найду где угодно. Кроме того, это не то занятие, к которому я готовилась – но вы это уже знаете, верно? А вы знаете, сколько в наше время платят учителям? Танцую я, только чтобы достать хоть сколько-нибудь лишних денег.

Лопе предложил поощрение:

– Может, мы могли бы кое-что подкинуть, – он огляделся и скривился. – В любом случае больше, чем ты получаешь в таком месте.

Выражение лица Хейзелтон немного смягчилось.

– Вы не вызовете копов?

– За что? – ласково улыбнулся Лопе. – Побег с собеседования?

– Как насчет сговора с целью убийства?

Сержант пожал плечами.

– Меня пыталось убить множество людей. У них не вышло. У тебя не вышло. И у напарника твоего тоже. Я не держу зла.

По Хейзелтон было понятно, что она не знала, стоит ли ему верить.

– Ладно. Я расскажу то, что вам нужно знать. Взамен… взамен мы разбежимся. Разойдемся каждый в свою сторону.

«Нужно знать». Не «хотите знать». Хотя выбор слов показался Лопе любопытным, он не видел необходимости выбивать объяснение – по крайней мере, сейчас. В данный момент ему хватало того, что женщина готова говорить. Сейчас она выглядела совершенно смирившейся.

Убедившись, что из гримерки нет другого выхода, они с Розенталь отошли назад и стали наблюдать за тем, как Хейзелтон при помощи влажной губки смывает светящуюся краску с тела. Слово «скромность» ее личный словарь явно не включал. Надев неприметный наряд, Хейзелтон глубоко вздохнула и направилась к выходу.

– Идем. Я знаю местечко за углом, где можно поговорить в тишине. Рыба с картошкой, работают круглосуточно.

– Настоящая рыба? – заинтригованно спросил Лопе. – Настоящая картошка фри?

Хейзелтон скорчила рожицу.

– Если бы я могла себе позволить предметы роскоши на зарплату учителя, то не работала бы здесь.

Лицо Розенталь выражало сочувствие. А вот ее слова – напротив.

– Если ты попытаешься бежать, я не сломаю тебе другую ногу.

Хейзелтон не ответила, просто повела их наружу через заднюю дверь, за которой начинался подземный переход. Узкий, сжатый со всех сторон темный служебный тоннель походил на бетонный аналог воспаленного горла. Здесь пахло дезинфектантами и мочой крыс-мутантов. Выброшенные предметы, при виде которых родители учеников Хейзелтон сбежали бы прочь от отвращения, усыпали неровный черный пол. Тусклых ламп и нескольких оборванных лент светочувствительной краски хватало только для того, чтобы Лопе и Розенталь могли разглядеть вещи, которых предпочли бы не видеть.

«Еще одна причина, – подумал сержант, – чтобы покинуть эту планету. Человечество превратило слишком большую часть

своего мира в сортир».

По мере приближения к улице начали появляться огни и звуки. Впереди, окруженная древними чугунными перилами, показалась отлитая из бетона лестница. Прорычав ругательство, Хейзелтон остановилась. Подогнув правую ногу, она прислонилась к стене и принялась возиться с туфлей из черной искусственной кожи.

– Нужна помощь? – Розенталь нетерпеливо шагнула к женщине.

– Нет, все хорошо, спасибо, – приостановившись, Хейзелтон улыбнулась двум охранникам.

Лопе подумал, что странно видеть такую улыбку в этой тусклой, выцветшей бетонной щели. Она выглядела почти блаженной.

Учительница-стриптизерша посмотрела на него, потом перевела взгляд на Розенталь.

– Я сделала все, что в моих силах. Видит пророк, я сделала все, что могла. Не так уж плохо закончить все таким образом, – она моргнула. – Я не в силах остановить отправку «Завета». Это может получиться у других. Для меня это уже не будет иметь значения. Для вас это уже не будет иметь значения. Вы умрете где-то там. Это неизбежно. Пророк знает. Пророк говорит, но слишком немногие внимают. Они услышат, услышат. Ти-би-ди, – рука Хейзелтон скользнула вниз, к каблуку туфли.

Глаза Лопе расширились. Он схватил сбитую с толку Розенталь и практически швырнул ее к лестнице.

– На пол!

В следующую секунду учительница средних классов Глайнис Хейзелтон с просиявшим, словно у поднимающегося ввысь ангела, лицом повернула каблук правой туфли. Со звуком «ввух» обувь воспламенилась. Подобно вырвавшемуся из лампы огненному джинну, вверх выстрелил шар оранжевого пламени, дочерна опалив стены по обе стороны тоннеля.

Оказавшись чуть позади Розенталь, Лопе чувствовал шеей и головой жар огня и видел сияние сквозь опущенные веки. Огонь пылал жарко, но быстро умер. В переходе нечему было гореть. Не считая грязных кусков выброшенного пластика, прочего мусора и троих людей.

Лопе и Розенталь поднялись на дрожащие ноги и уставились на то, что осталось от Хейзелтон. По большей части ее тело сгорело. Остался только стоящий на коленях пылающий скелет, который резко выделялся на темном фоне. Спустя миг кости начали крошиться. Лопе посмотрел на Розенталь.

– Ты в порядке?

– Ага, – та осмотрела себя и кивнула. – Спасибо. За спасение моей жизни.

– Забудь. Времени все меньше, и я не хотел снова проходить через процесс найма нового сотрудника.

Он повернулся и посмотрел вверх по лестнице. Наверху собралось несколько прохожих, которые оказались достаточно близко, чтобы услышать взрыв или увидеть свечение. Все они глядели вниз, но никто не поинтересовался, все ли в порядке у Лопе и Розенталь.

Выбравшись на улицу, два сотрудника службы безопасности «Завета» вскоре затерялись в вечерней толпе.

– Что там было про пророка, о котором она твердила? – спросила Розенталь.

– Не знаю – пока что, – Лопе напряженно размышлял. – Это заставляет меня задуматься о том, что, может, попытки остановить миссию «Завета» не имеют отношения к корпоративному слиянию, зато связаны с чем-то вне пределов компании. Наши враги не в компании, но при этом привлекают людей изнутри.

Он огляделся. Вокруг обычные люди пытались наслаждаться жизнью в изрядно потрепанном развлекательном районе. Пытались выжить на воздухе, которым порой едва можно было дышать.

– Есть идеи? – поинтересовалась Розенталь.

– Ты уже указала на главное, – Лопе говорил задумчивым голосом. – Нам нужно найти этого пророка.

– Но пророка чего? – неуверенно взглянула на сержанта Розенталь.

– Гибели и мрака. Неудачи «Завета». Наших смертей, – он указал назад. – Мы все умрем «там», сказала она. «Пророк» говорит, что это неизбежно. Но если миссию «Завета» остановить, мы там не умрем, так что это не неизбежность. Довольно путаное пророчество, как по мне.

Розенталь недоумевала не меньше него.

– И что, к дьяволу, такое «ти-би-ди»?

– Не знаю. Если это по-китайски, то компания может оказаться права в своих подозрениях. Хотя до сих пор никто мне ничего не говорил ни про какого пророка, – видя, что Розенталь все еще не понимает, он добавил: – Основная версия – что за всем этим стоит «Дзютоу».

Розенталь сощурилась.

– Концерн «Дзютоу»?

Лопе кивнул, и Розенталь задумалась.

– Я несколько раз участвовала в корпоративных войнах.

Агенты компаний будут драться за нанимателя, даже умирать за него, если причины – и оплата – достаточно серьезны, – она с сомнением покачала головой. – Но это первый раз, когда я сталкиваюсь с самоубийцей.

– Я тоже. Не складывается.

Они шагали быстро, и пешеходы перед ними расступались. Прохожие были веселы, и настроены провести хороший вечер независимо от того, что попадалось у них на пути.

Лопе и Розенталь оказались не ближе к разгадке, чем до того, как обнаружили Глайнис Хейзелтон. Появилось даже еще больше непонятного, и у Лопе болела голова. Корабль скоро отправлялся, и у него не было времени на ерунду.

– Как правило, профессионалы из корпораций не кончают с собой, – сказала Розенталь на ходу. – А фанатики – вполне, ради веры.

– В этом случае у нас есть две вещи, которые сходятся, – подтвердил Лопе. – Фанатики и пророк.

– Как это увязывается с концерном «Дзютоу»? По тому, что я о них знаю – признаю, сведений у меня мало, – они занимаются исключительно бизнесом. Не фанатиками.

Лопе согласно кивнул.

– Из фанатиков получаются плохие бизнесмены. Триада, которая руководит концерном, безжалостна, но это совершенно иное. И я никогда не слышал, чтобы о ком-то, связанном с «Дзютоу», говорили как о пророке. Я начинаю думать, что «Вейланд-Ютани» ищет не тех людей и не там.

– Итак, – подтолкнула его Розенталь, – кого или что мы теперь ищем?

– Я не знаю, – Лопе повернул за угол. Они находились недалеко от Пикадилли, и ему внезапно захотелось погрузиться в огни зданий и смех молодежи.

– Но есть человек, который может знать.

18

– Вы нашли женщину?

Бевридж посмотрел на Лопе и его подчиненную. По левую руку от них возвышалось дряхлое здание парламента, едва видимое сквозь утренний смог и висящий над городом грязный воздух. Некогда открытый для транспорта мост, на котором они сейчас стояли, давно уже превратили в главную пешеходную дорогу. Лондонцы любили это место. Здесь можно было подышать относительно свежим воздухом, поскольку движение воды под мостом порой взбалтывало застоявшийся смог. Расплатой за это служил шанс испытать на себе поднимавшуюся порой с загрязненной Темзы вонь.

На воде все так же усердно трудились лодки и малые суда, но преимущества относительно суши были частично утеряны, поскольку прежние подъездные дороги, протянувшиеся вдоль реки, уступили место постоянно растущим заграждениям. Последние были необходимы, чтобы океан не затопил город в высокий прилив.

Как и все, кто оказался сегодня на мосту, сотрудники службы охраны носили гражданскую одежду. Глава службы безопасности, опасаясь, что даже его хорошо защищенный офис может привлечь внимание фанатиков, пытающихся остановить «Завет», предложил встретиться на открытой местности.

Поскольку троица была окружена движущейся, постоянно меняющейся толпой местных жителей и туристов, даже направленным датчикам было бы сложно выделить их голоса, особенно с учетом того, что они вели разговор лицом к реке.

– Да, – ответил Лопе. Его глаза слегка щипало от зловонных испарений, поднимавшихся от воды. Он тосковал по полной стерильности космического корабля и по предположительно нетронутому шару Оригаэ-6. – Ее звали Глайнис Хейзелтон. Школьная учительница, кандидатка в экипаж, стриптизерша на полставки, фанатичка на полный рабочий день.

Это произвело на Бевриджа впечатление.

– Как ты умудрился ее выследить?

Внимание Лопе привлек любопытный плавучий дом, который был наполовину парусником, наполовину использовал гидрокрыло.

– Будучи главой службы безопасности «Завета», я обладаю доступом к общемировой базе данных персонала. Скажем так, существуют средства, которые не всегда доступны частным корпорациям или даже муниципальной полиции.

Розенталь промолчала с серьезным лицом.

Бевридж хмыкнул и оглянулся. Не то чтобы он ожидал кого-то увидеть, но даже в век изощренных средств слежения ничто не могло заменить пару острых глаз. Насколько он мог судить, никто за ними не наблюдал.

– Ладно, старик. Итак, ты ее нашел. Что еще удалось выяснить кроме ее личности?

Лопе кивнул. Даже с учетом вони, приятно было оказаться на мосту ранним утром. Облокотиться на каменные перила, глядеть на старую реку. Неподалеку отзвонила время постоянная голограмма Биг-Бена. Настоящие часы были уничтожены в ходе террористического акта более полувека назад.

– Сказанное ею подтверждает то, что я думал все это время: тот, кто стоит за всем, начиная с попытки повредить грузовой отсек «Завета», пытается уверить нас в том, что это внутренняя проблема. Или, в худшем случае, корпоративная война.

Бевридж поджал губы.

– Я припоминаю по заявлению и попытке собеседования, что у женщины были настоящие документы «Ютани».

– Я проверил их лично, – Лопе подтолкнул отколовшийся от перил кусочек камня и проследил, как тот падает в темную воду. Перила, как и остальной Лондон, разваливались на части. – Переделанные под нее старые документы. Настоящий владелец умер несколько лет назад.

– Она не упоминала концерн «Дзютоу»?

– Нет. Не называла никакой конкретной организации. Несколько раз мельком упоминала какого-то безымянного пророка.

Бевридж нахмурился.

– Значит, это не «Дзютоу»?

– Не обязательно. Все еще нельзя исключать, что они приложили к этому руку. Я надеялся, что ты сможешь заполнить некоторые пробелы.

– Она не называла имен? Просто «пророк»?

Ответила ему Розенталь.

– Она сказала, что если мы отправимся туда – что означало миссию «Завета», – то все умрем. Или, скорее, так говорил ей пророк. Еще она заявила, что, несмотря на то, что у нее не получилось остановить отправку корабля, «это может получиться у других».

Бевридж задумчиво кивнул.

– Поскольку произошло несколько попыток, мы уже знаем, что имеем дело с группой людей. Идет речь о «Дзютоу», другой, пока еще неизвестной, компании или ином виде организации –

нам неизвестно, – капитан выглядел раздосадованным. – «Может получиться у других», – повторил он слова Розенталь. – Плохо. Нужно устранить эту помеху как можно скорее.

Заметив, что Лопе продолжает на него смотреть, он добавил:

– Я никогда не слышал ни об одном человеке – руководителе, основателе или сотруднике в рамках концерна «Дзютоу», известном как пророк.

– Юйянь цзя, – ответил Лопе, не заботясь о чистоте произношения.

– Это еще что, старина? – Бевридж свел брови.

– Я проверил. В доступных записях о «Дзютоу» нет никого с таким или хотя бы похожим именем, – видя, что Бевридж все еще непонимающе на него смотрит, сержант добавил: – Юйянь цзя – это «пророк» на мандаринском наречии. Я думал, может, кто-нибудь заметный в концерне взял себе такое имя, но никого не смог найти. И ничего.

– Хотел бы я зачислить тебя в свой отдел, – с уважением сказал Бевридж.

Сержант один раз качнул головой.

– Извини. Я исключительно полевой работник. С нетерпением жду возможности оказаться на воздухе, который не просто пригоден для дыхания, а еще и хорошо пахнет. – Лопе повернулся к Розенталь: – Все понятно? Мы ищем настоящего пророка, а не кого-то с таким прозвищем.

Розенталь кивнула, и Лопе снова повернулся к Бевриджу.

– Какие-нибудь идеи есть? Любые местные или международные религиозные группы, обладающие достаточными финансами и достаточно разветвленные, чтобы выкидывать такие коленца?

– Я немедленно выделю на это людей и оборудование, старина.

Слова Бевриджа не расходились с делом. Он тут же вытащил комм и выстучал несколько команд, запуская расследование.

– Как ты и сказал, это все равно может оказаться «Дзютоу». Или организация под прикрытием «Дзютоу».

– Не могу этого исключить, не хочу к этому склоняться, – последовал противоречивый ответ Лопе.

Глаза Бевриджа сузились.

– Есть что-нибудь такое, что заставит тебя склониться к этой версии?

Сержант пожал плечами. В их направлении по течению двигалась еще одна интересная посудина. На передней палубе возилось несколько человек. Лопе всмотрелся, пытаясь оценить, есть ли у них оружие, но ничего не заметил. И все же всегда

можно что-то пропустить. Например, туфли стриптизерши.

– Уровень фанатизма, который продемонстрировали эти люди. Верность каким-то безумным идеям, вокруг которых они сплотились. Саботаж я могу понять. Прыжок из шлюза – нет. Люди не топятся в реке в качестве какой-то извращенной епитимьи. Не встраивают в обувь взрывчатку.

Бевридж плотно сжал губы.

– Я тебя понял, старина. Никому не нравятся допросы, но обычно в таком случае прибегают к юристам, а не устраивают – как ты описал – самосожжение.

– Еще кое-что, – добавила Розенталь. – Она не просто совершила сэппуку, а пыталась забрать нас с собой. Да, и перед тем, как Хейзелтон подожгла себя, она что-то пробормотала. Последние ее слова. Короткая фраза, почти напевная. «Ти-би-ди».

Глава службы безопасности поморщился.

– Ничего мне не говорит. Я позабочусь, чтобы этим занялись, – он впервые улыбнулся подчиненной Лопе. – Мисс Розенталь, верно?

Она кивнула.

– Говорят, вы – причина того, что добрый сержант все еще с нами. Это достойно поощрения.

– Я уже перевела оплату за контракт своим родственникам, – Розенталь отвернулась и начала, подобно Лопе, разглядывать реку. – Если компания захочет к этому что-нибудь добавить, я возражать не стану.

Бевридж сделал еще одну заметку в комме, потом снова поднял на них взгляд.

– У меня ощущение, что «Завет» в хороших руках, раз вы назначены в охрану.

– И остальные, – вставил Лопе. – Те, кто уже на борту.

– Уверен, высматривают новые попытки саботажа. Отличные люди, тщательно отобранные, – Бевридж отсутствующе кивнул и убрал комм. – Можете расслабиться, сержант. Я дам знать, как только у нас появится след. Вы с рядовым Розенталь можете отправляться на «Завет» и оставаться там до отбытия. Вы на подобную работу не подписывались, и дальнейшее расследование в ваши обязанности не входит.

– Если вы не против, я бы предпочел остаться на Земле и продолжить это дело, насколько получится, сэр, – Лопе отошел от каменной балюстрады. – Хотя я не меньше любого другого колониста или члена экипажа спешу покинуть Землю и приступить к миссии, мне все же хотелось бы сохранить как можно больше воспоминаний об этой планете. Хороших воспоминаний, ностальгии ради, и плохих – чтобы напоминать

мне о том, почему я вообще решил улететь.

– Как пожелаешь, – Бевридж выглядел довольным. – Рад, что ты все еще хочешь участвовать.

– Безопасность «Завета» – моя работа, – просто ответил Лопе. – Независимо от того, нахожусь я на борту корабля или на планете. Но одно я знаю точно: вернувшись на корабль, я буду куда спокойнее, если этих экстремистов найдут, повяжут и отправят в какое-нибудь милое тихое и безопасное место, где можно будет поправить их мозги.

– И я тоже, – улыбнувшись, Бевридж отстранился, чтобы посмотреть на женщину, которая стояла рядом с сержантом. – На тот случай, если официально этого еще не говорилось. Рядовой Розенталь, добро пожаловать в «Вейланд-Ютани» и в ряды колонизаторской миссии «Завета».

Розенталь кивнула и снова стала смотреть на реку. Ее равнодушие к высказыванию Бевриджа только говорило в пользу выбора Лопе. Независимо от работы, чем менее болтливы напарники, тем они обычно эффективнее работают.

* * *

Позже, после того как он расстался и с Бевриджем, и с Розенталь, Лопе принялся бродить по городским улицам. Гуляя, он замечал и запоминал все – от струящихся огней высотного комплекса вокзала Виктории до истертых пластин, обозначавших положение первого общественного питьевого фонтана Британии.

В тот момент, когда комм дал сигнал о поступившем звонке, Лопе как раз наслаждался быстрым перекусом, состоявшим из национального британского блюда карри. По высокому тону мелодии Лопе понял, что звонок личный, отложил взятую на вынос еду на скамейку и принял вызов.

Это было одной из тех мелочей, которые высоко ценились на «Завете», – все члены экипажа имели доступ к круглосуточным звонкам по комму куда угодно на Земле и без ограничения по времени. Помимо положительного образа для «Вейланд-Ютани» – так подчеркивалась забота компании о сотрудниках – у этого была и практическая сторона: не было смысла брать плату за звонки в ситуации, когда просроченные счета имели нулевой шанс на востребование долга.

И раз так, Лопе без промедления принял входящий вызов, зная, что ни ему, ни Халлету не нужно следить за минутами. Голос по другую сторону звучал с поразительной четкостью: доказательство возможностей современных технологий связи.

Лопе доводилось вести разговоры с большим количеством помех при местных звонках, из одного района Большого Лондона в другой.

– Лопе на связи, – негромко сказал он в микрофон.

– Дэн, не будь таким дьявольски официальным, – Халлет, как обычно, говорил мягко, расслабленно. – Работаешь?

Сержант огляделся. Никто в изменчивой толпе, состоявшей из людей со всей планеты, не обращал на него никакого внимания. Если кто-то за ним и следил, они занимались этим чертовски грамотно.

– Я на службе всегда, когда не сплю. Как ты там?

– Высоко, – это была расхожая на борту «Завета» шутка. – Здесь тихо с того момента, как наш сердитый сотрудник сделал «пффф». Что новенького внизу?

– Мы тут сделали несколько интересных открытий, – Лопе подбирал слова осторожно. Хотя его комм был настолько хорошо защищен, насколько это было в силах «Вейланд-Ютани», сержант, исходя из долгого опыта, всегда предполагал, что ни одно средство связи не может быть совершенно безопасным. Так было лучше. Если речь шла об электронном шпионаже, стоило по-дружиться с паранойей.

– Я не могу сейчас говорить подробно, – продолжил он. – В любом случае, все остается внизу. Напрямую корабль ничего не затрагивает. Если повезет, проблема решится до отлета. Если нет – что ж, всем оставшимся заботам придется обойтись без моего участия. Между нами говоря, у меня создается ощущение, что тут внизу есть народ, который будет разочарован моим отбытием. В любом случае, я подтвердил свой контракт. Ты точно в порядке?

– В норме, насколько это возможно тут, наверху, но занят. По большей части прогоняю проверки на последних поставках. Орам с Карин руководят погружением последних партий колонистов в гиперсон. И все-таки я хотел бы, чтобы ты притащил сюда свою задницу. Почему просто не оставить профессионалам их работу?

Сержант глубоко вздохнул.

– Я бы мог, но чувствую своим долгом помочь, чем смогу – пока я остаюсь тут, внизу.

– У тебя есть и другие обязательства, кроме как перед компанией, – негромко напомнил ему Халлет.

– Осталось недолго, обещаю, – попытался обнадежить его Лопе. – Будучи частью службы безопасности «Завета», а не земным работником, я могу подходить к ситуации с иной точки зрения. Кроме того, происходящее здесь напрямую влияет на безопасность миссии, так что это входит в мои обязанности, – он помедлил. – Мы надолго погрузимся в гиперсон. Я не хочу видеть

кошмары из-за того, что оставил здесь неразрешенную проблему.

Из комма явственно донесся вздох Халлета.

– Если ты считаешь это настолько важным, полагаю, придется идти до конца. Хотелось бы мне, чтобы было иначе, но я понимаю.

Закончился звонок парой привычных шуток. Отбой оба нажали одновременно. И все же разговор смутил Лопе. Как всегда, он был рад звонку Халлета и в то же время он верил в то, что сказал о желании – необходимости – разобраться с угрозой. Только после этого он сможет спокойно вернуться на корабль.

Из-за этого он только испытывал еще большую злость на того, кто пытался предотвратить отлет «Завета». Теперь вражда стала личной, и не просто потому, что на его жизнь дважды покушались.

19

Хидео Ютани должен был быть счастлив.

Хозяева поля, «Якультские ласточки», вели в счете девять к шести против «Ханьшинских тигров» в первой половине седьмого иннинга. Под крышу стадиона проецировалась трехмерная реклама одного из товаров «Вейланд-Ютани». Чувствительные датчики среди аудитории сообщали, что на рекламу обратили внимание шестьдесят три процента зрителей.

Хотя любимый питчер Ютани, которого звали Харуо Отани, рано выбыл из игры, «Ласточки» в ответ провели два хоум-рана[14] в пятом иннинге. Теперь все свелось к запасным питчерам и борьбе на истощение.

Как жаль, что у него, в отличие от менеджеров обеих команд, не было запасного питчера, которого можно было бы вызвать на поле.

Не то чтобы это было новым ощущением – он по большей части разбирался со всем самостоятельно начиная с семнадцати лет. Скромный старт вылился в огромную компанию – корпорацию «Ютани». Слияние с «Вейланд» стало его наивысшим достижением. Отправка корабля-колонии станет величайшим предметом гордости.

Если это произойдет.

Кто-то этого не хотел. Кто-то – или какая-то организация – делал все, что было в человеческих силах, чтобы это предотвратить. Чтобы зародить подозрения и страх среди его собственных подчиненных, убедить их, что люди из «Вейланд» вредят сотрудникам «Ютани». Хотя пока еще было далеко до того, чтобы снять с концерна «Дзютоу» подозрения, походило на то, что в игре участвуют другие силы. Последние сведения из Лондона одновременно запутывали и вселяли надежду. Его люди из службы безопасности что-то обнаружили. Просто они еще не знали, что именно.

Трое директоров, руководивших «Дзютоу», фанатично относились к бизнесу, но в общем смысле фанатиками не являлись. Ютани высоко ценил таких людей, как Чжан, но он не мог себе представить, чтобы она одобрила – не говоря уж об отдаче такого приказа – самоубийство сотрудников концерна ради исполнения директив компании.

Проблема заключалась в том, что ни он, ни Дэвис, ни один из их подчиненных не могли представить организации кроме «Дзютоу», которой хватило бы духу и возможностей для осуществления подобных акций. Ютани все больше тревожила

мысль о том, что именно отчаявшиеся фанатики, которым не удалось ни остановить, ни хотя бы отсрочить отправку «Завета», могут предпринять дальше.

Насколько далеко они готовы зайти, чтобы добиться цели? Был ли у них доступ к ядерному оружию? Химическому? Если бы в попытках остановить фанатиков погибли несколько сотрудников «Вейланд-Ютани», это удалось бы скрыть, но сотни колонистов уже находились на борту в гиперсне. Если бы пострадал кто-нибудь из них, то огласка…

– Отец?

Дженни Ютани, которая сидела рядом с отцом в частной летающей ложе компании, смотрела на него с тревогой. Хидео Ютани хорошо скрывал эмоции: этому помогала долгая практика ведения сложных деловых переговоров. Но дочь понимала его лучше, чем кто-либо еще. За считаные дни он прошел путь от радости к унынию, затем – едва ли не к неистовой ярости из-за ее похищения и, наконец, снова к оптимизму после встречи в ресторане, которая, если бы не старый друг, могла окончиться очень плохо.

Теперь он снова погрузился в печальные мысли. Хидео Ютани обладал доступом к лучшим врачам и медицинскому оборудованию, какие только можно было купить за деньги, но он был немолод. Ликование от успешного слияния «Ютани» и «Вейланд» уступило место все усиливающейся тревоге по поводу недавних происшествий.

Номо быстро домчался до третьей базы, заработав очко для «Ласточек», которые укрепились на лидерских позициях. Стадион взорвался овацией, но в частной ложе царило подавленное настроение.

– Отец, – повторила Дженни с нажимом. – С тобой все хорошо? Я могу чем-нибудь помочь?

– Что? – Ютани, встрепенувшись, улыбнулся дочери. – Нет, нет, Дженни, все хорошо. Просто задумался, вот и все.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – ее голос звучал неодобрительно. – И если ты не прекратишь такие «раздумья», то получишь удар. Какая разница, улетит «Завет» или нет, если ты умрешь прежде, чем это произойдет.

– Мудрое замечание, – все так же улыбаясь, сказал Ютани. – Легко сказать, сложнее сделать, – повинуясь нажатию пальца, кресло откатилось от обзорной позиции, с который были видны стадион и игра. – Я хочу поговорить с твоей матерью.

– Сейчас? – она указала на поле. – Игра скоро закончится.

– Нет, если команды продолжат в том же духе. Это любопытно, но я не могу расслабиться на достаточно долгое

время, чтобы насладиться этим зрелищем. Я думал, что игра поможет, но мне сложно думать о чем-то еще, пока ситуация вокруг «Завета» не разрешилась.

Он поднялся и, приказав пытавшемуся поехать следом креслу оставаться на месте, подошел к дочери и нежно поцеловал ее в лоб.

– Наслаждайся за меня, дочка. Если я не успею вернуться к последнему иннингу, то ты мне все расскажешь.

Дженни покорно вздохнула.

– Я надеюсь, это неприятное дело вскоре завершится. Ради твоего блага.

Усмехнувшись, Ютани предостерегающе погрозил пальцем.

– Ради блага компании.

Она положила руку на подлокотник, куда была встроена панель управления.

– Хочешь, я опущу экран? Чтобы отрезать шум игры?

– Нет. Получи удовольствие от игры – для меня, – подняв руку, он провел ею по редеющим волосам. – У меня есть собственный защитный экран.

Он двинулся в глубину роскошной ложи, зная, что Дженни о нем тревожится. С этим было ничего не поделать. Он мог прятать свои чувства от других, но не от нее. И Сакико тоже всегда видела правду, независимо от того, как он старался ее скрыть. Ее проницательность была из области псевдотелепатии, ведомой только женам.

Его подчиненные и директора были умелыми, компетентными, даже понимающими людьми, но никто из них не мог стать таким спутником, как Сакико. Заднее помещение частной ложи на бейсбольном стадионе могло показаться странным хранилищем для кремированных останков возлюбленной, но если Хидео был любителем игры, то Сакико являлась преданным фанатом. Указания о том, где устроить ее хака, могилу, были совершенно ясными. Они обсуждали это довольно подробно, когда стало известно о серьезности болезни. Размещение хака на стадионе стало компромиссом: Хидео наотрез отказался развеивать ее прах на круге подачи.

Освещение в небольшой комнатке было приглушенным, соответствовавшим ее назначению. У задней стены группой стояли несколько небольших колонн и табличек. Все они были вырезаны из цельного африканского малахита и отполированы – зеленый цвет Сакико любила больше всех. Взяв из шкафа большую бутылку чистой воды, Хидео приступил к уборке, а потом при помощи традиционного ведра и ковшика совершил очистительный киемеру. В отсутствие живых цветов здесь в

изобилии присутствовали искусственные орхидеи и другие экзотические растения. Их создали вручную, и с таким искусством, что цветы невозможно было отличить от настоящих. В двойных серебряных канделябрах горели электрические свечи. Когда Хидео подошел ближе, они автоматически увеличили яркость.

Взяв из открытой коробки палочку самовоспламеняющегося ладана, Хидео зажег ее и с нежностью поместил на пустую подставку. В открытом хрустальном графине еще оставался зеленый чай, и он не стал его доливать.

Хидео опустился перед хака на колени, сев на пятки, сложил пальцы перед собой и поклонился. В последнее время, когда он принимал правильную позу, у него болели лодыжки. Хидео игнорировал боль. Он шутил сам с собой, что Сакико оценила бы такую жертву. Он выпрямился, положил руки на бедра и поднял взгляд на могилу.

– Сегодня у меня нет для тебя приношения, Сакико, не считая того, что «Ласточки» выигрывают, – он улыбнулся. – Зная тебя, я думаю, что этого должно быть достаточно. Тем временем проблема, о которой я говорил с тобой в последний раз, остается, и я – я не знаю, что делать. Мы все еще не нашли виновников, и без этого знания невозможно организовать отпор. Кажется, наши люди подбираются к ответу, но отправка корабля тоже все ближе. Эту помеху необходимо уничтожить.

– Мы все еще подозреваем концерн «Дзютоу», но, кажется, в это могут быть замешаны другие силы. И пусть наши люди старательно трудятся, пытаясь найти необходимые сведения, пока еще нет никакой конкретики, на основе которой мы могли бы начать действовать, – он еле заметно покачал головой. – Я не могу действовать, не могу отдавать приказы, не имея конкретной информации. Я подобен генералу, чьи войска должны уклониться от стрел – но который не видит вражеского лучника.

Он оставался в этой позе, пока колени и лодыжки почти онемели от боли. Ему вовсе не хотелось нажимать установленную на стене тревожную кнопку, чтобы кто-нибудь пришел и помог ему подняться. Потребовалось некоторое количество усилий, но он смог встать самостоятельно.

– Я скучаю по тебе, Сакико. Я скучаю по твоим советам, твоему прикосновению, твоей улыбке. Я скучаю по моментам, когда ты подпрыгивала как ребенок, стоило кому-нибудь из «Ласточек» пробежать все базы и вернуться в дом, или украсть базу. Я скучаю по тому, как ты выглядела на корпоративных торжествах – в твоих платьях и драгоценностях. Я даже скучаю по твоему ворчанию, которое обычно – но не всегда – было в какой-

то мере обоснованным. Я скучаю…

Он прервался. Нельзя было возвращаться к игре со слезами на глазах. Он был Хидео Ютани, генеральным директором и президентом корпорации «Вейланд-Ютани». Люди, занимающие такие должности, не плачут. Они отдают приказания негромким, но строгим голосом. Они вызывают уважение. Даже на просмотре бейсбольного матча.

Его люди и здесь, и в Лондоне сужали кольцо вокруг того, кто стоял за непрекращающимися попытками отменить миссию. Они должны были его найти. Отправку «Завета» нельзя было отложить, и тем более отменить. Тех, кто пытается остановить отправку миссии – найдут. И тогда с ними разберутся.

Тихо, но строго.

Он поклонился еще раз. Потом повернулся и вышел из комнаты, оставив позади электрические свечи и запах дорогого ладана – предоставив их той части его жизни, которую Ютани вынужден был оставить в прошлом.

Еще одна часть жизни Ютани нетерпеливо ждала его возвращения. Дженни развернула кресло и чуть не поднялась, чтобы обнять отца, но решила этого не делать. Она знала, что он почувствует себя неловко от подобного проявления чувств. Это привело бы к обратному результату. Отец мог быть любящим, нежным, но момент сразу после общения с покойной женой был не лучшим временем, чтобы искать утешения. Даже такой сильный человек, как Хидео Ютани, мог бы не справиться с избытком эмоций.

Тем не менее, заметив выражение лица Дженни, отец поспешно ее успокоил:

– Теперь мне лучше. Общество твоей матери всегда помогает мне успокоиться.

– Тебе случалось говорить и иначе, когда она ходила за тобой по дому и кричала.

Улыбка Ютани не пропала.

– Твоя мать никогда на меня не кричала. Она просто подчеркивала мысли, которые хотела донести, и делала это, повышая голос, – он кивнул в сторону поля. – Как игра?

Дженни поморщилась.

– Плохо. Отами провел за «Тигров» «большой удар».[15] Мы теперь ведем только на одно очко.

– Проклятье, – он уселся в кресло рядом с ней. – Я не в настроении для дополнительных периодов.

– Я проверю дефибриллятор, – Дженни улыбнулась. – Никто не скажет, что я не забочусь об отце.

Ютани поневоле рассмеялся, хотя и негромко.

– Я хорошо себя чувствую, правда. Давай досмотрим игру.

Это заняло одиннадцать иннингов, но «Ласточки» выиграли на краже базы с бант сингла.[16] После завершения игры в ложу доставили обед. Принявшись за синтетическую телятину с овощами и вино из одного из последних уцелевших виноградников Новой Зеландии, Ютани достаточно пришел в себя, чтобы спросить мнения Дженни. Хотя он никогда не говорил об этом как о совете – только о мнении, – они оба знали, как именно он относился к ее рекомендациям.

– Расследование в Лондоне, кажется, движется, – сказал он, пока они ждали десерт.

– Тогда в чем проблема? – Дженни отпила воды «Перье» – замечательного продукта замечательной компании, которую корпорация «Ютани» приобрела десятилетия назад.

– Оно продвигается недостаточно быстро, – он промокнул губы салфеткой и бросил ее на стол. Десерта ему не хотелось. Ютани готов был отдать свою порцию Дженни, если ей захочется. – Чем ближе время отправки «Завета», тем больше я нервничаю.

Дженни задумалась.

– Все, что пробовали эти неизвестные, до сих пор не удавалось.

– Верно, но их попытки становятся все смелее, и пока что нам везло. Если бы не датчики в твоих туфлях и то, что тебе хватило силы духа оставить их в нужных местах, похищение могло пройти успешно. Если бы не опыт и бдительность наших сотрудников, Дэниелс на «Завете» и сержанта Лопе в Лондоне, любое из тамошних происшествий могло окончиться плохо, – он выпрямился, сложил руки на столе и серьезно посмотрел на дочь. – Можно играть в пачинко целый день, а потом быстро все потерять. Ты меня знаешь. Я не люблю полагаться на что-то настолько иллюзорное, как удача.

Десерт состоял из двух маленьких чашечек свежего сорбе с зеленым чаем, приправленного гранатом. Дженни уничтожила одну порцию менее чем за минуту, а потом, уже более неторопливо принялась за вторую.

– Можем мы еще усилить меры безопасности?

Ютани покачал головой и отвернулся.

– Нельзя прикрыть «Завет» еще сильнее. Мы серьезно изменили процедуру досмотра в двух аэропортах. Я убежден, что невозможно человеку с недружественными намерениями попасть на борт челнока, который перевозит на «Завет» людей и припасы.

Дженни помедлила, не донеся до рта крошечную ложечку с сорбе.

– Как может даже самый тщательный досмотр определить чьи-то намерения? Я понимаю, как можно обнаружить оружие или взрывчатку, но враждебные намерения? У нас теперь есть приборы, которые могут предсказывать чьи-то действия?

– Ты знаешь, о чем я, – нетерпеливо ответил Ютани. – Там есть агенты службы безопасности, которые обучены наблюдать и при необходимости допрашивать тех, кто садятся на челнок. Признаю, система неидеальна, но в прошлом она работала эффективно.

– Да, – пробормотала Дженни. – Но мы – в настоящем.

Порой ему казалось, что дочь специально пытается его разозлить.

– Что ты предлагаешь, принцесса?

– Ты беспокоишься о том, что дело в Лондоне движется слишком медленно, даже несмотря на уверенность в людях, которые пытаются определить источник наших проблем.

Ютани тихо хмыкнул.

– Я убежден, что капитан Бевридж добился текущего поста не благодаря некомпетентности. И сержанта Дэниела Лопе выбрали не потому, что он недостаточно подготовлен. С учетом того, что на корабле были должным образом усилены меры безопасности, он продолжает помогать текущему расследованию. Но – да, я все еще обеспокоен скоростью процесса.

Дженни слегка подняла голову, и бриллиантовая пыль в ее волосах заискрилась в мягком свете ложи, придав женщине облик прекрасной, но суровой феи.

– Тогда сделай что-нибудь, чтобы его ускорить, – никто больше не осмеливался говорить с Хидео Ютани таким резким тоном.

– Например? У Бевриджа и Лопе уже есть доступ к любым ресурсам.

– Никогда не знаешь, не наблюдают ли за наблюдателями.

Ютани свел брови.

– От кого ты это услышала?

– От тебя. Давным-давно.

Он тихо усмехнулся.

– Ты помнишь меня лучше, чем я сам. Хочешь сказать, что объект расследования может о нем знать, и принимает меры, чтобы отслеживать наши действия?

Дженни взмахнула ложечкой с сорбе, проведя в воздухе над столом арку.

– Я хочу сказать, что если мы рассмотрим вопрос под другим, дополнительным углом, отдельным от основного, это может ускорить твое расследование. В бою всегда помни про ценность

неожиданного открытия второго фронта.

Ютани выглядел потрясенным.

– Это тоже я сказал?

– Нет, – Дженни вернулась к уже подтаявшему сорбе. – Кажется, Каваками Сороку.

Он поразмыслил над ее предложением.

– Думаю, это хорошая мысль. Почему бы и не попробовать. Если текущее расследование не сможет выявить наших врагов, то, возможно, это получится у того, кто использовал другой подход.

Дженни взяла льняную салфетку и изящно промокнула губы.

– Есть кто-нибудь на примете?

Ютани кивнул.

– Есть человек, который время от времени работал на моего друга. Это имя упоминалось во время недавнего совместного обеда. Этот человек свободно перемещается по законопослушному миру, но обладает доступом и к… иным ресурсам. Ресурсам, которых может не быть у Бевриджа-сан и сержанта Лопе.

– Звучит многообещающе. Я с тобой совершенно согласна.

– Я так рад, что ты одобряешь мои решения, – в его ответе смешались сарказм и нежность. – Я немедленно с ним свяжусь, посвящу в дело и отправлю в путь. До Лондона он доберется к завтрашнему вечеру. Будем надеяться, что это принесет хорошие результаты.

– Такие же хорошие, как этот десерт, – они поднялись, и Дженни ласково улыбнулась. – Тебе стоило его попробовать, отец.

Он коротко мотнул головой.

– Боюсь, что до тех пор, пока это все не разрешится, у меня не будет настроения для сладкого – не считая твоего общества.

Они вместе прошли к выходу из ложи, где ждали телохранители. Двое, чтобы проводить домой Хидео Ютани, двое – для его дочери.

– Хотела бы я, чтобы мама была здесь, – пробормотала Дженни. – У нее нашлись бы собственные мысли о том, что можно сделать.

Ее замечание вызвало самый искренний смех Ютани за день.

– Твоя мать настояла бы на том, чтобы самой отправиться в Лондон с оружием в руках и взорвать всех, кто встанет у нее на пути. Она была безрассудной, твоя мать. Умной, прекрасной, но совершенно непредсказуемой.

Дочь посмотрела ему прямо в глаза.

– И все же ты любил ее за это.

– Нет. Я считал это ее худшим качеством, – он снова улыбнулся. – Но все остальное в ней служило достаточной

компенсацией.

* * *

Едзи Нгата не походил на умельца из якудза. Он был низкорослым, пухлым, круглолицым и абсолютно лысым. За пухлостью скрывались мышцы и впечатляющая скорость реакции. Хотя основным его занятием было дзюдо, Едзи обладал таким количеством черных поясов в разных единоборствах, что неопробованных почти не оставалось. Он мог перебороть, запутать или побить любого противника своего размера – и большую часть тех, кто был крупнее него.

И, что было более важно, он мог их перехитрить. После боя с Едзи один из его противников сказал, что это походило на попытку побить разумный мяч для боулинга. Его нельзя повредить, невозможно предсказать, что он сделает, и вот он уже падает вам на ногу.

Ему не требовалось паковать вещи. Единственная черная сумка в шкафу в его квартире всегда была набита предметами первой необходимости для немедленного отправления. Прощаясь со своей кошкой, Луной, он был уверен, что ИИ квартиры позаботится о питомце – Едзи размышлял над деталями своего задания.

Он продолжал размышлять в такси, пока высаживался в аэропорту, и когда взошел на борт частного сверхсветового самолета, который ожидал его для вылета в Лондон. Большой Лондон ему нравился. Едзи уже случалось бывать здесь несколько раз – и не только по работе. Английский город сильно отличался от Большого Токио и предлагал приятную смену пейзажа… когда его можно было разглядеть через грязный воздух.

Согласно предоставленной информации, искать предстояло группу фанатиков. Они могли быть сотрудниками концерна «Дзютоу» или работать на него. Или нет. Обычные агенты «Вейланд-Ютани» пытались отыскать этих же людей, но по возможности ему предстояло работать самостоятельно. Это прекрасно подходило Едзи. Он мог довольно успешно работать в команде, когда это требовалось, но предпочитал порхать в одиночку.

Это помогало избежать ситуаций, которые порой возникали, если кому-то хотелось посмеяться над его внешностью. Тогда Едзи приходилось причинять этим людям боль.

20

Солнце окрашивало серебром зыбь на поверхности Солента – приятная перемена после мглы, которая окутывала не только раздутые города Британии, но и большую часть ее некогда нетронутых сельских угодий.

Угрожающие хмурые тучи отсутствовали вдоль некоторых участков побережья, где их разгоняли достаточно сильные океанские ветра. Как надолго их еще хватит – этого не могли предсказать даже лучшие метеорологи. Официальным правительственным прогнозам верили не так охотно, как раньше – с тех пор, как смертельный уровень загрязнения вынудил спрятать большую часть Парижа под купол.

Полдюжины членов совета, которые выглядели как группка офисных работников на обеденной прогулке, без малейших проблем сливались с толпой из семей, студентов и туристов-однодневок пляжа Кэлшот. Несмотря на то, что пляж был покрыт галькой, а не песком, он оставался популярным местом, чтобы побывать на солнце и поглазеть на прибытие и отбытие огромных торговых судов, которые курсировали между тремя крупными местными портами.

Также это место хорошо подходило для общего разговора без опасений, что кто-то подслушает. Сочетание ветра, волн и оживленной толпы затрудняло перехват речи даже для самого чувствительного шпионского оборудования. В отдалении манило убежище острова Уайт – доступное только тем, у кого хватало средств на жилье на его относительно незагрязненной территории.

Остров не привлекал внимания членов совета и не вызывал их зависти. Это же относилось к проходящим мимо кораблям и небольшим развлекательным яхтам. Шестеро членов совета не обращали внимания на смех детей, игравших в салочки с волнами, на имеющие избыток веса, но довольные семейные пары, истекавшие потом на редком солнце. На случайные парочки влюбленных, потерявшихся в глазах друг друга и не замечавших разрушающегося мира вокруг.

Совету было отказано в забытьи любого вида. Невзирая на солнце, море и небо, их готово было поглотить уныние. Все попытки предотвратить уход корабля-колонии провалились. Надежды убрать из уравнения самого Ютани развеялись, когда выяснилось, что они друзья с главой той самой организации нео-якудза, которую наняли его убить. Вместо исполнения контракта Тацуя Химура отправился прямо к главе корпорации и

предупредил его о предполагаемом нападении.

Дункан Филдс отсутствовал. Пророк не выносил обширных открытых пространств вроде моря. Такие просторы вынуждали его взглянуть в небо. Созерцание же неба неизбежно приводило к тому, что он задумывался о пустоте за его пределами. А пустота вела к учащению кошмарных видений. Гораздо больше ему нравились темные замкнутые помещения фермы, где под рукой всегда были снотворное и болеутоляющее.

– У нас кончается время, – заявила товарищам крошечная Юкико. Галечный пляж напоминал ей о каменистых берегах ее собственного дома на восточном Хоккайдо.

Мужчина, который неуклюже шагал рядом с ней, словно в порыве мазохизма разулся и теперь нес ботинки в руках. Время от времени он морщился, наступив на острый камешек. Он говорил, что боль ему нравится – помогает концентрироваться.

– Что еще нам остается? – пожал он плечами. Плоть на плечах продолжала колебаться, даже когда он закончил движение, подобно воде, в которую бросили камень. – Дочь Ютани теперь охраняют лучше, чем королеву. Старик окружил себя небольшой армией. Добавь усиленную охрану в космопортах, через которые на «Завет» идут припасы и люди. Нам ни за что не протащить людей на борт.

– С тем же успехом мы можем попытаться получить контроль над ракетной базой, – мужчина поскользнулся на гальке, тихо выругался и поднял взгляд на товарищей. – Я знаю – я пробовал. Это невозможно.

– Это неважно, – женщина в годах лизала фруктовый лед. – Взять под контроль базу – лишь одна часть задачи. Программирование и координация оружейных систем потребовали бы навыков, которыми наши люди едва ли обладают, – отдаленный звук, похожий на взрыв, заставил ее вздрогнуть, но это оказался лишь гудок проходившего мимо грузового судна. Огромные паруса на шести его мачтах автоматически сворачивались.

– Нужно найти другой подход, – заговоривший сейчас мужчина сменил свой обычный костюм на легкие брюки, сандалии и рубашку из тропического шелка. И все равно он выглядел как дома на дорогом курорте, на архипелаге Чагос, во время обсуждения биржевых котировок и средств ухода от налогов за тонким бокалом рома со льдом, из которого торчал бы маленький бумажный зонтик. Он аккуратно переставлял ноги по гальке и обдумывал различные способы убийства.

Как и остальные, он не мог придумать ничего, что имело шанс сработать. Попытка привлечь нео-якузду была

многообещающей, но закончилась ничем из-за кажущегося бесконечным списка союзников старика Ютани.

Помедлил, заставив группу остановиться, мужчина с серьезным избытком веса. Сложив руку козырьком, он прикрыл глаза от отражавшегося в воде солнца. Он обладал не только лишним весом, но и живым умом, который беспрестанно работал на благо пророка – и их общего дела.

– Я думаю, мы неправильно к этому подходим.

– Что ты имеешь в виду, Павел? – Миллисент, старшая из двух женщин, входивших в совет, откусила последний кусочек мороженого, которое таяло так же быстро, как ее надежды.

Опустив руку, мужчина посмотрел сначала на нее, потом оглядел остальных.

– Учтите, что изначально все мы были настроены скептически. Пока пророк Дункан не обратил нас, разделив с нами свои видения, – он на секунду замолчал. – Вместо прямого нападения на «Вейланд-Ютани» нам следует атаковать изнутри.

Замечание вызвало оживленную беседу, и почти сразу начала формироваться новая стратегия.

– Это невозможно, – твердо сказал Пьер. – Компания поставила всю свою репутацию на успешную отправку колонизаторской миссии. На кону миллиарды, – он фыркнул. – Даже если мы могли бы забраться внутрь, у нас не хватит времени остановить уход корабля.

– Не в том случае, – возразил Слав, – если у нас получится пробить достаточно глубокую дыру.

Юкико горько рассмеялась.

– Вы говорите о том, чтобы каким-то образом саботировать отправку «Завета» изнутри компании. С тем же успехом можно попробовать взорвать изнутри страну.

– Почему нет? – огрызнулся Павел. – Такое случалось прежде.

Элегантно одетый джентльмен, который носил титул барона, но чьи интересы лежали в области спасения человечества, погрузился в глубокие раздумья, оценивая быстро сужающийся спектр возможностей организации.

– Я знаю, это звучит маловероятно, но что-то в словах Павла есть, – сказал он. – Если не получается отрезать змее голову, придется наносить удары по ее телу. Ни одна корпорация не является неприступной. Если нам нужно проникнуть в «Вейланд-Ютани», чтобы предотвратить колонизацию, значит, так тому и быть. Каким-то образом. Даже если это будет стоить жизней, – он спокойно посмотрел на компаньонов. – Даже наших жизней.

Юный Пьер, как самый технически грамотный среди членов совета, первым задал очевидный вопрос.

– Как мы произведем взлом? Если мы не проникнем внутрь, то не сможем причинить настоящего вреда.

Кончики тонких, аккуратно подстриженных усов барона слегка поднялись.

– Пьер, это ложится на вас.

Француз скривился.

– Вы многого просите.

Барон пожал плечами.

– Вы, как и все здесь, знаете, что поставлено на карту. С чем столкнется человечество, если нас постигнет неудача.

– Меня все еще изумляет, сколь немногие верят, – пожилая женщина аккуратно убрала палочку от мороженого в карман.

Павел фыркнул.

– Покажи им истину, и они подумают: пророк безумен. В моей стране с этим лучше. У нас есть опыт принятия пророков.

Француз начал кивать сам себе.

– Это возможно. Трудно – и, если не сработает, то может остаться след, который укажет на всех нас, – но возможно. У нас будет только один шанс. После этого… – он красноречиво пожал плечами.

– После этого, если попытка провалится, – заметила Юкико, – те из нас, кто уцелеют, постараются собраться снова. Мы продолжим бороться, пока миссию «Завета» не отменят, – она помедлила. – Что до наших жизней… что ж, мы давно отдали их нашему делу.

– Это сработает, – английский барон говорил гладко и уверенно. – Все, что нужно – это оказаться внутри компании. Как только это осуществится, мы можем сделать… все, что необходимо.

– Все, что необходимо, – повторила Юкико, когда они повернулись и направились обратно к остановке транспорта. Она не возражала против принятого решения. Совет всегда приходил к полному согласию. Будучи японкой, она это особенно ценила.

Кроме того, у них заканчивались варианты.

И время.

* * *

Войдя в один из двух частных лифтов, чтобы подняться на второй уровень своей трехэтажной резиденции, Ютани не стал снимать с шеи свежее полотенце. Тренажерный зал на первом уровне опустел; тренер по кендо собрал снаряжение и удалился. Напряженная тренировка всегда приводила генерального

директора в состояние физического истощения при настороженном уме. Приняв душ в зале, Ютани предвкушал вечер отдыха. На секунду он задумался о том, не вызвать ли куртизанку для ночных развлечений, но понял, что слишком для этого устал.

«Слишком стар, чтобы заниматься женщиной после кендо», – печально подумал он.

Неважно. Ранее он уже просмотрел последние деловые отчеты за день, так что сейчас мог себя побаловать новостями и, возможно, спортивными результатами, прежде чем лечь спать. Следуя заветам американца Бакминстера Фуллера, он приучил себя к необходимости всего трех или четырех часов сна за ночь.

Он понимал, что обслуживание программного обеспечения было как минимум столь же важно, как периодический ремонт железа.

Ютани устроился на диване лицом к пустой стене, которая заодно исполняла роль проектора. Автобар доставил ему полный стакан газированной воды со льдом и экстрактом таперабы. Диванные подушки автоматически подстроились под его рост и вес. Негромкая команда привела к тому, что стена ожила картинками и музыкой. Спустя несколько секунд появилось изображение двух серьезных новостных дикторов. Вокруг них перемещались видео, иллюстрирующие репортажи. Иногда они зависали перед ведущими, иногда за ними – в соответствии с требованиями каждой истории.

Он просмотрел новость о цунами среднего размера, которое обрушилось на берег Чили ранее в этот же день. Хотя набегающая вода скрыла его ноги, он не почувствовал холода: кожная чувствительность к развлекательной системе была приглушена. Ему показалось, что цунами и землетрясение, которое его вызвало, причинили небольшой ущерб. Удачно: у «Вейланд-Ютани» были вложения в Вальпараисо.

Водный пейзаж исчез. Одновременно с этим пару новостных ведущих заменила полудюжина фигур, которые сидели в ряд за длинным столом. Они носили одинаковую одежду. Они говорили одинаковыми голосами. Они улыбались одинаковыми улыбками.

Ютани едва заметно нахмурился, но иначе никак не отреагировал.

– Мы в эфире? – спросила одна из фигур у своего соседа. Все они выглядели мужчинами. Электронная маскировка была исполнена очень качественно.

– Это легко выяснить, – второй человек повернулся к невидимому микрофону.

– Хидео Ютани, ты меня слышишь?

– Не только слышу, – Ютани жестами рук включил кое-какое

особое оборудование, встроенное в стенные системы, – но и довольно хорошо вижу.

– А мы видим тебя, – третий член группы наклонился вперед. – Достаточно хорошо, чтобы определить, что ты, вероятно, запустил поисковые и записывающие программы. Ты скоро поймешь, что это пустая трата времени. Наше местоположение скрыто так же надежно, как и наши личности. Мы не можем причинить тебе вреда при помощи простой двусторонней связи, поэтому, пожалуйста, выслушай нас внимательно. Взлом протоколов защиты твоей домашней системы потребовал от нас некоторых усилий. Если ты выполнишь аварийное отключение, все будет зря, и нам придется начать заново.

Тем не менее Ютани все равно включил отслеживание и запись. Не важно, что говорили эти люди, всегда оставался шанс собрать какие-нибудь полезные сведения. Из всех организаций, с которыми он вел дела в последнее время, только одна обладала возможностями такого уровня для взлома корпоративных и частных систем.

– Вы – часть концерна «Дзютоу»? Или работаете на него?

Ответом ему были шесть одинаково удивленных реакций. По-своему это служило достаточным ответом. Еще один из шестерки это подтвердил вслух:

– Мы не имеем никакого отношения ни к какой корпорации. Мы – последователи пророка. Мы – Спасители Земли.

Если торжественность, с которой это было сказано, призвана была впечатлить Ютани, у него ничего не вышло.

– Никогда о вас не слышал.

– Так было задумано, – объявил еще один мужчина. – Однако однажды о нас узнают все.

– Я уверен, так и будет, – согласился Ютани. – Открытый суд и последующее тюремное заключение антисоциальных террористов обычно пользуются у СМИ большим интересом.

– Мы не антисоциальны, – судя по голосу, Ютани его задел. – Мы совершенно про-социальны. Вот почему мы пытаемся – выступая от имени пророка – исполнить то, что требуется для будущего всего человечества.

Ютани машинально кивнул. Он подумал о том, не вызвать ли телохранителей в качестве свидетелей, но отказался от этой идеи. Они ничего не смогли бы добавить в разговор, а их появление могло заставить людей, испортивших ему вечер, оборвать связь. Требовалось заставить их говорить дальше. Молчание редко оказывалось полезным.

– Самое благородное из побуждений, – ровно сказал Ютани. –

Сборный клич всех групп фанатиков от начала времен.

– Мы не фанатики, – настойчиво произнесла еще одна фигура. – Мы посвятили себя истине.

– Пустые слова меня не убеждают, – выплюнул Ютани. – Вы – те, кто пытались повредить «Завет». Вы пытались похитить мою дочь. Вы планировали внедрить своего человека в команду корабля, а когда это не удалось, один из вас попытался убить главу службы безопасности, – его голос стал язвительным. – Но, полагаю, это все можно оправдать, раз вы – не фанатики.

– Если тебе нравится цеплять ярлыки – пожалуйста. Нашей целью является ни больше, ни меньше как выживание человеческого вида.

Ютани сморгнул.

– Что заставляет вас думать, что вы можете принести нашему виду спасение?

– Не спасение, – заговорил один из тех, кто прежде молчали. – Выживание.

Несмотря на то, что это казалось совершенной бессмыслицей, Ютани не удержался от вопроса.

– И что же грозит человечеству?

– ТИ-БИ-ДИ, – хором ответили все шестеро. Из-за того, что они все выглядели одинаково, заклинание еще сильнее выбивало из колеи.

Ютани озадаченно нахмурился.

– Прошу прощения? Это какая-то игра? – в его голосе прорезалось раздражение. – Искусный – хотя и не слишком впечатляющий – способ развлечься?

– Это не игра, Хидео Ютани, – с преувеличенной торжественностью ответила четвертая фигура. Хотя, вероятно, с его точки зрения преувеличения не было. – Ти-би-ди… там будут демоны. Через свои видения пророк показал нам, что Галактика полнится множеством враждебных кровожадных существ, которые, если сумеют обнаружить путь к Земле, попытаются уничтожить доминирующую разумную форму жизни. Нас.

– Понимаю. Значит, вы не просто фанатики, а безумные фанатики.

– Мы не фанатики, – и снова человек поддался на его провокацию.

Ютани ответил не раздумывая.

– Среди вас есть астрофизики или специалисты по ксенобиологии? Нет, не думаю. Однако вы – саботажники, похитители, убийцы и подвержены групповым галлюцинациям. Чем дальше, тем больше мне кажется, что я теряю время зря – но вы пробудили мое любопытство. Скажите, откуда вам известно

про этих враждебных существ, учитывая, что разведывательные корабли и лучшие ученые не смогли обнаружить ни малейшего следа их существования?

– Мы знаем потому, – убежденно ответила еще одна фигура, – что так говорит пророк.

– А, – Ютани сделал глоток холодного напитка. – Пророк. Судя по вашим прежним словам, стоило ожидать, что я получу столь развернутое и строго научное объяснение.

– Мы ожидали издевок и не страшимся их. Наследников истины не смущает цинизм, – первый из говоривших поменял позу. Это движение фигуры его компаньонов не повторили.

«Так, – подумал Ютани. – Значит, электронная маскировка не совершенна».

Чем дальше, тем было вероятнее, что она развалится. Записывающие устройства еще могли пригодиться.

Заговорила фигура, которая сидела рядом с первой.

– Видения пророка подробны…

– Достаточно подробны, чтобы вас напугать, несомненно, – оборвал его Ютани. – Без сомнения достаточно подробны, чтобы вы обеспечили финансовую поддержку.

– Наши взносы в дело пророка минимальны. Мы обеспечиваем лишь базис, самое необходимое. Пророк не пытается собирать деньги, если ты на это намекаешь. Он ненавидит свои видения и отдал бы все на свете, лишь бы они прекратились.

«Вот это – неожиданный ответ, – подумал Ютани. – Если он правдив».

И, значит, «пророк» из докладов – определенно мужчина. Ютани почувствовал некоторое удовлетворение. Хоть какая-то информация. Важна была каждая зацепка.

– Жаль, я не могу разделить его видений, – он небрежно взмахнул рукой. – Кто знает? Может быть, они бы убедили меня отменить миссию. Вы ведь этого хотите, не так ли? Чтобы «Завет» не улетел. Чтобы человечество не расселилось среди звезд.

– Мы хотим именно этого, – одновременно ответили сразу двое.

– Мы не можем показать тебе видений пророка, – сказал другой.

Ютани резко фыркнул.

– Почему я не удивлен?

– Но мы можем, – продолжила фигура, – поделиться образами, которые смогли собрать наши творческие специалисты. Эти образы представляют собой нашу лучшую интерпретацию видений.

– Валяйте, – легко согласился Ютани. – Впечатлите меня. Убедите меня. Речь всего лишь о предприятии стоимостью в миллиарды долларов. Я уверен, что картинки вашего пророка убедят меня все бросить, не задавая лишних вопросов.

Одна из фигур кивнула и махнула рукой в сторону. И снова остальные не повторили жеста. Маскировка продолжала крошиться. Если получится задержать их еще немножко, он может узнать что-нибудь по-настоящему важное.

Внезапно все шестеро исчезли. Им на смену пришли кошмары.

Картины, которые появлялись одна за другой в выверенной последовательности, были относительно фотореалистичными. Несмотря на некоторую размытость, в них хватало деталей, чтобы вызвать инстинктивную реакцию. Ютани напрягся и стиснул зубы.

Ютани, который с детства был знаком и с современными ему ужасами, и с традиционным жанром кайдан, было нелегко испугать. Тем не менее процессия жутких картин, заполнявших пространство между диваном и стеной, не походила ни на что из того, что ему доводилось видеть или читать. Он не мог сказать, были ли жертвы бойни людьми или нет и действительно ли это было предсказанием будущего ада, который ожидал человечество. Когда образы надвинулись на него, он вжал спину в подушки.

Очевидно, изображения создавали мастера компьютерной графики. И сильные эмоции, сопровождавшие эти образы, превосходили все, что Ютани когда-либо испытывал. Они разворачивались в водоворотах внутренностей и идущих одна за другой сценах ужасающего кровопролития. Наконец Ютани хрипло взмолился:

– Ладно, хватит… хватит! – он обильно потел и был уверен, что виртуальные взломщики тоже это видят.

Образы пропали, снова сменившись рядом из шести неотличимых фигур. Одна из них чуть наклонилась вперед.

– Не стыдись своей реакции. С нами было почти так же. Пойми и то, что каждый из нас – в то или иное время – наблюдал пророка в момент его видений, – говоривший медленно покачал головой. – Никакое воспроизведение, независимо от умений художника, не в состоянии сравниться с кошмаром тех минут.

Ютани быстро допил остатки воды и немедленно приказал автобару приготовить еще. Прежде чем заговорить, он осушил половину нового стакана.

– Очень впечатляет. И все же почему вы считаете, что эти видения, пережитые вашим пророком, показывают существ, которые обитают там? – он поднял глаза вверх и взмахнул

рукой. – Опасности, которые таятся в пространстве или в иных мирах? Я не принижаю силы ваших образов, но не могут ли они оказаться простыми кошмарами? Совершенно объяснимыми дурными снами?

– Во время бодрствования пророк очень точно определяет их происхождение и место обитания.

Ютани нахмурился.

– Вы же не хотите сказать, что он может предоставить галактические координаты источника своих видений?

Впервые с того момента, когда они прервали его ночной просмотр передач, Ютани показалось, что некоторые из шестерки заколебались. Отвечать предоставили человеку, который не проявлял нерешительности.

– Подобной остротой восприятия пророк не обладает. Он в силах только указать на ночное небо и повторять: «Там будут демоны». Настолько велик наяву его ужас, что он страшится выйти наружу даже в свете полной луны. Не говоря о том, чтобы взглянуть на звезды, – голос говорившего становился все более размеренным. – Его озарениям должно верить. Им необходимо верить! Колонии привлекут внимание – опасное внимание, которое приведет к Земле демонов неизвестной силы и способностей. Мы не преувеличиваем, когда говорим о том, что на кону сама судьба человечества, – видимо, поняв, что повышает голос, человек заставил себя успокоиться прежде, чем продолжил говорить. – Это риск, на который мы не можем пойти. Если мы захотим, если у человечества есть воля, мы исправим урон, причиненный нашей планете. Нет нужды открывать себя – таких слабых и неподготовленных – чудовищным угрозам, которые таятся за пределами системы. Это абсолютно неоспоримо. «Завет» не должен улететь.

Другая фигура подхватила.

– Мы все не выбирали такого пути. С момента осознания многие из нас пытались – по отдельности или вместе – убедить других в том, как опасно раздвигать границы нашего мира. Никто нас не слушал. Никто не обращал на нас внимания. С нами обращались хуже, чем с пылью под ногами. Равнодушие вынудило нас объединиться и укрыться в тенях. Несколько раз уже мы пытались остановить миссию. Несколько раз нам это не удалось. Мы понимаем, что рискуем, разговаривая напрямую. Но время уходит, и было решено, что единственный способ остановить миссию – это заставить главу «Вейланд-Ютани» понять, что нами движет.

– Ты видел наши свидетельства, – умоляюще заговорил другой мужчина. – Теперь ты можешь понять. Мы посвятили наши

умы, наши тела, наши состояния и души защите Земли и людей. Мы просим только взвесить то, что мы показали, и принять решение. Мы верим, что теперь ты, крайне успешный и разумный предприниматель, который снова и снова доказывал свои способности, сможешь отреагировать соответственно показанной тебе истине.

– Твое решение определит судьбу нашей планеты, – заключил он.

Ютани кивнул и вытер полотенцем пот с лица и шеи.

– Вы дали мне много пищи для размышлений, – он старался говорить ровным голосом. – Я и не подозревал… – он на секунду замолчал, прижав полотенце ко рту. А когда заговорил снова, в голосе прозвучала внезапная решительность.

– Невзирая на вашу веру в эти видения, я не могу единолично отменить миссию «Завета». Это поставило бы под вопрос мою компетентность. Но я могу отложить запуск. Тем временем я поговорю с людьми на ключевых позициях в определенных отделах. Думаю, вместе мы сможем придумать благовидный предлог для отмены и заодно положить конец будущим попыткам, – он сжал челюсти. – Да, думаю, что такое возможно. Не за день, не за два, но до отправки корабля по расписанию.

К его удивлению, шесть замаскированных человек сохранили спокойствие. В ответе человека, который сидел слева, звучала тихая благодарность.

– Мы испытываем глубочайшее облегчение. Мы не хотим тебя оскорбить, но ты, разумеется, понимаешь, что мы продолжим следить за проектом «Завет», чтобы убедиться в том, что ты – человек слова.

– Разумеется, – Ютани поспешно допил воду. Его рука дрожала. – Будь я на вашем месте, поступил бы так же. Это единственно разумное поведение.

– Тогда мы оставим тебя на остаток вечера, – объявила другая фигура. – Чтобы ты мог обдумать все, что было сказано и что ты видел.

Ютани решительно кивнул.

– Если вы свяжетесь со мной снова, неважно, с какой целью, я обещаю, что отвечу немедленно и без колебаний. Не сомневайтесь.

Пространство между стеной и диваном очистилось. После секунды тишины вернулась трансляция, которую Ютани смотрел до вторжения – словно ничего и не произошло.

Он и в самом деле последовал данному совету. Ютани сидел и взвешивал все, что увидел. В одном он был убежден: основываясь на всем увиденном и услышанном, требовалось

немедленно и однозначно прореагировать. И он начал действовать – быстро и решительно.

Первым делом Ютани отнял ото рта полотенце, за которым он прятал не вздохи ужаса, а едва сдерживаемый смех. Затем он убедился, что все произошедшее записалось должным образом, и выключил встроенный в диванные подушки обогреватель, который вызвал обильное потоотделение в ходе разговора.

Сделал мысленную пометку уволить человека, который отвечал за его электронную безопасность.

Затем Ютани позвонил в Лондон. Он не сомневался, что этот город мог предложить широкий выбор специалистов по психологии. Ему требовался тот, кто занимался бы психотическими расстройствами. Нужно было нанять одного или нескольких в «Вейланд-Ютани».

21

С каждым проходившим днем гиперсон казался Дэниелс все более и более желанным. Казалось, что на ее подписном листе на каждую проставленную галочку появлялась дюжина новых позиций. Скучные контейнеры с сырьем и припасами все время приходилось перераспределять по главному грузовому ангару, чтобы они не вылезали за отведенное для них пространство.

Это, однако, оказалось простой задачей в сравнении с проверками громоздких машин для терраформирования и сопутствующих им механизмов. Каждый из них сам по себе являлся чудом техники. Все необходимое должно быть в наличии и лежать на своем месте. После пересечения лунной орбиты уже не получится вернуться за запасными частями. Если они что-то забудут, без этого придется обойтись.

По крайней мере, было нечто такое, что им не требовалось тащить с собой – земля. Дэниелс усмехнулась. Пахотная земля для фермеров, пригодная для очистки руда для шахтеров и отвесные скалы для ее мужа – любителя вертикальных поверхностей. Она задумалась о том, что он будет делать, если Оригаэ-6 окажется миром-пустыней, состоящим исключительно из блуждающих дюн. Или чем-нибудь изумительно плодородным, но похожим скорее на североамериканские Великие Равнины или украинские степи.

Дэниелс заставила себя вернуться к работе. Она слишком забегала вперед, представляя поверхность мира, который, по данным дальнего сканирования, был пригоден для жизни, но чья топология оставалась загадкой. Было точно известно, что на Оригаэ-6 есть суша, близкая к земной гравитация и пригодная для дыхания атмосфера. Все, что выходило за пределы этого набора знаний, все детали предстояло обнаружить самим колонистам.

Они с Джейкобом тоже станут такими исследователями. После завершения пути уйдут еще годы на то, чтобы разгрузить все снаряжение для колонизации, проверить его и запустить в работу.

– Ты спишь с этим коммом чаще, чем со мной.

Отвернувшись от рабочего шума грузового отсека, Дэниелс обняла прибор обеими руками и прижала к себе.

– Он меня согревает. А ты – вечно в уборной.

Ее муж принял скорбный вид.

– Корабельная пища порой плохо ко мне относится. В гиперсне будет лучше. Без острой еды, которая вызывает

расстройство желудка.

Перехватив комм одной рукой, Дэниелс несколько раз ткнула мужа пальцем в грудь.

– Ты вечно уставший, как добираешься до кровати.

– Откуда тебе знать? К тому времени, как я заканчиваю работу, ты уже спишь, – он лукаво улыбнулся.

Сложно было не поддаваться этой улыбке. Она очаровывала инженеров, профессоров, политиков, директоров «Вейланд-Ютани» и – когда настал нужный момент – очаровала ее саму настолько, что Дэниелс ответила «согласна».

Она тяжело вздохнула.

– С этой работой – никакого отдыха. По крайней мере, до погружения в гиперсон, а там уже неважно, – Дэниелс повернулась и махнула рукой в сторону огромного экскаватора, который катили на положенное место. Искусственная гравитация на корабле была чуть меньше стандартной земной, и это немного облегчало задачу. – Я должна не просто убедиться, что на борт доставлено все по декларации, и что оно в рабочем состоянии. Именно мне требуется решать, как именно размещать груз, – она потрясла коммом. – Одно дело – набросать красивый гладкий план, сидя в кабинете, и нечто совершенно иное – пытаться в последнюю минуту втиснуть куда-нибудь дополнительные землепроходчики – один-два.

Джейкоб понимающе кивнул.

– Забавно, что некоторые вещи никогда не меняются. Висишь на земной орбите в сотнях километрах над поверхностью, а выполняешь ту же работу, что суперкарго клипера, груженного чаем и фарфором в восемнадцатом веке в Гонконге. Размещаешь груз в трюме.

Дэниелс закашлялась. Влажность воздуха, как и все остальные компоненты системы жизнеобеспечения «Завета», предположительно была выставлена на оптимальный уровень, но Дэниелс планировала поговорить с Матерью на тему бортового воздуха. На ее вкус, он был слишком сухим.

– Я порадуюсь, когда компания перестанет пытаться запихнуть на корабль еще партию груза, – она скорчила рожицу. – Вот что отличает нас от твоего клипера. Мы можем увезти все, что влезет на борт, не боясь затонуть.

Комм негромко звякнул, и Джейкобу пришлось ждать, пока Дэниелс занималась объектом номер 786 из дневной тысячи – или около того.

– А ты как, Джейкоб? – спросила она, утвердив прохождение этой части груза. – Как проходит твой день?

– Об этом я и пришел тебе рассказать.

Изобразив нетерпение, она махнула коммом.

– Мог просто позвонить.

– Знаю.

Снова эта неотразимая улыбка, приводящая ее в восторг.

– Но тогда я упустил бы редкий шанс увидеться с тобой лично, – Джейкоб посерьезнел. – Нам с Земли поступило очередное обновление протоколов безопасности. Велят следить за тем-то, предупреждают, чтобы не доверяли тому-то. Все то же самое, только еще более настоятельно.

Дэниелс покачала головой и поморщилась при звуке удара металла о металл за спиной. Она чувствовала личную ответственность за каждый отдельно взятый предмет снаряжения, который грузили на корабль.

– Не вижу смысла в предупреждениях, приправленных «большей настоятельностью». Мы не можем сделать ничего сверх того, что уже сделано. И, насколько я понимаю, безопасность на поверхности планеты настолько ужесточили, что даже норвежская крыса не могла бы пробраться на борт челнока, не имея трех наборов документов. И ей пришлось бы еще пройти сканирование сетчатки своих мелких глазок-бусинок.

– Тем не менее, – твердо ответил Джейкоб. – Я должен пойти и проверить каждую рабочую станцию и каждого члена экипажа.

– Что, опять? – недоверие в ее голосе было почти осязаемым.

– Опять.

И вот, чтобы выполнить жесткие требования компании, Джейкобу пришлось задать своей жене серию острых вопросов. Некоторые ответы он смог вставить в отчет сразу. Непечатные Джейкоб изменил так, чтобы они не потрясли абсолютно невинных инспекторов, которым предстояло обрабатывать результаты. Завершив интервью, которого было никак не избежать, он повернулся, чтобы уйти, но вспомнил о том, что собирался сказать жене в первую очередь.

– Наземная безопасность говорит, что агенты «Вейланд-Ютани» приблизились к обнаружению и поимке людей, которые стояли за этим неудавшимся саботажником. Они уверены, что те же люди пытались похитить Дженни Ютани и стреляли в сержанта Лопе.

Дэниелс нахмурилась.

– Я думала, похищение Ютани – просто утка.

– Нет. Попытка похищения была настоящей. Главная контора думает, что все три инцидента могут быть связаны. Детали мне неизвестны. Компания держит все при себе.

Дэниелс задумчиво кивнула.

– Разумно. Если новости просочатся, это создаст миссии

дурную репутацию, – она посмотрела на мужа. – Кстати о безопасности – когда к нам вернется глава нашей службы? И та новенькая, Розенберг?

– Розенталь, – поправил ее Джейкоб.

Дэниелс раздраженно пожала плечами.

– Все равно – роза, как ни назови. Я уверена в ее навыках, иначе Лопе бы не отдал ей последнюю позицию в корабельной группе охраны. Если в компании настолько обеспокоены нашим положением, почему они задерживают возвращение Лопе?

– Кажется, наш славный сержант как-то причастен к попыткам отыскать людей, стоящих за этими разнообразными происшествиями. Наземники не слишком хотят его отпускать, пока ситуация не разрешится.

Дэниелс кивнула.

– Это значит, что они ожидают развязки до нашего запланированного отлета. Это обнадеживает. И все равно мне спокойнее, когда все корабельные службы в полном составе.

Джейкоб погладил ее по щеке.

– Вечно беспокоишься о списках, даже когда речь о людях, а не о грузах. Если не найдешь способа сбрасывать напряжение, то заработаешь нервный срыв еще до схода с орбиты.

Дэниелс схватила его руку и, прежде чем отпустить, быстро поцеловала.

– Спасибо за заботу. Что до меня, то я расслаблюсь в гиперсне.

Он усмехнулся.

– Нет. Ты будешь крутиться, метаться и жалобно просить комм, чтобы проверил твое коматозное состояние.

Дэниелс улыбнулась в ответ.

– Я все еще жалею, что нет двуспальных капсул гиперсна.

– Слишком много механических пересечений, – Джейкоб с грустью качнул головой. – Кроме того, ты сама знаешь, как это будет: заснешь, а когда проснешься, то времени словно и вовсе не прошло, – он провел рукой по ее подбородку. – Даже борода не растет. Метаболический наркоз.

– Говори за себя, – Дэниелс оглянулась через плечо. – Там меня ждут, чтобы расписаться за очередную гору металлолома. Увидимся позже. Буду в кружевах.

Джейкобу хотелось ее обнять, но его тоже ждала работа. Замечание насчет кружев относилось к пеньюару, который Дэниелс носила год назад, во время оплаченного компанией круиза по южной части Тихого океана. Она с сожалением вынуждена была оставить ночную рубашку на Земле: та определенно не попадала под нормативы.

Покинув ангар, Джейкоб направился на мостик. Его ждали собственные дела. На ходу, кивая прочим погруженным в работу членам команды, он задумался над тем, что сказал жене. «Завет» охранялся настолько хорошо, насколько это было возможно. Насколько ему дали понять, наземные меры безопасности тоже усилили до предела. Беспокоиться было не о чем, совершенно не о чем. Однако он был согласен с Дэниелс.

Несмотря на бесспорную компетентность сержанта Халлета, Джейкоб знал, что с возвращением Лопе ему станет спокойнее.

* * *

По извилистой грунтовке катили два фургона. Коровы при их приближении не оторвались от травы. Только единственный бык в середине стада резко отрывисто фыркнул, прежде чем вернуться к еде. Древняя каменная ограда, которая отделяла холмистые поля от не слишком впечатляющей дороги, помешала ему отреагировать на появление машин более осмысленно.

Высоко над автомобилями на север пролетела небольшая стая деревенских ласточек. Одна из них, не пережив полученного ближе к городу отравления, замертво упала на обочину. Ее товарки не остановились и не стали оглядываться.

Остановившись у главного здания фермерского комплекса, два автоматических фургона в тишине ждали, пока пассажиры выйдут. Некоторые члены совета, которым не хватало меланина в большей степени, чем их коллегам, щеголяли легкими, но ясно видимыми солнечными ожогами после блужданий туда-сюда по южному пляжу. Два обслуживающих робота прибыли, чтобы забрать скудный багаж.

Оказавшись внутри, группа временно разбрелась по ванным комнатам и частным апартаментам. Спустя час все снова собрались в центральном зале для совещаний. Первым заговорил Павел.

– У нас всех было время подумать. Каково решение?

Пожилая женщина ответила без промедления таким же тоном, каким могла бы обратиться к членам еженедельного швейного кружка.

– Я думаю, он солгал. Я думаю, он лгал с момента, когда увидел первую картинку. Я думаю, он лгал во всем – от фальшивого пота до фальшивых обещаний.

Самый молодой член совета с готовностью кивнул.

– Там, откуда я родом, мы говорим: вилял. Безусловно, очень умело, но вилял.

Высказались все шестеро. Кто-то предложил спросить мнения пророка, но поскольку Филдс не присутствовал во время передачи, он вряд ли мог бы что-то добавить к их выводам.

В любом случае, итоговое заключение было единодушным: Хидео Ютани солгал о своей вере и теперь, без сомнения, приказал своим специалистам по безопасности приложить все силы для обнаружения источника передачи.

– Тогда что нам делать? – пробурчал барон. – Чего еще мы не пробовали?

И снова заговорил самый молодой член группы.

– Я презираю лжецов, – в его голосе звучала злость. – Убить кого-то проще, чем взять живым, – он посмотрел на товарищей.

– У нас есть люди, которые могли бы такое устроить, – ответила Юкико. – Но это принесет только личное удовлетворение и не приблизит нас к нашей цели, каковой является остановка «Завета». Такие влиятельные корпорации, как «Вейланд-Ютани», не прекращают деятельности, даже если умирает их президент. Работа компании продолжится, подчиняясь собственной инерции. Если с Хидео Ютани случится что-то прискорбное, я могу представить, как монстр вроде «Вейланд-Ютани» назначает день его похорон на тот же день, в который «Завет» уходит в путь, – она говорила с очевидным отвращением. – Потому что это сыграет им на руку, улучшит репутацию и вызовет симпатию. Его смерть просто добавит к проекту мученика – и памятник.

Молодой мужчина выглядел пристыженным.

– Я снимаю свое предложение. Есть ли другие?

– Учитывая резкое усиление мер безопасности в «Вейланд-Ютани», – сказал барон, – вряд ли у нас остается возможность похитить кого-либо важного из семьи или самой компании. Хотя у нас длинные руки, наши ресурсы ограничены. Отправка «Завета» согласно расписанию состоится всего лишь через несколько недель, и у нас заканчивается время.

– Тогда что вы предлагаете? – самый юный член совета посмотрел на старшего коллегу.

Барон непринужденно взял бокал с бренди и взмахнул свободной рукой.

– С величайшим сожалением должен сказать, что у меня нет никаких идей.

– Мы не можем опустить руки, – щеки Павла дрожали вместе с его голосом. – Мы не можем не следовать словам пророка, – он пристально уставился на товарищей. – Мы все знаем, как это отразится на будущем человечества.

– Я с радостью отдам жизнь нашему делу, – торжественно

заявила пожилая женщина, – но пустые жесты не по мне. Самосожжение на Лестерской площади принесет широкую огласку, но ничем нам не поможет.

Разговор продолжился. Они предлагали идеи, обсуждали их и отбрасывали. Ощущение безысходности росло. Спустя час и участники, и их идеи выдохлись. И в этот момент старшая из двух входивших в совет женщин прокашлялась, давая знак, что хочет высказаться.

– Неважно, какой мы выберем путь. Учитывая, сколько остается времени, у нас будет только один шанс исполнить задуманное. Следовательно, мы должны преуспеть. Какой бы вариант мы ни выбрали, он должен быть финальным, неотразимым и безотказным.

Юкико поклонилась – хотя, возможно, это был просто вежливый кивок.

– Ты нарушаешь молчание только в том случае, если хочешь сообщить что-то важное, Миллисент. Прошу, скажи, что ты нашла вариант, которого никто еще не предлагал.

– Думаю, что так и есть, – женщина улыбнулась самой обнадеживающей, приятной улыбкой. – Скажите, что вы думаете вот об этом.

Миллисент изложила детали составленного ею плана. По мере рассказа реакция остальных членов совета колебалась от изумления до неуверенности и немого ужаса. В глазах людей мелькали искры отвращения, но сильных возражений ни от кого не последовало.

Барон Инглтон допил остаток бренди и облизал губы, глядя на женщину, которая сидела напротив. В отличие от жеста Юкико, его следующее движение, без сомнений, было поклоном.

– Могу только восхищаться глубиной твоей мысли, Миллисент. Если это возможно, если это можно исполнить так, как ты описала, то у твоего предложения шансы остановить колонизацию выше, чем у всего, что мы пробовали.

Самый молодой член группы согласился, но с оговоркой:

– Если это зайдет слишком далеко, миссия будет уничтожена – буквально. Я не уверен, что убийство всех на борту является приемлемой ценой.

Пожилая женщина развернулась к нему. Ее голубые глаза отчетливо отливали сталью.

– Если все сработает, как планируется, этого не случится. Если же нет… – она оставила предложение висеть в воздухе. – Нам придется смириться с прекращением сотен жизней в обмен на будущее человеческой расы. При угрозе вымирания вида возможны ситуации, когда следует ожидать некоторое количество

случайных жертв. Если произойдет худшее, то колонисты, которые уже на борту, ничего не узнают и не почувствуют.

Такой ответ молодого человека не успокоил.

– На борту десятки детей. Самых юных колонистов, – он сжал губы. – Я не хуже всех здесь понимаю, каковы ставки, но я не в силах назвать десятки мертвых детей «случайными жертвами», – он покачал головой. – Нужно придумать что-то другое.

– Нет ничего другого, – Павел одобрял стратегию, предложенную старшей женщиной. – Мы пытались придумать еще что-нибудь – и не смогли, – он перевел взгляд на даму, которой больше подошло бы предлагать шоколадное печенье соседским детям. – Миллисент предложила план, который, в том случае, если наши люди справятся, позволит добиться всех наших целей. Если он сработает идеально, мы жертвуем только горсткой людей. Если должны погибнуть больше… – он пожал массивными плечами. – Пусть лучше выживет остальное человечество. Ти-би-ди.

– Я не хуже тебя понимаю суть наших задач, – явно разозлившись, молодой член совета повернулся в кресле, чтобы посмотреть на европейского представителя. – Но должен быть иной путь, – он твердо посмотрел на товарищей, расположившихся полукругом. – Лично я не могу одобрить предложение, которое потенциально может привести к смерти сотен ни в чем не виноватых людей.

Его глаза внезапно широко распахнулись.

Со своей обычной невозмутимостью барон Инглтон вытащил клинок из спины молодого человека и отступил на шаг, позволив телу упасть вперед. Глаза юноши все еще были изумленно распахнуты. Барон взял салфетку и принялся вытирать тонкое лезвие.

– Утешимся тем, что совесть нашего бывшего товарища навеки останется чиста, поскольку ему не придется соглашаться с предложением мисс Миллисент, – вздохнул он. – Сожалею, что нам придется посвящать нового представителя Южной Америки.

– Позже, – Павел нетерпеливо повернулся к Миллисент. – Мы согласны с твоим великолепным планом. Ты уже прорабатывала его детали?

Миллисент кивнула. Ее губы снова сложились в материнскую улыбку.

– Он довольно прямолинеен. Стоит привести план в действие, и его будет невозможно остановить.

– Что насчет вмешательства военных? – резко спросила Юкико.

– Разумеется, это может понизить наши шансы на успех, но

время сработает в нашу пользу. Сначала компания должна угадать, что происходит. Потом ей придется сообщить об этом военным, которые, в свою очередь, примутся проверять сведения. Кто-то должен будет принять решение о вмешательстве, отдать приказы… – она откинулась в кресле, которое предвидело это движение и легко приспособилось к весу. – Наше предприятие закончится еще до того, как разнообразные корпоративные, политические и военные силы начнут действовать, – ее улыбка стала шире. – Инерция работает на нас.

– И миссия «Завета» будет уничтожена, – Павел выглядел совершенно довольным. – Или, как минимум, отложена на много лет.

– Десятилетий, – вставила Юкико. – За которые мы распространим весть пророка. За которые мы станем настолько сильными, что не возникнет самой мысли о колонизации.

Все обратили взгляды на представителя Африки.

– Чома, барон Инглтон может выделить ключевых сотрудников из наших людей на континенте, но исполнение плана потребует решения крайне сложных задач людьми из твоего региона. Как ты считаешь, они справятся?

Мужчина поразмыслил, потом уверенно кивнул.

– Да. Мы исполним нашу часть работы, если барон Инглтон сможет предоставить нужных специалистов, – он оглядел четырех коллег. – Я верю, что это возможно. Я думаю, это сработает.

Павел с трудом поднялся на ноги.

– Тогда давайте приступим. С этого момента каждый час на счету.

Они потянулись наружу. И только на пути обратно в свои апартаменты Юкико вспомнила о том, что нужно сообщить доктору Бисмале о теле в зале совещаний и о том, что нужно послать людей для уборки.

22

– Тебе следует вернуться на «Завет», старина. Я могу ускорить отправку.

Лопе сидел на другой стороне комнаты и пытался игнорировать назойливый грязный дождь, который колотил по окну в кабинете капитана. Город никогда не был по-настоящему чистым, даже во времена Римской империи. А теперь пребывание на Земле походило на жизнь в поначалу пустом мусорном ведре, которое постепенно заполняется. Вскоре подтеки и вонь невозможно окажется игнорировать или убрать. Проблема планеты заключалась в том, что у людей заканчивалось чистое место. Правда, некоторые ухитрились к этому привыкнуть.

Лопе предоставили выбор, и он принял решение улететь. Но не сейчас. Сначала надо было кое-что закончить. Кое-что личное. То, что в данном случае личное совпадало с официальным, все упрощало.

– Они пытались меня убить, – заявил он, – эти фанатики.

– Может, тебе просто надо было нанять их кандидата вместо Розенталь.

Лопе не улыбнулся, и Бевридж отвел взгляд.

– Ладно, это была неудачная попытка разрядить атмосферу.

– Тяжело ее разрядить, когда речь идет об убийстве, – мягко ответил сержант.

– У меня целая команда наготове. Мы забрали львиную долю местных сил безопасности «Вейланд-Ютани». Сделаем все точно, согласно приказам генерального директора: тихо и без лишней суеты, – он наклонился над столом и ровно посмотрел на сержанта. – Ты, старина, нам не нужен.

– Я понимаю, – признал Лопе. – Но вы мне нужны. Я должен принять участие в операции, хотя бы просто в роли наблюдателя. Розенталь тоже хочет пойти.

Бевридж откинулся в кресле и вздохнул.

– Мы действительно отправляемся за город, но это не пикник, так? Вероятно, у них есть оружие. Вероятно, у них есть взрывчатка. Крайне вероятно, что начнется стрельба.

– Я на это рассчитываю, – сержант усмехнулся – в бороде блеснули зубы.

Заговорила Розенталь, которая до сих пор тихо сидела в углу.

– Чего я не понимаю, так это почему для Ютани настолько важно сделать все тихо, – она начала загибать пальцы. – Сначала эти психи угрожают взорвать «Завет». Потом пытаются похитить дочь Ютани. Стараются провести одного из своих людей на борт,

а когда это не получается, пробуют убить сержанта, – она покачала головой. – Что с того, если их арест разойдется по всему эфиру? Как минимум, мне кажется, это усилило бы симпатии к компании. В конце концов, программа колонизации пользуется широкой поддержкой.

Бевридж вежливо дослушал ее до конца, не прерывая.

– Вот почему, милая, ты – рядовой, я – руководитель службы безопасности, а Хидео Ютани – глава одной из крупнейших компаний планеты. Согласно всем собранным данным, эти «Спасители Земли» – квазирелигиозная группа. У них есть объявленный «пророк». Мы тут можем считать их опасными безумцами…

– Они и есть опасные безумцы, – вставил Лопе.

Бевридж терпеливо продолжил.

– …но остальные услышат слова «пророк» и «религия». Если будет стычка, в которой погибнут люди, то некоторые пустоголовые, но важные люди начнут задавать неприятные вопросы. И очень быстро «Вейланд-Ютани» обвинят в уничтожении группы безобидных – заблуждавшихся, но невинных – овцеводов.

Лопе грубо всхрапнул.

– С учетом того, что они уже пытались совершить, я не думаю, что это определение приживется.

– Нет, – твердо ответил Бевридж. – Я тоже так не думаю, но компания не хочет рисковать. Поэтому операцию мы проведем как можно тише. Немного воды, чуть мыла и как можно меньше пуль.

– Я умею мылить, – согласился сержант.

Розенталь тоже кивнула.

Бевридж коротко глянул наверх.

– Я так понимаю, что ты не хочешь подходить к делу разумно, старина.

– Если бы мы были разумными, – ровно сказала Розенталь, – мы не стали бы погружаться в гиперсон, чтобы проснуться в неизвестном мире без надежды на возвращение домой.

Бевриджа это не смягчило.

– Ну, мне не приказывали, чтобы я вас не брал. Если вы продолжаете настаивать…

Лопе бросил на Розенталь быстрый взгляд, но этого и не требовалось.

– Настаиваем.

– …тогда просто постарайтесь не путаться под ногами.

– Это как раз про меня, – торжественно кивнул Лопе. – Я профи в том, чтобы не путаться под ногами.

– А я постараюсь следовать примеру сержанта, – вежливо добавила Розенталь.

Тут Лопе изменил предмет разговора на то, что его интересовало уже несколько дней.

– Как вообще компании наконец удалось обнаружить этих неунывающих анархистов?

– Кажется, эти самопровозглашенные Спасители Земли решили попытаться убедить Хидео Ютани в своей правоте, – Бевридж сложил руки на столе. – Они ухитрились взломать частную систему связи в его доме и провели какое-то время в основательных попытках его завербовать – при помощи кошмаров своего пророка.

– Все эти попытки остановить колонизацию – из-за дурных снов какого-то чокнутого? – не поверила Розенталь.

Бевридж кивнул.

– Их организация на этом основана. Очевидно, в эти сны поверило больше одного человека. Причем так, что они готовы отдать жизни за свои ложные идеи, – он пожал плечами. – История полна подобного. Кто-нибудь харизматичный или достаточно убедительный рассказывает красивую историю: и вот уже люди, которые казались благоразумными, бросают все в пользу того, что на поверку не имеет никакого смысла. Пророк, в котором, к слову, опознали бывшего фармацевта из Нижнего Тонтона…

– Бывший фармацевт, – ухмыльнулась Розенталь. – Это многое объясняет.

– …по имени Дункан Филдс, видимо, страдает от повторяющихся кошмаров. В них он видит орды алчных существ, которые только и ждут «там», чтобы встретить землян-звездопроходцев, проследить их до Земли и уничтожить планету.

– Они опоздали, – Розенталь явно была в ударе. – Мы уже сами с этим справились.

– Все эти данные, включая информацию о центре их операций, добыли при анализе их разговора с Ютани. В передаче участвовало полдюжины человек. Все шестеро были опознаны, хотя они, конечно, использовали несколько прокси для передачи и применяли дигитальную маскировку. Эти Спасители Земли умны и умелы, но они не самые умные и не самые умелые люди на Земле. У компании есть доступ к дешифраторам военного класса. Визуальная маскировка была великолепной. Нашим людям не удалось достать лица, но звуковые маски, которым люди по понятным причинам уделяют меньше времени, удалось расколоть.

Как только мы получили настоящие голоса, то сличили их с

публичными записями всех людей, которые сейчас находятся на Британских островах. Можно было расширить поиск, но этого не потребовалось.

В общем, нам удалось проследить некоторые из их внутренних переговоров и узнать, где они прячутся. Если вы все еще хотите участвовать в поимке, будьте внизу в закрытой погрузочной зоне завтра в шесть утра. Советую перед этим перекусить, – он бледно улыбнулся. – Предстоит поездка в Хэмпшир, и на завтрак мы не остановимся.

* * *

И Лопе, и Розенталь хорошо выспались. Развитие способности как следует отдохнуть перед потенциально опасной миссией входило в их обучение. Они проснулись, поели, умылись и отправились к точке сбора.

Приготовления впечатлили даже Лопе. На самом нижнем уровне складского здания компании выстроилась дюжина вооруженных транспортеров, умело замаскированных под обычные грузовики. В них группами забирались мрачные охранники «Вейланд-Ютани». Сержант навскидку насчитал больше сотни. Не зная силы враждебной организации и учитывая, что их предыдущие попытки демонстрировали доступ к крупным финансам, Бевридж, очевидно, не хотел рисковать. И Лопе знал, что демонстрация превосходящей силы способна остановить сражение еще до его начала.

В хранилище обнаружилось и несколько меньших по размеру машин. Разглядев Бевриджа, два представителя экипажа «Завета» направились к нему. Начальник службы безопасности заметил их, перестал раздавать приказы и мрачно кивнул.

– Можете ехать со мной, – он повернулся и прошел к машине, которая выглядела как ничем не примечательное семейное авто. Только тренированный взгляд мог заметить необычные детали вроде бронестекол, непробиваемых покрышек и пятимиллиметровую броню.

Они забрались внутрь. По подземной парковке разнесся тихий визг оживших электромоторов. Лопе и Розенталь уселись на среднем ряду сидений. Еще два вооруженных охранника устроились позади, а один занял место водителя. После выезда из центра города они перейдут на автопилот, пока до цели не останется примерно дюжина километров. Тогда водители снова возьмутся за управление на случай, если потребуется сложное маневрирование.

– Что потом, когда мы туда доберемся? Где бы это «туда» ни находилось, – поинтересовалась Розенталь.

– Центральный Хэмпшир, – Бевридж оглянулся на пассажиров. – Фермерские земли, да вы и сами знаете. Очень приятный, традиционный староанглийский пейзаж – когда ветра отгоняют смог обратно к Лондону и дают шанс полюбоваться природой. Такое прикрытие удобно для постоянной работы, – он с удовлетворением улыбнулся. – Вероятно, фанатики выбрали сельскую, относительно изолированную местность, чтобы не привлекать лишнего внимания. Это нам очень на руку, потому что нам этого тоже не хочется.

Лопе отметил, что следом за ними из гаража выехал только один грузовик. Это было ожидаемо – остальные последуют с заранее определенными интервалами, чтобы не привлекать внимания, и сойдутся вместе только при приближении к цели. Продуманность и осторожность были ключевыми определениями подобных операций. Как ни странно, после выезда из города темно-синяя машина из хвоста колонны внезапно ушла в сторону и съехала с магистрали. Лопе подумал, не стоит ли сказать об этом Бевриджу, но решил все же так не делать. Глава службы безопасности держал все под контролем.

Чем дальше они отъезжали от Большого Лондона, тем лучше становился воздух. Как и говорил Бевридж, задул свежий северо-западный ветер, отгоняя все к каналу. В результате они получили пусть не древнюю прозрачную атмосферу, но приличный обзор. Внутри закрытых машин участники операции наслаждались воздухом, очищенным несколькими многоступенчатыми фильтрами и газоочистителями.

Только выехав с M3.5 на A408, они начали собираться вместе. А после полудня группа разделилась снова. Три грузовика и одна машина управления отправились по проселочной дороге на юг, и столько же ушло на север. Оставшиеся две машины, включая ту, где находились Лопе и Розенталь, вместе с полудюжиной набитых людьми грузовиков продолжили движение на запад по A408. На ходу они сохраняли большие интервалы между автомобилями.

Время от времени Бевридж связывался с остальными. Его группа проведет лобовой штурм Спасителей Земли в их логове, а две другие команды прикроют возможные пути отхода на востоке, западе и севере. Прежде чем фанатики поймут, что происходит, их уже окружат. Подробные спутниковые снимки показывали только одну проезжую дорогу в этом месте, но Бевридж, как и любой грамотный тактик, не хотел рисковать. Никто не знал, какое оборудование имеется у Спасителей Земли. У них могли оказаться внедорожники или мотоциклы.

– Что насчет воздуха? – спросил Лопе.

– Наши сканы показывают все вплоть до бидонов с молоком. На территории нет ничего похожего даже на маленький ангар, – Бевридж понимающе улыбнулся. – Такие нефермерские постройки вызвали бы слишком много вопросов со стороны сельских жителей – те любопытны по природе. Проникающее сканирование не показывает ничего и под землей. Может, у них найдутся индивидуальные летательные аппараты, но если случится такое, дроны с ними справятся.

Лопе кивнул. Он видел, как грузили дроны. Несколько сотен аппаратов размером с ладонь выпустят, когда команда доберется до цели. Они будут клубиться над территорией как темное облако. Данные с сотен камер, датчиков и прочих сенсоров сольются во всеобъемлющую сводную карту территории. Даже оса не пролетит там, не подняв тревоги.

– Великолепный день, – Розенталь смотрела в бронированное окно.

Они повернули на разбитую проселочную дорогу. На тщательно возделанном поле несколько лошадей щипали траву, генетически модифицированную, чтобы противостоять периодическому загрязнению. Однажды у генетиков закончатся трюки, и такие поля побуреют и превратятся в бесплодные пустоши, но пока что в некоторых местах еще сохранилось эхо старой Англии.

Водитель, который давно уже перенял управление машиной у автоматики, заметил впереди знак над деревянными воротами и притормозил. Лопе оглянулся назад, к хвосту колонны. Машина, которая рассталась с ними в Лондоне, не появилась. Он пожал плечами. Вероятно, она не имела никакого отношения к операции. Сержант перевел взгляд на знак.

ФЕРМА РОЗОВОГО ХОЛМА

– Мы на месте, – уже без улыбки сказал Бевридж.

Лопе, который сидел справа, опустил стекло и прищурился, глядя за ворота.

– Я вижу только траву и грунтовку.

– Здания расположены вон за тем пригорком, – указал Бевридж, после чего принялся отдавать приказы через комм. Спустя несколько секунд раздался надвигающийся гул. Когда темное облако дронов вырвалось из грузовика, стоящего в колонне четвертым, звук стал тише, но не исчез. Дроны быстро понеслись к пологому холму. Где-то там они должны были объединиться с остальными облаками, запущенными из двух других точек.

Некоторое время все сидели молча, потом Бевридж что-то

буркнул водителю. Машина двинулась к воротам.

– По территории никакой реакции, – сообщил водитель. – Они решили не обращать на дронов внимания. Не видеть их они не могут.

– Вероятно, – добавила Розенталь, – наше прибытие их удивило, и они пытаются решить, что делать дальше.

Бевридж кивнул.

– Ну, мы им намекнем, так?

Ворота запирались двумя электронными замками. Специалисты группы удаленно взломали пароль, и створки распахнулись. Места едва хватало, чтобы грузовики смогли протиснуться в проем. При этом они оставили осторожность и прибавили скорость на подъеме. Обитатели фермы могли не обращать внимания на облако дронов над головой, но едва ли они не заметили бы две машины и полдюжины грузовиков, громыхавших к ферме по подъездной дороге.

Едва перевалив за вершину холма, они увидели здания комплекса. На вид в них не было ничего особенного. Никаких признаков того, что перед ними находилась не просто ферма.

Они притормозили, а потом остановились. Водитель махнул рукой над панелью управления. Тут же переднюю и центральную часть машины заполнили показания сканеров. Со своего места у Лопе и Розенталь был отличный вид на многочисленные проекции. Водитель выделил несколько ярких точек.

– Закопанные сенсоры здесь, здесь и здесь. Датчики давления здесь и здесь, – он ткнул пальцем в одну из проекций, отчего та слегка деформировалась. – Четко видно, где спрятаны прыгающие мины. Наши системы уже взламывают их управление, – водитель повернулся к другому набору данных. – Группы два и три занимаются тем же. Через минуту-две выключится и погорит все, что работает на электронике и не защищено чем-то круче щитов военного класса. Что до закопанных мин, то мы проедем по ним после нейтрализации.

– Значит, мины, – Бевридж изучал экраны. – Если мы не совершили феерической ошибки, заявившись в дом по-настоящему антисоциального фермера, я склонен считать это непосредственным свидетельством того, что мы приехали куда нужно, – он взглянул на водителя. – Что еще?

Водитель продолжал изучать многочисленные отчеты.

– Две малые автоматические пушки, слева и справа от подъездной дороги, для флангового огня, – стоило ему договорить, как выдвинулись упомянутые орудия. Розенталь вздрогнула, а Лопе даже не шевельнулся. Сыпавшиеся на них снаряды шумно взрывались, но могли навредить не больше, чем

град из шариков. Кто-то внутри комплекса тоже это понял, и бесплодный обстрел быстро закончился.

– Интересные оружейные системы, – водитель показал на небольшой экран. – На гидравлике – поэтому подавление с ними не сработало, – он взглянул на начальника. – Ответим, сэр?

Бевридж поразмыслил, потом кивнул на одно из двух подсобных помещений, видневшихся на территории. В дополнение к ним здесь имелось два здания, которые походили на жилые. У одного из них крыша оказалась особенно широкой. Оба были плотно закрыты.

– Вот тот амбар, старина. Который с длинной остроконечной крышей. Передай Один-четыре и Один-пять, пусть поздороваются.

– Слушаюсь, – водитель передал команду.

Из крыш четвертого и пятого грузовиков выдвинулись и развернулись к амбару оружейные установки, которые тут же запустили небольшие, но мощные ракеты. Почти одновременно оба снаряда ударили в стены указанного здания.

Взрывы оказались впечатляющими. Лопе и Розенталь ощутили удар даже внутри машины. В воздух от расколотых древних стен взлетели большие куски камня.

Тем не менее здание осталось стоять – без сомнения, благодаря металлокерамической броне, которая теперь была отчетливо видна на участках, где сорвало каменную облицовку.

Бевридж наклонился вперед, чтобы изучить отчет, и поджал губы.

– Интересные тут архитектурные особенности. Местный хозяин, кажется, владеет на редкость дорогими коровами.

Он поднял передатчик.

– Внимание всем, кто внутри! Говорит Киука Бевридж, – усиленный голос грохотал за стенами закрытой машины. – Ваша территория подверглась электронному подавлению. Вы не можете вести огонь из любого вооружения, которое управляется электронными средствами. Вы не можете вызвать подкрепление или привлечь местные власти. Если у вас есть в наличии стрелковое оружие, прошу учесть, что вы серьезно проигрываете по вооружению. Вся территория тщательно отслеживается дронами. Мы не хотим причинять вреда, но вас арестуют и передадут муниципальной полиции Большого Лондона для проведения следствия, – он помедлил, давая слушателям время осмыслить сказанное. – Для предотвращения кровопролития я прошу вас выйти с поднятыми руками и без оружия. Если вы решите обратиться к другим методам, то учтите, что мы обладаем датчиками дальнего радиуса действия, которые не только могут засечь присутствие и местонахождение бомб смертников, но и

детонировать их на расстоянии. Все попытки принести себя в жертву окажутся бессмысленными. Пожалуйста, выходите. Немедленно.

Сочтя, что этого достаточно, он принялся ждать. Шли минуты, не было заметно никакого движения. Внезапно из-за одного амбара потянулась цепочка коз. Люди Бевриджа были хорошо тренированы – появление животных не привело к неоправданной стрельбе.

Шеф службы безопасности повернулся к Лопе:

– Что думаешь, старина? Давим или даем им еще немного времени, чтобы решиться?

– Это твоя игра, Бевридж.

Его начальник кивнул.

– Верно, но я ценю твой опыт.

Прежде чем ответить, сержант взглянул на Розенталь.

– Мой опыт говорит, что с фанатиками вести переговоры нельзя. Ты вырубил их электронику – это хорошо. Они знают, что мы обнаружили их гидравлику, но это не значит, что там не припасено еще каких-нибудь сюрпризов для нежеланных гостей. Рядовой, твое мнение?

Розенталь удивилась, что ее спрашивают, но выглядела довольной проявленным доверием со стороны сержанта. Какое-то время она размышляла над ответом.

– Вы предупредили их о стрелковом оружии. Это не означает, что они прислушаются. Они могут попробовать закрепиться и держать оборону. Существует много вооружения, которое не требует электронной начинки. У них могут оказаться пистолеты или M90. Даже один псих с M90 может причинить немало вреда.

Лопе бросил на нее одобрительный взгляд.

– Один псих может навредить даже с мушкетоном, если он знает, как его заряжать, целиться и стрелять. Суть в том, что заходить туда все еще небезопасно.

– Боюсь, что я согласен, – Бевридж неохотно отдал соответствующие приказания специалистам, которые ждали в грузовиках.

Из машин начали выскакивать люди, которые тут же бросались вперед. У некоторых в руках было оружие, некоторые же несли какое-то снаряжение. Лопе показалось, что он его узнает, но сержант не был в этом полностью уверен.

Они с интересом наблюдали за тем, как штурмовые группы пробирались к двум главным постройкам, пока избегая амбаров. Ожидая вооруженного сопротивления, члены штурмового взвода «Вейланд-Ютани» несли на себе броню армейского класса и аналогичное боевое оборудование.

Все еще не было заметно никаких признаков отпора.

Под прикрытием снайперов саперы прилепили взрывпакеты ко всему, что походило на доступ в здание, не пропустив вентиляционные фильтры, когда проходили крыши обоих построек. По отмашке лидеров групп обе команды отступили назад в укрытия. И – после приказа Бевриджа – активировали взрыватели.

Воздух поместья сотрясла серия приглушенных взрывов. Каждый заряд содержал концентрированный раздражающий газ, предназначенный для подавления беспорядков. Направленные взрывы загнали его в трещины, открытые проемы и вентиляцию. Газ был сильнодействующим, устойчивым и хорошо распространялся.

Бевридж смотрел на происходящее с чувством удовлетворения.

– Теперь подождем. Наши неосмотрительные друзья вскоре вылезут. Им потребуется свежий воздух, а внутри его не останется.

– Разве что, – заметил Лопе, – у них есть маски с фильтрами.

К этому Бевридж был готов.

– Если так, то нам придется применить что-нибудь более жесткое, чтобы их выковырять. Но все же я предпочел бы взять их всех живьем. Мертвые печально известны тем, что молчат на допросах.

В следующую секунду на воздух взлетела первая коза.

Несколько участников штурмовой группы залегли за длинной пластиковой поилкой. Подошедшее стадо взорвалось в заранее определенном порядке. Некоторых штурмовиков швырнуло в воздух. У части после падения руки или ноги торчали под неестественными углами. Сложно было оценить степень повреждений. В каких-то случаях их защитила броня, но два человека лежали на земле без движения, и их лица были покрыты кровью.

– Санитары! – раздался крик одного из выживших. Как только от одного из фургонов на зов выскочила группа реагирования, с нескольких позиций раздалась стрельба. Огонь вели как из главного здания, так и с нижних уровней двух амбаров.

– Открыть ответный огонь! – заорал в комм Бевридж, который наполовину выскочил, наполовину выпал из командного грузовика. Пули били в землю вокруг машин, и штурмовая группа бросилась искать укрытие получше.

Пока нападавшие рассеивались, чтобы обеспечить более широкие зоны стрельбы, изнутри по ним продолжали стрелять. Один тяжелый управляемый снаряд попал в грузовик,

оказавшийся в центре линии огня. Машина, в которой не было никого, кроме водителя, превратилась в шар огня и дыма. Ее подбросило в воздух, и, прежде чем упасть на землю, грузовик дважды перевернулся.

Неся потери, группа Бевриджа начала разворачивать собственное тяжелое вооружение. Один снаряд, угодив в середину главной постройки, взметнул в воздух куски металла, бетона и человеческих тел. Другой искрошил часть амбара. Доски смешались с кровью и костями: прятавшиеся за стеной вооруженные люди практически испарились от силы взрыва.

Посреди стрельбы внезапно раздались рев дикой музыки и металлический звон. Одновременно со звуком, который испускали скрытые динамики, распахнулись двери обоих амбаров, и на ошеломленных военных понеслись стада паникующих животных.

Напуганный скот начал метаться между членами штурмовой команды, и ситуация обратилась в кромешный и кровавый хаос. Коровы не просто сбивали прицел тем, кто пытался выбить защитников ранчо – они были достаточно велики, чтобы нести в себе еще более крупные хирургически имплантированные заряды взрывчатки. Среди штурмовиков через разные интервалы времени взрывались стаи цыплят и уток. Не будучи в состоянии определить, какое из впавших в панику жертвенных животных заминировано, а какое – нет, люди палили во все, что видели.

Внезапная мысль заставила Лопе броситься вперед и привлечь внимание Бевриджа.

– Нам нужна машина!

Шеф службы безопасности перестал орать в комм и окинул его резким взглядом.

– Что такое? У меня нет времени на… что значит – вам нужна машина?

Впереди бегущий баран промчался по пологому склону и взорвался среди нескольких замаскированных бойцов. Двоих из них спасла броня, лицо третьего пробил длинный осколок кости.

– Я хочу кое-что проверить! – крикнул Лопе и оглянулся на Розенталь. – Здесь от нас никакого проку!

У Бевриджа не было времени спорить.

– Отлично! – он указал назад. – Бери вторую. Я предупрежу водителя. Не высовывайтесь, не путайтесь под ногами и не подрывайтесь на бомбо-кроликах!

Лопе кивнул и махнул Розенталь.

– Пойдешь со мной.

Розенталь выскочила из броневика и пригнулась, держась у борта. Вдвоем они добрались до второй машины в линии.

Грузовики, выгрузив бойцов, разошлись в стороны, чтобы добавить к творившемуся безумию огонь более тяжелых орудий.

Лопе занял пассажирское сиденье, а Розенталь нырнула назад. На территории продолжали взрываться вулканы крови и внутренностей, и утренний воздух полнился треском оружейного огня. Водитель, юный паренек с округлившимися глазами, уставился на пассажиров.

– Сэр?

– Сойдет «сержант», – заметил Лопе. – Разворачивайся. Едем обратно, потом на запад вдоль ограды.

– Там нет дороги, сэр… сержант.

– Принято, – Лопе опустил взгляд. – Это проблема?

– Не в этой машине, сержант.

Электромотор завизжал. Машина резко дернулась, выбросила из-под колес шлейф гравия и направилась к подъездной дороге, огибая по пути брошенные грузовики. Когда они оказались за воротами, водитель остановился, чтобы увеличить дорожный просвет на полметра, и только потом повел машину по покрытому травой и камнями склону. Хотя подвеска смягчала самые серьезные кочки и ямы, Розенталь все равно приходилось крепко держаться. Она наклонилась вперед.

– Зачем мы здесь, сержант?

– Вокруг комплекса царит хаос, – Лопе чуть повернулся к Розенталь. – Я думаю, его создали специально. Зачем умножать хаос в бою?

Розенталь без слов покачала головой.

– Отвлечение. Правило из трех слов: хаос приводит к неразберихе. Когда тебя прижали, варианты решения проблемы тяготеют к хаосу.

Они заехали в уцелевший участок леса. Водитель петлял между деревьями. Взрывы и дым по правую руку обозначали точку, где продолжался штурм фермерского комплекса. В сторону их машины выбежали несколько мелких перепуганных – но смертельно опасных – животных. Когда они приблизились ко второй команде, расположившейся внутри ограды, их быстро перебили. В основном до того, как те смогли взорваться.

Где-то на полпути между группой Бевриджа и второй командой они наткнулись на лошадей.

23

Бевридж ерзал на пассажирском сиденье командной машины первой группы. Продолжая отдавать приказы, он испытывал смесь решимости и отвращения.

Грузовики за его спиной ввели в действие тяжелое вооружение. Он знал, что очень скоро последних животных либо добьют его люди, либо они взорвутся сами, в отчаянной попытке фанатиков совершить… чего бы они этим ни добивались. Нужно было просто подождать, пока у Спасителей Земли закончатся «снаряды».

– Мистер Бевридж, сэр! – водитель наклонился и ткнул пальцем вперед.

Глава службы безопасности проследил за его взглядом, уткнувшимся в одну из двух крупных построек, которые не являлись амбарами.

Крыша-ракушка открывалась: в стороны расходились две створки. Как только позволила ширина люка, появилась машина размером с грузовик с плоским днищем. Аппарат венчал купол для пассажиров, а в небо его поднимали четыре направленных вниз пропеллера. Высокий звук двигателей заглушил даже ослабевшую, но все еще идущую перестрелку. Увидев машину, участники штурмовой команды начали вести по ней огонь. По бокам машины защелкали пули. Артиллерийские орудия, установленные на грузовиках, начали наводиться на новую цель.

Аппарату и его пассажирам, может, и удалось бы уйти, если бы не облако дронов, которые были запрограммированы и на наблюдение, и на перехват. Они немедленно окружили машину, как только та поднялась над ангаром и повернула на север. Дюжины крошечных летательных аппаратов обнаружили вентиляционные проемы и воздухозаборники. На миг показалось, что машина набирает скорость, потом она еле заметно вздрогнула и зависла в воздухе, прежде чем продолжить движение. Из-за сотен роящихся вокруг дронов ее почти не было видно.

Со стороны кормы донесся громкий металлический кашель. За ним последовал звук пересыпающихся шариков, словно с пинбольного аппарата сняли стекло, и его содержимое вырвалось на свободу. Машина на воздушной подушке дернулась назад, и ее повело в сторону. Затем она резко накренилась на левый борт и спикировала в землю.

Поскольку огонь изнутри комплекса заметно ослабел, охранники выбрались из укрытий и кинулись к упавшему аппарату, держа оружие наготове. Взорвался один из задних

двигателей машины. Люди немедленно бросились наземь, спасаясь от шрапнели из рваного металла и нановолокна. Броня легко отразила те куски, которые попали в цель. Подчиненные Бевриджа двинулись дальше. Из задней части машины начал подниматься дым.

Два грузовика «Вейланд-Ютани» съехали с дороги, чтобы обеспечить прикрытие штурмовикам, которые приближались к месту падения. Три оставшиеся машины следили за тем, чтобы никакое транспортное средство не вырвалось с территории комплекса. Выбравшись из машины, Бевридж потрусил к сбитому аппарату на воздушной подушке. Изнутри выбиралась разномастная группа пассажиров.

Они держали руки на виду; на некоторых виднелись синяки и кровавые раны. Один, явно борясь с болью, пытался двигаться ровно, словно поддаться личному дискомфорту являлось персональным оскорблением. Пухлый светловолосый мужчина помогал дородной женщине – единственной в группе – выбраться из поврежденного люка. За ними следовал последний из выживших. Его кожа была заметно темнее, чем у спутников.

«Всего четверо», – подсчитал Бевридж и отправил людей проверить салон упавшей машины. Четверка не выглядела группой злодеев, способных на саботаж, похищение и убийство. Они не походили на фанатиков, но он знал, что в этом и заключалась опасность подобных групп. Самые опасные никогда не выглядят злодеями. Они не носили ни униформы, ни нашивок, ни значков или медалей, по которым можно было бы определить иерархию или цепь командования.

– Кто из вас водитель? – крикнул он.

– Нет водителя, – поморщившись, мужчина, который испытывал сложности при ходьбе, с явным трудом выпрямился и встал перед Бевриджем. На его рубашке спереди виднелись потеки крови. Несмотря на ранения, он смог встать почти идеально прямо. – Автопилот.

Бевридж кивнул, затем посмотрел на него, и у капитана отвисла челюсть.

– Я тебя знаю. Из новостей. Ты…

– Барон Джосая Летбридж Инглтон, не к вашим услугам, – барон огляделся и обвел рукой полукруг. – Я полагаю, у вас есть соответствующие документы, которые могут оправдать подобное нападение на безобидный сельский приют? Пожалуйста, предъявите их, старина.

У Бевриджа не было настроения играть в эти игры. Дюжина или больше его людей были убиты, а многим другим требовалась медицинская помощь.

– Вооруженное сопротивление, выпрыгивающие мины, автоматические пушки и взрывающиеся животные – это все «документы», которые мне нужны, старина.

– Необходимость самообороны, – за спиной Инглтона его товарищи не возражали против медицинского осмотра.

Главе службы безопасности это надоело.

– А зачем людям, живущим в мирной, безвредной коммуне средства самообороны военного стандарта? Или вообще любые средства самообороны?

Инглтон проигнорировал санитара, который пытался заняться его левой ногой.

– Мы члены религиозной организации. Мы не собираемся причинять никому вреда, но всегда найдутся подозрительные, предубежденные люди. Мы выбрали это место, – он указал на комплекс, отдельные здания которого были серьезно повреждены, – поскольку тишина и покой подходят нашим убеждениям.

Бевриджа начинала злить выдержка этого человека. Он бросил на Инглтона сердитый взгляд.

– Под убеждениями вы понимаете склонность к убийствам, похищениям и попыткам саботировать колонизаторскую миссию «Завета».

– Ц-ц-ц. Я не имел в виду ничего подобного. Мы посвятили себя тому, чтобы человечество жило в безопасности у себя дома. В этом мире, на этой Земле, – он поднял руку к небесам, сознательно имитируя библейских пророков. – Там будут демоны. Здесь – безопасно, до тех пор пока нас не обнаружат. Разбрасывать корабли и колонии по космосу – это приглашение кошмарам, которые таятся и выжидают простодушной добычи, – барон опустил руку. – Мы твердо настроены против таких глупых объявлений о нашем существовании. Вот и все.

Бевридж с отвращением фыркнул.

– Ничего там нет. Нет там разума, враждебного или нет. Мы искали – и ничего не нашли. Ни органического, никакого. Есть только мы.

Из-за спины барона раздался голос огромного мужчины, который все еще тяжело дышал после попытки спастись.

– Вы смотрите не там и не теми глазами!

– Павел, заткнись, – прорычала пожилая женщина.

Инглтон бросил предупреждающий взгляд на толстого мужчину, потом снова повернулся к Бевриджу и улыбнулся.

– Мы считаем иначе. Вера не является оправданием для подобного жестокого нападения. Уверяю вас, «Вейланд-Ютани» засудят за вторжение на частную территорию, нарушение границ,

нападение, физический ущерб и все прочее, что смогут придумать наши юристы.

На Бевриджа угроза впечатления не произвела.

– Это не по моей части, – он провел рукой перед грудью, после чего ткнул большим пальцем в свою машину и стоявшие неподалеку грузовики. – У меня только нашивка с именем. На наших машинах нет обозначения компании. Почему вы думаете, что мы из «Вейланд-Ютани»?

Барон Инглтон начал отвечать, помедлил, и на мгновение принял несвойственный ему неуверенный вид. Прежде чем он оправился, Бевридж заговорил снова.

– Вы знаете, что мы из «Вейланд-Ютани» потому, что вы совершали нападения на собственность и сотрудников компании. Я не уверен, что ваши неожиданные познания считаются признанием, но они записаны. Ставлю на то, что наши юристы смогут с этого начать, – он махнул рукой нескольким своим подчиненным. Те начали надевать на четверку выживших наручники. Бевридж, глядя на происходящее с удовлетворением, поднял голос:

– Вы все под гражданским арестом. Мы заберем вас в город. Там у вас будет возможность связаться с законными представителями. С этого момента мое дело будет закончено. Если вам захочется выдвинуть персональные обвинения, можете начать с меня. Для протокола: я – капитан Киука Бевридж, глава безопасности «Вейланд-Ютани» на Британских островах. Я действовал и действую непосредственно сейчас согласно инструкциям корпорации, по которым обязан защищать компанию вообще и программу колонизации в частности от саботажа и убийств, за которые ваша группа… еще раз, как вы себя называете?

– Спасители Земли, – одновременно ответили барон и чернокожий мужчина.

– За которые ваша группа, «Спасители Земли», по нашему мнению, несет ответственность. Компания намеревается предъявить обвинения в неоднократных насильственных действиях в отношении ее интересов и персонала. Прошу не оказывать сопротивления. Если вас застрелят по дороге в город, защищаться от обвинений будет трудно.

Плотно сложенная женщина бросила на него убийственный взгляд.

– Это угроза, капитан?

– Просто предупреждение. Не сопротивляйтесь, и по дороге с вами не случится ничего дурного. Как бы мне, – не удержался Бевридж, – ни хотелось обратного.

Он внезапно наклонился и запустил руку ей под юбку. Шокированная женщина окаменела, и ему хватило времени достать автоматический пистолет из кобуры на ее левом бедре.

– Слишком выпирает, – он осмотрел оружие. – Вам стоило бы выбрать что-нибудь поменьше.

– Мне нравится крупный калибр, – женщина оскалилась. – Оставляет большие дырки.

Отогнав этот образ, Бевридж положил руки на бедра и оглядел разномастную четверку.

– Итак, кто из вас может сказать мне, где найти этого самопровозглашенного пророка?

– Ти-би-ди, – в один голос отозвались задержанные.

Бевридж попробовал еще раз, и снова получил тот же мрачный ответ. Он прикрыл глаза, покачал головой и отступился. После чего приказал своим людям обыскать территорию. Они найдут Дункана Филдса.

Главное, что они нейтрализовали угрозу миссии «Завета». Не было и следа докучливых СМИ. Его непосредственное начальство будет довольно. Старик Ютани будет доволен. Даже угрюмому сержанту Лопе придется признать, что вторжение на ферму прошло успешно.

Глава службы безопасности сморгнул.

«А где, кстати, Лопе?» – внезапно подумал он.

24

На первый взгляд, в набеге участвовали поровну ездовые животные и тяжеловозы. Последние все еще использовались для многих полевых работ, особенно на фермах, которые специализировались на органической продукции. По мере того как смешанное стадо, уворачиваясь от стволов и прыгая через упавшие сучья, с громом неслось по все более густому лесу, Лопе отметил, что ни одно из животных не взорвалось. Несмотря на это, водитель их бронемашины стал выбирать дорогу еще осторожнее.

Сержант смотрел, как последние лошади исчезают из вида, когда Розенталь предостерегающе крикнула с заднего сиденья.

– Там! – она схватила водителя за правое плечо и ткнула рукой вправо. – Туда, к роще больших дубов!

Водитель послушно повернул, и Лопе, через которого словно пропустили ток, увидел, на что указывала Розенталь. Два тяжеловоза, першероны, не смогли убежать вместе с остальным стадом.

«Какого дьявола?..»

Одна лошадь лежала на земле совершенно неподвижно с открытыми, немигающими глазами. Все четыре ее ноги были полностью вытянуты. Из машины был ясно виден аккуратный разрез от паха до груди. Крови не было. Не заметил сержант и вывалившихся внутренностей или внутренних органов. Зато внутри оказалось достаточно места для множества механизмов, приборов – и пассажира.

Першерон был месином – частью механизмом, частью синтетическим организмом. Лопе знал, что для функционирования такого создания требовались механические компоненты. Лошадь не была полностью выращенной, как назначенный на «Завет» синтет модели «Уолтер». Композитная жизненная форма придавала новое значение понятиям лошади и наездника. Также она предоставляла несравненную маскировку – такую, которой никто не предвидел. Второй месин, неотличимый от первого, продолжал двигаться взад и вперед, словно пилот преследовал кого-то среди деревьев. Стволы здесь росли слишком тесно для машины – еще один аргумент в пользу лошадиных синтетов.

Лопе с Розенталь выскочили из машины, на ходу доставая пистолеты. Пока Лопе приказывал водителю оставаться внутри и наблюдать, Розенталь бросилась направо. Сержант взял левее, и вдвоем они осторожно приблизились к месту стычки.

Позади месина виднелись два человека, которые отступали в лес. Один из них, гибкий мускулистый мужчина, одной рукой удерживал перед собой второго. Другой рукой он прижимал к шее пленника дуло небольшого пистолета.

Внезапно конемашина открыла рот и выплюнула в его сторону несколько мелкокалиберных пуль, угодивших в землю слева от пары. Лопе предположил, что это были предупредительные выстрелы. Ни одного из двоих мужчин он не узнавал.

Укрывшись за деревом, Лопе кивнул Розенталь, и та последовала его примеру. Потом сержант выглянул из-за ствола, прицелился и крикнул:

– Говорит сержант Дэниел Лопе, силы безопасности «Вейланд-Ютани»! Назовитесь!

– Едзи Нгата, коденбуси, – немедленно ответил человек с пистолетом, не сводя, впрочем, глаз со второго месина. – Специальный агент «Вейланд-Ютани», токийский отдел! – он попытался кивнуть на мужчину, которого тащил за собой. – Я задержал некоего Дункана Филдса, так называемого пророка организации, которая размещается на этой территории!

Не успел он закончить говорить, как голова месина повернулась в направлении Лопе и выпустила очередь, выбившую кору и куски древесины с дерева позади сержанта. Нырнув за ствол, он прицелился и начал стрелять. Справа раздались выстрелы из пистолета Розенталь.

– Цельсь в голову! – он видел, как под ударами пуль от месина отлетают клочки синтетической плоти. – По глазам!

Пытаясь справиться с новой угрозой в лице сержанта и его спутницы, оператор внутри фальшивого першерона попадал только в деревья. Розенталь в очередной раз продемонстрировала исключительные способности, выбив одну из камер-глаз месина. Когда Лопе удалось разбить вторую, органо-механический конструкт зашатался, но пули продолжали, хотя и с перерывами, лететь из встроенного в рот ствола.

Это дало время Едзи затащить пленника за дерево. Нгата тяжело дышал от попыток удержать его между собой и вторым месином.

– Благодарю, сержант Лопе! – крикнул он. – Идти дальше становилось непросто.

Он осмотрелся по сторонам из-за дерева, куда затащил Филдса. Потом оба нырнули за старый сикомор, за широким стволом которого оказалось предостаточно места для укрытия.

Лопе кивнул и выглянул из-за дуба. Месин, все еще остававшийся на ногах, снова куда-то заковылял. Оператор

перестал стрелять.

– Оставайтесь на месте! – закричал Лопе и скривился, глядя на пленника агента. – Для человека, который доставил столько неприятностей, ты не слишком впечатляюще выглядишь.

Филдс давно перестал сопротивляться сильной хватке Нгата, но взгляд сержанта он встретил, не дрогнув.

– Я никогда и никому не хотел причинять вреда. Я просто рассказываю людям то, что вижу в снах. Это они решили попытаться спасти человечество от него самого.

С точки зрения сержанта, он выглядел скорее усталым и смирившимся, чем злым.

– Теперь я всего лишь хочу, чтобы все закончилось, – добавил Филдс.

– Может, тебе стоило доверить спасение тем, кто лучше для этого подходит, – огрызнулся Лопе.

Прежде чем Филдс успел ответить, сержант вышел из-за ствола дуба. Дав знак Розенталь, он низко пригнулся и двинулся вперед. На ходу Лопе постоянно менял направление движения, никогда не двигаясь по прямой.

Осторожность оказалась излишней. Месин с выбитой оптикой был слеп. Приблизившись к шатающейся лошади сзади, Лопе тщательно прицелился в левое заднее колено и жестом указал Розенталь на сустав левой передней ноги. Затем сержант махами руки отсчитал до трех и рявкнул:

– Давай! – после чего сделал несколько выстрелов.

Колени раскололись, разбрасывая плоть и осколки. Месин упал на землю, а его оператор попытался открыть огонь по невидимым врагам. Он продолжал стрелять, пока несколько щелчков не возвестили о том, что в механической лошади закончились патроны.

Лопе жестом приказал Розенталь держаться правее и занял позицию со стороны брюха месина. Помня о взрывном самосожжении Глайнис Хейзелтон в городском переулке, оба держались на безопасном расстоянии. Хотя месина ослепили и обездвижили, уши у него оставались.

– Повторяю, говорит сержант Дэниел Лопе из службы безопасности «Вейланд-Ютани»! Вы окружены. Ваш пророк пойман. Вы обездвижены. Мы не войдем в зону действия ваших оружейных систем, и вы больше ничего не можете сделать, – он крепче сжал рукоять пистолета. – Нет смысла жертвовать собой. Выходите с поднятыми руками. Если я увижу хоть малейший признак ловушки или скрытой бомбы любого вида, то пристрелю вас без колебаний.

Ответа не было. Розенталь бросила на начальника

вопросительный взгляд. Лопе жестом призвал ее к терпению. Нгата, расположившись позади, отдыхал, удерживая пленника.

Изнутри месина донеслось механическое жужжание, и его живот открылся. Из операторского гнезда выкатилась миниатюрная женщина, держа руки над головой. Сержант немедленно взял ее на прицел. Женщина поднялась, спокойно отряхнулась и попятилась. Лопе медленно пошел следом, сохраняя ту же дистанцию.

– Стой, – он взмахнул дулом пистолета. – Остановись.

– Простите, сержант, – Юкико развела руки в стороны, демонстрируя отсутствие оружия, пульта или хоть чего-то, способного взорвать скрытую бомбу. – Я должна уйти, прежде чем прибудут остальные ваши люди. Вы сказали правду. Я жертвовала – но этого оказалось недостаточно. Пока еще нет, – в голосе ее слышалось напряжение, а выражение лица было мрачным. – Я не боюсь отдать свою жизнь на службе человечеству. И я продолжу делать все, что могу, во имя пророка. Чтобы спасти наш недостойный вид от…

– Знаю, знаю, – Лопе следовал за ней. – Там водятся демоны. Жаль разочаровывать, но там нет ничего кроме межзвездного газа, пыли и – если нам повезет – нескольких пригодных для жизни планет. Ты зря потратила время. И продолжаешь это делать прямо сейчас. Ложись на землю и руки за спину.

Она покачала головой и не остановилась. Лопе прикинул, не стоит ли броситься вперед и повалить женщину. Та была значительно меньше его самого, но он не знал, не прячет ли она чего-нибудь смертоносного в одежде или на худом теле.

– Я буду стрелять, – предупредил он еще раз.

Женщина слегка пожала плечами.

– В таком случае, это поистине завершит мою жертву, сержант. Давай, стреляй, – с этими словами она повернулась на месте и бросилась бежать.

Юкико успела сделать два шага, прежде чем наткнулась прямо на правый кулак Розенталь. Она была настолько поглощена разговором с Лопе, что не заметила, как Розенталь их обошла.

Лопе рысцой подбежал к ним. Встав над потерявшей сознание женщиной, он убрал пистолет в кобуру и одобрительно кивнул Розенталь.

– Ты шустрая.

– Надеюсь, что всегда буду достаточно шустрой, – Розенталь достала из заднего кармана пару стандартных наручников, опустилась на колени и начала сковывать руки пленницы. В процессе она кивнула в направлении дерева, за которым скрывались пророк Спасителей Земли и тот, кто его захватил. – К

слову, откуда взялся этот симпатяга?

– Он сказал – Токио, – отрывисто ответил сержант и повернулся, глядя в ту же сторону.

– Как он здесь оказался? – надев наручники, Розенталь начала проверять женщину на наличие мин-ловушек. Пленница, приходя в себя, застонала, но Розенталь действовала поразительно эффективно. – Ты о нем знал?

Лопе покачал головой. На его лице мешались раздражение и восхищение.

– Его присутствие соответствует кое-каким историям о том, как старик предпочитает работать. Тем, что мне доводилось слышать. Это очень похоже на Ютани: послать кого-нибудь, кто будет действовать по своему усмотрению, на периферии таких вот операций.

Удовлетворившись проверкой, Розенталь поднялась.

– Значит, Ютани не доверяет собственным людям в боевой обстановке? Не верит нам?

– Думаю, дело не в этом. Скорее похоже на подстраховку, – он посмотрел на надежно связанного пленника. – Должно быть, Нгата крутился вокруг установленного Бевриджем периметра. Если бы не он, эта женщина с ее «пророком» могли бы успешно прогалопировать прочь вместе с настоящими животными, – сержант снова повернулся к дубу, который предоставлял ему убежище. – Нам следует его поблагодарить. Или, в любом случае, поздравить.

– Лучше бы поздравления были взаимными. Если бы не мы, он, скорее всего, не выбрался бы. Не смог бы тащить этого пророка до единственной проезжей дороги с месином, который наступал ему на пятки. А если бы он попробовал достать комм и вызвать подкрепление, мистер Пророк мог бы вырваться. И тогда он остался бы без щита.

Лопе принял задумчивый вид.

– Кстати, о подкреплении…

25

Бевридж испытал огромное облегчение, получив вызов от сержанта. Оставив своих людей завершать обыск фермерских построек, он велел водителю ехать на сигнал комма Лопе. Они съехали с дороги и вскоре прибыли туда, где осталась машина сержанта. Водитель указал на густую рощу старых деревьев прямо перед собой.

Пока Розенталь связывала пророка Дункана Филдса, Лопе представил Бевриджа неожиданному подкреплению из Токио. Мужчины обменялись профессиональными любезностями. Лопе позабавило, как старательно Бевридж делал вид, что благодарен за вмешательство Едзи, тогда как на самом деле разделение полномочий его немало разозлило.

Но сержант знал, что, учитывая результат операции, это не имело значения. Организацию Спасителей Земли фактически раздавили. Пророк и надзирающий совет были арестованы. Хотя, вероятно, на свободе осталось неизвестное количество исполнителей нижних уровней, без руководства они, скорее всего, канут в забвение.

Чтобы забрать двух пленников, прибыл грузовик, набитый вооруженными охранниками. Лопе почти предвкушал выражение лиц других Спасителей, когда к ним присоединится их пророк. Отвлекающий маневр не смог прикрыть попытку побега. Их превзошли и числом, и по вооружению, а «миссии» пришел конец.

Бевридж говорил с кем-то по комму: вероятно, сообщал начальству, что все цели достигнуты. Розенталь отвела пророка в наручниках к прибывшему грузовику. В результате японский оперативник остался стоять в одиночестве.

Лопе не торопясь подошел к нему. Заметив приближение сержанта, Нгата слегка поклонился. Выпрямившись, он улыбнулся.

– Мои благодарности вам с напарницей, сержант. Вы появились очень вовремя и очень кстати, хотя я и сам мог бы что-нибудь придумать.

– Возможно, – кивнув, резко ответил Лопе. – Или тебя после утраты контроля над пленником пристрелила бы фанатичка.

Улыбка Едзи застыла, но не исчезла.

– Могло случиться и такое.

– Случайно не ты прибыл сюда в темно-синей четырехместной машине последней модели? С отделкой под темную бронзу?

– Как ты узнал? – удивился Нгата.

Лопе хмыкнул.

– Я обращаю внимание на машины. Но вот кое-что меня удивляет, – Лопе указал на запад, туда, куда унеслось стадо настоящих лошадей. – Ты бродил где-то здесь, вдали от штурма, проводил собственную разведку. Внезапно появляется стадо лошадей, несется к тебе, прыгает через каменную ограду вокруг поместья. Вместо того чтобы спрятаться за деревом и убраться с их дороги, ты находишь двух фальшивых лошадей, двух месинов в стаде, насчитывающем около двух дюжин голов. И делаешь это за несколько секунд, – он пристально посмотрел на агента. – Как ты их определил? – он указал в лес. – Как ты выделил именно этих двоих? Не говоря о том, что одного из них ты пристрелил и вскрыл.

Улыбка Нгата стала шире.

– Поскольку я не участвовал непосредственно в штурме, у меня было достаточно времени, чтобы отслеживать переговоры. И их, и ваши.

Это сержанту не понравилось.

– Значит, ты знал, что эти двое пытаются прорваться…

Нгата кивнул.

– Но не подумал сообщить об этом кому-нибудь еще.

Ожидая ответа, сержант мрачно нахмурился.

– Не было времени, – пожал плечами Нгата. – Мне нужно было добраться туда и перехватить беглецов, чтобы им не удалось сбежать.

– По твоей оценке, – Лопе смотрел на него, не моргая.

– По моей оценке, верно.

– Что, если бы они все равно сбежали или убили тебя в процессе?

– Значит, я был бы виноват в неверной оценке ситуации, – спокойно ответил агент. – Сначала я поступил именно так, как ты описал, сержант. Когда я увидел, что в моем направлении движется стадо, я спрятался за деревом и принялся наблюдать. Стоило им приблизиться, и я быстро заметил, что две лошади, скачущие бок о бок, идут неестественным аллюром. Обычная лошадь так не смогла бы. Это был не просто необычный, а анатомически и физиологически невозможный шаг, – он пожал плечами. – Если бы я ошибся и застрелил настоящую лошадь, то чувствовал бы себя просто ужасно. Я люблю лошадей.

Лопе глубокомысленно кивнул.

– Значит, вот что тебя насторожило. Неестественный аллюр, – Нгата кивнул, и сержант добавил: – Я не ожидал такой любви к лошадям от действующего в одиночку оперативника «Вейланд-Ютани».

– В детстве на меня произвели большое впечатление достижения национального героя, Хироси Хокецу. Он был вдвое старше любого другого участника старых международных Олимпийских игр, самым старым участником за всю историю Японии.

Лицо Лопе прояснилось.

– Дай угадаю: конный спорт?

Нгата кивнул.

– Я хотел походить на него, но уход за лошадьми обходится дорого. Дороже пушек. Я сохранил страсть и к тому, и к другому, и слежу за событиями в обеих областях, – он повернулся и указал на лес. – Я сразу понял, что те два бегущих существа не могут быть настоящими лошадьми. Так что я рискнул и застрелил одно.

– Хорошая догадка. Хороший выстрел, – крякнул Лопе. – Мне тоже нравятся лошади. Предпочтительно слабой прожарки, – при виде выражения лица Едзи сержант поспешил его успокоить. – Шучу. Просто шучу. Идем. Я куплю тебе обед, когда мы доберемся до города, а ты расскажешь мне все, что узнал на брифинге перед прибытием.

– Всего я сказать не могу, – они направились к машине, на которой приехали Лопе и Розенталь. – Правила компании.

Сержант поджал губы.

– Меня устроит то, что ты вправе открыть. Все равно это уже неважно. Скоро я уютно устроюсь в гиперсне и не смогу никому ничего рассказать. Кроме того, – жизнерадостно добавил он, – я знаю отличный узбекский ресторан, где подают лошадиные стейки и… просто шучу, друг мой. Просто шучу.

Хотя в этот раз он говорил правду.

* * *

Конвой службы безопасности снова собрался на дороге, ведущей к фермерскому комплексу. Желание Лопе осуществилось: он присутствовал при том, как пойманный пророк с эскортом забирались в тот же грузовик, где содержались его задержанные товарищи. Однако вместо исполненных тоски и боли возгласов, пророка встретили лишь короткими кивками в знак узнавания. Выражения лиц пленников почти не изменились.

Такая реакция не имела смысла, и это сержанта встревожило.

Поимка пророка и совета разрушала всю организацию. И, казалось, до этого никому не было дела. Это не походило на поведение фанатиков. Они настолько верили в своих адвокатов? Ожидали выхода под залог? Если так, подумал Лопе, то они

сильно недооценивали степень влияния «Вейланд-Ютани» и злопамятность Хидео Ютани.

Или он что-то упустил?

«Слишком я много беспокоюсь, – сказал он себе. – Мы сделали более чем достаточно, помогли уничтожить не дающего нам покоя врага».

Пришло время немного расслабиться, насладиться последними видами, звуками и запахами Земли, прежде чем подняться на борт последнего челнока, идущего на «Завет». Прощай, мать-Земля, здравствуй, Мать, вездесущий искусственный интеллект корабля.

Там, по крайней мере, не таится никаких сюрпризов.

И все равно, все то время, пока Бевридж тряс его руку и говорил снова и снова об успехе операции, сержант не мог отогнать назойливые сомнения, вызванные неестественным спокойствием пленников.

* * *

Хидео Ютани не тревожил тайфун, который, согласно прогнозам, должен был обрушиться на острова. В его понимании настоящий, важный шторм уже закончился.

Нгата вышел на связь и принес хорошие новости. Спасители Земли, организация, которая отчаянно пыталась остановить запланированную отправку «Завета», была разбита. Ее так называемый «пророк» был пойман, а центр операций – захвачен. Как только специалисты «Вейланд-Ютани» получат шанс проанализировать записи и файлы организации, оставшиеся приспешники будут выявлены и схвачены.

Этот человек заслужил повышения… вот только такие агенты, как Нгата, не получали повышений. Их просто ценили и при надобности перемещали по карте.

«Еще одна фигура на шахматной доске, – сказал себе Ютани, глядя из окна высотных апартаментов. – На службе компании. В данном случае – на службе подготовки колонизации».

Разумеется, сам Ютани не доживет до прибытия корабля на Оригаэ-6. Это не имело значения.

Важно, что они убрали последнее препятствие, и человечество могло и дальше следовать своей судьбе. Зная, что все хорошо, Ютани заказал питье и устроился праздновать – он имел обыкновение делать это в одиночестве.

26

– Тебе прежде доводилось прыгать?

Розенталь, которая сидела напротив сержанта, изо всех сил прижимаясь к спинке откидного кресла, облизала губы и попыталась выглядеть спокойнее, чем себя чувствовала.

– Только на тренажерах.

Лопе глубокомысленно кивнул.

– Тренажеры. Это нормально, – он посмотрел на свою подчиненную и задумался, как бы ее подбодрить. – Ты же знаешь, опасности нет. Прыжок на орбиту в тысячу раз безопаснее, чем переход улицы в любом крупном городе.

– Я в курсе статистики, – Розенталь забилась в кресло еще глубже. – Она не отменяет того факта, что мы покидаем Землю и отправляемся в безвоздушное пространство.

– Если тебя так нервирует космос, – нахмурился Лопе, – какого дьявола ты подписалась на колонизацию?

Розенталь улыбнулась плотно сжатыми губами.

– Там всего два прыжка. С Земли на «Завет» и с «Завета» на поверхность Оригаэ-6. Думаю, я их переживу.

Возможность доказать свои слова представилась Розенталь с ревом двигателей челнока, стартовавшего из космопорта Уош. Лопе расслабился, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, включив музыку через слуховой диск. Розенталь напряглась всем телом. Казалось, что она даже не дышала, пока не выключились двигатели, и челнок не вышел на стыковочную траекторию в свободном пространстве.

Лопе приоткрыл один глаз, чтобы проверить ее состояние. Он надеялся, что если Розенталь будет тошнить, то ей хватит соображения воспользоваться вакуумной вытяжкой, вмонтированной в кресло. К удовольствию сержанта, Розенталь справилась если не с эмоциями, то хотя бы с желудком.

Он со вздохом выключил музыку и возобновил разговор. Пусть лучше Розенталь смотрит на него, а не на вращающуюся Землю в иллюминаторе. Он отвлекал ее до тех пор, пока надвигающаяся громада «Завета» не притянула к себе внимание, заставив ее забыть о тревоге.

К счастью, стыковка прошла гладко. Пройдя через главный шлюз и ощутив под ногами искусственную гравитацию корабля, Розенталь наконец расслабилась. Не дожидаясь, пока из челнока выберутся остальные пассажиры, а груз – включая личные вещи Розенталь – окажется на борту, они отправились встретиться с Дэниелс. Капитан был занят бесконечными предполетными

процедурами.

* * *

– Приятно снова видеть тебя на борту, сержант, – Дэниелс пожала руку Лопе, потом повернулась, чтобы оценить последнего новобранца команды безопасности. – Компания переслала твое досье, рядовой Розенталь. И Лопе добавил несколько добрых слов.

Позабыв о дискомфорте от нулевой гравитации, Розенталь посмотрела на начальника.

– Вранье. Сплошное вранье.

– Ну, хорошо, что ты осознаешь свои недостатки.

Все усмехнулись.

– Хочу проверить, как там команда. Дать им знать, что я вернулся, – сказал Лопе.

Дэниелс кивнула и улыбнулась Розенталь.

– Я покажу тебе каюту. Думаю, она окажется больше, чем ты ожидала, особенно для одного члена экипажа. Не то чтобы это было так уж важно, поскольку большую часть пути мы проведем в гиперсне, но у нас тут есть некоторые излишества, которые тебе понравятся. Обеденные и тренажерные залы, если захочется общения во время бодрствования – в периоды обслуживания корабля и перезарядки. Просторные душевые. Важна каждая мелочь, когда ты в световых годах от дома.

– Спасибо, – Розенталь подстроилась к шагу суперкарго. – Я привезла с собой столько вещей, сколько влезло.

Дэниелс понимающе кивнула.

– Предметы, которые кажутся пустячными, приобретут огромное значение, когда мы высадимся и начнем строить колонию. По крайней мере, так говорят психиатры, – некоторое время они шли молча, потом Дэниелс продолжила: – По официальным сообщениям внизу все решилось, и нам больше не о чем беспокоиться. Я так понимаю, ты помогла с этим «решением».

Розенталь коротко кивнула.

– Это была группа антиколонизаторских фанатиков. Убежденных, хорошо организованных и с деньгами. С ними разобрались. И – да, я в этом участвовала. Немного. Незапланированно, – она пожала плечами. – Подавала заявление на последнюю незанятую вакансию на «Завет», и тут все завертелось. Быстро.

Это возбудило в Дэниелс интерес.

– Когда мы отправимся, тебе придется все мне рассказать.

Лицо Розенталь выразило сомнение.

– Я не уверена, можно ли. Не знаю, что закрытая информация, а что – нет.

Дэниелс снова улыбнулась.

– Не думаю, что тебя придут арестовывать за выдачу каких-то сведений. Если хочешь, можно будет подождать до выхода из прыжка для первой перезарядки и обслуживания. У нас будет полно времени поговорить. Во время этих пауз ничего серьезного не происходит.

С каждым шагом их разговор становился все менее скованным, все более близким. Розенталь скоро поняла, что Дэниелс ей нравится. В путешествии на десятки световых лет это было важным качеством. Даже с учетом того, что большую часть времени предстояло провести без сознания.

* * *

«В Варзазате жара без конца», – так начинался припев. Сама песенка, немалая часть которой состояла из непристойностей и слов на других языках, была длиннее, но ни один из пилотов челнока не был в настроении петь ее целиком.

Хотя в зоне ожидания для персонала и обслуживания было достаточно комфортно, и два пилота отдыхали с холодными напитками, глядя на горячих девушек из видео, снаружи температура часто превышала пятьдесят градусов по Цельсию. Ничего необычного в этом северо-восточном углу Сахары позади гор Атлас.

К северу от космопорта Варзазат ровными рядами, как в армии, выстроились миллионы солнечных батарей. Они тянулись чуть ли не до южного берега Средиземного моря, снабжая энергией лампы, машины, общественный транспорт, всю электронику и – что было важнее всего – воздушные фильтры на территории от древних Италии и Испании до задыхавшихся от загрязнения центральных зон континента. Эти батареи, которые было видно из космоса, образовывали один из многих подобных кластеров на планете. Но даже таких не хватало, чтобы произвести достаточно чистого электричества для утоления безмерного энергетического голода разбухшего населения.

Менее чем за час до отправки, к паре пилотов присоединились двое коллег. Новички выглядели свежими и полными сил, словно они ухитрились проделать весь путь от общежитий до зоны ожидания, не выходя наружу.

– Патрик Ерд, – представился новоприбывший и указал на спутницу: – Ильза Спаардер. Мы пришли вас сменить.

Ближайший к ним пилот, стройный мужчина по имени Санчес, нахмурился и поднялся с дивана.

– Ничего не слышал о смене, – он взглянул на напарника, но тот выглядел не менее удивленным.

Ерд озадаченно переглянулся со спутницей, потом достал комм, повозился с кнопками и протянул прибор Санчесу. Тот глянул на данные, вытащил собственный комм и настроил его на прием. Обмен данными произошел практически мгновенно. Санчес снова изучил прибор и с удивленным видом повернулся к напарнику.

– Кирпати, глянешь?

Последовал еще один обмен информацией между коммами. Новички терпеливо ждали. Наконец первый пилот сконфуженно посмотрел на Ерда.

– Кажется, все верно. Жаль, об этом не сообщили раньше. Мог бы остаться в Фезе, – с таким видом, словно ему пришла запоздалая мысль, он добавил: – Не возражаете, если мы свяжемся с центральным управлением?

Женщина пожала плечами:

– Вперед. Всегда полезно перестраховаться.

Пилот кивнул и занялся коммом. Вскоре он пробурчал что-то неразборчивое и повернулся к товарищу:

– Все в порядке.

– Почему? – спросил тот. – Мы готовы к полету. Какой смысл производить замену так незадолго до старта?

– Эй, – вмешался Ерд, – если вы, парни, хотите пренебречь приказом, мы с Ильзой с радостью останемся тут. В бассейне общежития сменили воду, и…

– Нет-нет, – поспешно ответил Кирпати. – Поднимайте челнок. Уверен, вы уже видели декларацию. Обычная доставка припасов. Уже бывали на Станции Девять?

– Несколько раз, – его сменщик ободряюще улыбнулся. – А Ильза еще больше меня. Я обычно работаю на Барли или Турфане.

– Хорошо, – пока Кирпати поднимался с дивана, первый пилот уже направился к двери. – Осталась только финальная проверка. Предварительные мы уже провели. Двигатели, жизнеобеспечение, все в норме. Полет чисто грузовой, пассажиров нет.

– Мы знаем, – сказал Ерд. – Хорошего вам отдыха. Вздремните там за нас и не давайте верблюдам ссать в бассейн.

– Сматываемся.

К двери пилоты неслись наперегонки.

Оставшись одни в комнате для обслуживающего персонала, новые пилоты не стали тянуть. Вместо того чтобы отдохнуть, как делала предыдущая команда, они направились к кораблю. Пройдя несколько электронных контрольно-пропускных пунктов и один пост с живыми охранниками, они добрались до припаркованного транспортера. Как и сказали прежние пилоты, он был полностью забит припасами для Станции Девять.

Оказавшись на самом челноке, они представились внутреннему ИИ и устроились в креслах. Затем выполнили серию контрольных проверок, по пункту за раз. Когда челнок оказался готов к вылету, они сообщили об этом диспетчерской порта и немедленно получили разрешение на взлет.

Одновременно запустились все шесть двигателей, и тяжело нагруженный корабль оторвался от земли. Не прошло и нескольких минут, как он оказался выше заснеженной вершины горы Тубкаль. В скором времени они прошли верхние слои стратосферы. Пилоты уменьшили тягу и внесли несколько изменений в заранее заданный маршрут. Они работали молча, не обменявшись ни единым взглядом. Их полностью поглотила задача.

Задача, которая не включала в себя доставку припасов на Станцию Девять.

27

Дэниелс была занята в грузовом отсеке, когда ее комм издал тревожный сигнал. Передача шла по закрытому каналу и предназначалась только для действующих членов команды. Суперкарго скорчила гримасу, после чего сказала двум стоящим рядом с ней в ожидании указаний мужчинам:

– Доделайте без меня, – она указала на островок пространства между двумя рядами огромных машин для терраформирования. – К тому же мы тут почти закончили. Пройдитесь последний раз по списку и проверьте, что все как следует закреплено. Я должна скоро вернуться.

Их заверения, что все будет сделано, прозвучали ей в спину: Дэниелс уже торопливо шагала к выходу из ангара. Сигнал тревоги звучал настойчиво и призывал всех ключевых членов команды на мостик «Завета». Без объяснения причин.

«Вероятно, внеочередная учебная тревога», – сказала она самой себе. Мать постоянно проворачивала такие штучки – не только чтобы проверить, что команда знает свое дело, но и чтобы не оставить им шанса облениться. Дэниелс утешила себя тем, что вернется обратно на склад всего через несколько минут и доделает сегодняшнюю порцию декларации. Из-за потери времени она не переживала: пока она, Джейкоб, Орам и Карин все не подпишут, «Завет» все равно никуда не отправится.

Оказавшись на мостике, она поразилась выражениям лиц остальных членов команды. Ее муж стоял между Теннесси и Фарис – оба пилота сидели – и пристально смотрел на проекцию, что зависла над консолью прямо перед ним. Самым странным было то, что он едва взглянул на Дэниелс, когда она к нему подошла.

«Может, это и не учебная тревога», – подумалось ей. Ее мысль тут же прыгнула к наемному рабочему «Ютани», который пытался саботировать корабль, но не преуспел. Впрочем, со времени той неудачной попытки меры охраны были усилены, и теперь даже таракан не проскользнул бы на «Завет» без кода доступа.

Из-за того, что Лопе тоже присутствовал, сердце Дэниелс забилось чаще. Во время учебной тревоги начальнику службы безопасности полагалось двигаться к оружейной шахте доступа к двигателю или же к отсеку с погруженными в гиперсон колонистами, но не на мостик. Определенно, что-то здесь было не так.

Она встала позади Джейкоба и положила ему руку на плечо. Он едва успел ей поспешно улыбнуться и тут же снова вернул все

внимание проекции, висевшей между двумя пилотами.

– Привет, милая, – сказал Джейкоб. – У нас тут проблема. Может, серьезная.

Его тон звучал настолько мрачно, что Дэниелс прежде такого слышать не доводилось.

– Никаких «может» на этот счет, капитан, – уточнила Фарис, не отрывая взгляда от приборов. – Он не только не замедляется, он продолжает разгоняться.

Дэниелс запуталась:

– Кто не замедляется? Что продолжает ускоряться?

«Какого черта здесь происходит?»

– Грузовой челнок поперек курса, дорогуша.

Теннесси – здоровяк с растрепанной бородой и в своей характерной ковбойской шляпе – говорил напряженно и отрывисто. Это сильно отличалось от его обычного расслабленного и тягучего говора.

Дэниелс все еще не понимала:

– И что не так?

– Его нет в расписании, – Фарис указала на данные приборов слева от себя. Последнее судно доставки отбыло час назад. И следующего нет в расписании до 18:00 по времени «Завета».

Дэниелс глянула на показания ближайшего хронометра и увидела, что до 18:00 оставалось еще три часа.

– Особая доставка? – рискнула она предположить. – Добавочный груз?

Она, конечно, знала, что ничего подобного быть не могло, но хотела попытаться найти объяснение. Со своего поста у центра связи на нее оглянулась Апворт и покачала головой:

– Мы проверили в Центре. В нашу сторону лететь ничего не должно.

– И они до сих пор не включили тормозные двигатели, – Теннесси работал с консолью, словно пианист на концерте, а его глаза стреляли от одной проекции данных к другой.

– Какой самый худший сценарий? – спросил его капитан Джейкоб.

Пилот произвел быстрые подсчеты.

– Они нас протаранят. Пока не могу сказать, в какой точке – шатл еще слишком далеко. И, где бы они ни ударили, произойдет взрывная декомпрессия. Будут пострадавшие – в зависимости от того, кто окажется в точке столкновения. Может, команда, может, колонисты, может, и те и другие. Но если это случится с теми, кто погружен в гиперсон, то они хотя бы не поймут, что случилось.

Он помедлил, потом мрачно добавил:

– Если они ударят в любую часть главного двигателя, то «Завет» никуда не полетит еще долго. Если вообще когда-нибудь полетит.

– Мы пытались с ними связаться, – Рикс был мужем Апворт и вторым офицером связи. Он метнул быстрый взгляд на посерьезневшую Дэниелс. – Они ответили сразу же. Сказали, что везут «дополнительное снаряжение». У них на каждый вопрос был готов ответ.

– Может, они говорят правду, – предположила Дэниелс.

Фарис раздраженно покачала головой:

– Это не объясняет их скорости. Про это мы их тоже спрашивали. Они ответили, что произведут более резкое торможение, – одним пальцем она постучала по консоли перед собой. – Только расчеты не сходятся. Даже если они включат тормозные на полную прямо сейчас, их все равно пронесет мимо. Все больше похоже на то, что они намерены врезаться прямо в нас.

– Так… это камикадзе, – обернувшись, Дэниелс перехватила взгляд молча наблюдающего Лопе. Он тихо подошел и встал позади нее. – Мне казалось, ты говорил, что компания разделалась с тем гнездом безумцев. Что всех их захватили. Или это шайка каких-то новых и совсем других безумцев?

Он только чуть пожал плечами.

– Маловероятно. Скорее, похоже, что в первом заходе мы могли пропустить парочку. Те, кого мы взяли под стражу, выглядели слишком расслабленно, когда их уводили. Ни воплей, ни протестов. Теперь я понимаю, почему они были так спокойны. Они уже запустили этот план в действие. Учитывая, что они уже не раз убивали во имя их «дела», меня нисколько не удивляет то, что сейчас они готовы принести в жертву всех на борту «Завета», лишь бы остановить миссию. Они именно настолько психованные, – он переключил внимание на пилотов и спросил Теннесси: – Ты можешь двигаться? Убраться с их дороги?

Теннесси хмуро глянул на него в ответ:

– Этот корабль – не гоночная яхта. «Завет» – колонизаторское судно. Даже если бы у нас было время, мы не смогли бы уклониться. Их орбита пересечется с нашей через какие-то минуты, не часы. А мы еще не закончили погрузку и не готовы к отправке. Мы не можем включать главный двигатель – это может саботировать миссию столь же успешно, как и столкновение. Может убить нескольких колонистов в процессе. Мы тут застряли.

Джейкоб повернулся к главе службы безопасности:

– Какое у нас есть оружие?

– Как и следовало ожидать, – несмотря на серьезность

ситуации, Лопе сохранял спокойствие. – Легкое вооружение. М90 и тому подобное. Ничего, что сработало бы в ситуации «корабль против корабля», чтобы остановить надвигающийся шаттл. Ничего с достаточной силой взрыва или массой.

Он посмотрел на Дэниелс:

– Как насчет того, чтобы использовать что-нибудь из оборудования для земляных работ?

У нее ушла всего секунда, чтобы ответить:

– Что-то, вероятно, может и сработать, но все упаковано и надежно закреплено. Недостаточно времени, чтобы вытащить и подготовить.

– Проклятье, нам нужно что-то больше, и прямо сейчас. Что-то достаточно большое, чтобы хотя бы сбить их траекторию, – Джейкоб посмотрел на жену. – Мы можем сбросить какие-нибудь тяжелые механизмы из грузового шлюза?

– Можно было бы, – ответила Дэниелс после недолгого размышления. – Если мы сможем развернуть корабль, и идеально его нацелить, и найти что-то, что придаст начальный импульс.

– Как загарпунить мелкую рыбешку в реке с крыши небоскреба, – проворчал Теннесси. – Нужно что-то побольше и более маневренное.

Тут Дэниелс осенило.

– На «Завете» есть два посадочных модуля для разведки и чрезвычайных ситуаций. Не думаю, что в компании кто-то не согласится с тем, что текущая ситуация отвечает параметрам чрезвычайной, – сейчас на нее смотрели даже пилоты. – Мы вышлем один на перехват.

Теннесси посмотрел на свою жену:

– Может сработать. Посадочный модуль не такой большой, как грузовой шаттл, но достаточно крупный. Особенно, если все двигатели будут врублены на максимум.

Фарис согласно кивнула, но затем помедлила:

– Но если нам понадобится модуль на Оригаэ-6?

На это у Дэниелс был готов ответ.

– Скорее всего, нам не потребуется ни один из них. Как только «Завет» спустится на планету, он уже не взлетит снова. А если даже вдруг понадобится – у нас останется второй модуль, – она указала на данные, висящие перед ее мужем. – Если мы быстро что-нибудь не сделаем, чтобы остановить этот челнок, мы никогда не увидим Оригаэ-6, и будет уже не важно, сколько у нас на борту модулей.

– Тогда под мою ответственность, – Джейкоб повысил голос: – Мать! Подготовь посадочный модуль-два для экстренного вылета.

Ответа долго ждать не пришлось. Голос корабельного ИИ

звучал успокаивающе и уверенно:

– Модуль-два готов к отправке.

– Хорошо. Программа на перехват приближающегося шаттла.

Голос не изменился.

– Я не могу этого сделать, капитан.

Теннесси ругнулся себе под нос, пока Фарис и два более молодых офицера связи боролись с собой, чтобы сохранить спокойствие.

– Почему нет, Мать? – напряженно спросил Джейкоб.

– Такой перехват приведет к уничтожению оборудования, предназначенного сугубо для использования в рамках проекта колонизации. Я не могу исполнить ваш запрос без официального подтверждения от группы контроля колонии «Вейланд-Ютани».

– На хер группу контроля колонии «Вейланд-Ютани»! – заорал Джейкоб. – Если приближающийся шаттл не будет перехвачен, не будет ни колонии, ни группы контроля, чтобы что-либо подтверждать! Программа на перехват! Чрезвычайная ситуация, код Ди-Джей-Кей Двадцать один.

– Мне жаль, капитан, – ответил спокойный, чертовски нечеловеческий голос. – Я не могу исполнить ваш запрос, поскольку это приведет к уничтожению оборудования, предназначенного для использования в рамках проекта колонизации.

Пока Джейкоб на грани инфаркта продолжал спорить с корабельным ИИ, Дэниелс наклонилась ближе к Фарис и прошептала:

– У нас нет времени на семантические споры с компьютером. Ты можешь обойти управление Матери?

Фарис глубоко призадумалась.

– Не с мостика. Кому-то надо подняться на борт модуля и вручную отключить связь с «Заветом». Потом надо будет вручную запрограммировать модуль на предполагаемый перехват. Программирование получится не таким точным, как если бы его осуществляла Мать, но кто-то, кто знает, что делает, мог бы… эй!

Поднявшись из кресла, Теннесси уже направлялся к выходу. Обернувшись, он ухмыльнулся и послал жене воздушный поцелуй.

– Я займусь этим, дорогая! – переключив внимание на капитана, Теннесси не стал показывать тому столь же чувственный жест. – А ты пока скажи гребаной королеве микросхем, чтобы не путалась у меня под ногами!

– Погоди, Теннесси! – Джейкоб подался было к здоровяку, но пилот уже вышел с мостика. – Чертов дурак!

– Если кто и может это провернуть, так это Теннесси! –

возразила Фарис. Затем ее голос потускнел: – Единственная проблема в том, что если, пока он внутри, Мать все же решит подчиниться твоему приказу и пошлет модуль…

– Скажи ей этого не делать, – резко обратилась к мужу Дэниелс. – Скажи ей игнорировать все, кроме обычного поддержания корабельных функций. Скажи ей… нет, отмени это. Не говори с ней вообще. Игнорируй ее.

Сказать больше было нечего, так что они принялись ждать. К большому облегчению всех на мостике, сама по себе Мать не предлагала информации или рекомендаций, так что вскоре – даже скорее, чем ожидалось – в динамиках раздался голос Теннесси.

– Я на месте, – сказал он. – Отключаю межкорабельную связь. Модуль готов к запуску… Мать на этот счет была права.

Фарис наклонилась ближе к передатчику:

– Тен, если ты отрубишь всю связь, мы не сможем тебя слышать. Тен?

Ответа не последовало.

Ничего нельзя было поделать, оставалось только ждать. Ждать – и следить за разгоняющимся грузовым шаттлом. Ждать – и надеяться, что Мать внезапно не решит, что опасность, которую представляет неурочное судно, перевешивает приказы защищать собственность компании, и каким-то образом не отправит отрезанный от нее посадочный модуль на перехват. С Теннесси на борту.

Казалось, что время ползет мучительно медленно, но к идеям Эйнштейна это отношения не имело. Раздавалось бормотание, когда они принимались обсуждать ситуацию. Лопе обдумывал, не поднять ли по тревоге остальных членов команды безопасности, но не видел смысла дергать их без необходимости. Они ни в малейшей степени не могли помочь, а кто-то мог и поддаться панике. А в состоянии паники люди неизбежно заканчивали тем, что травмировали сами себя.

Сдвинувшись вправо, Джейкоб рассматривал данные, что висели над консолью. Здесь изображалась крошечная схема, показывающая надвигающийся грузовой шаттл. Он мог бы подойти к иллюминатору и выглянуть наружу, но смысла в этом не было. К тому моменту, как шаттл окажется достаточно близко, чтобы его стало видно невооруженным глазом, у них не останется времени даже на то, чтобы крикнуть.

Периодически Фарис пыталась наладить контакт с мужем, но результат всегда был одним и тем же – нет ответа. Через некоторое время она обернулась к Дэниелс.

– Теннесси знаменит своими глупостями. Ты не… ты не

думаешь, что он оказался настолько глупым, чтобы вывести модуль на ручном управлении… нет?

– Нет, – впрочем, Дэниелс не могла избавиться от мысленной картины, в которой Теннесси с вызывающим ревом лично пилотирует модуль прямо на приближающийся грузовой шаттл. – Нет, Теннесси этого не сделает. К тому же, – ободряюще добавила она, – ты его знаешь. Если бы он намеревался это сделать, то не стал бы от нас скрывать. Он бы орал об этом в голос.

– Да-а. Да, это точно, – в голосе Фарис звучало облегчение. – Идиот нес бы свой идиотизм как медаль. Он запрограммирует модуль. Просто запрограммирует.

Дэниелс улыбнулась, и кивнула.

– Я в этом уверена.

Но про себя она подумала: «Мне бы хотелось, чтобы он нашел способ с нами связаться».

– Было бы неплохо, если бы он знал, что делает, – пробормотал Джейкоб. – У нас будет только одна попытка. Если программа не сработает, или будет не тот порядок запуска двигателей – что угодно случится и модуль промахнется, – тогда нам крышка.

Когда пришло время, Фарис сделала объявление – настолько бесстрастно, насколько смогла:

– Модуль ушел.

Все глаза обратились на проекцию, что висела справа от нее. Графика была достаточно внятной. Там был приближающийся грузовой челнок – еще далеко, но он придвигался все ближе к более крупному изображению, представлявшему собой «Завет». И виднелось еще одно маленькое изображение, двигающееся прочь от корабля-колонии и по направлению к шаттлу, которое могло быть только посадочным модулем.

И все еще отсутствовала связь с Теннесси.

«Где тебя черти носят, здоровенный уродливый кусок пилотского мастерства?» – со злостью думала про себя Дэниелс. Следующая мысль заставила ее ощутить вину: «Где мы найдем нового пилота за такое короткое время?».

– Он в пути, – раздался голос из коммуникатора, и все они едва сдержались, чтобы не кинуться обниматься.

Чуть позже в двери появился знакомый крупный силуэт. Теннесси тяжело дышал и обильно потел, но на его лице читалось возбуждение. Фарис, демонстрируя невероятный самоконтроль, осталась сидеть на своем месте. Дэниелс сомневалась, что смогла бы так же на ее месте.

– Готово! – по дороге к своему месту у панели управления Теннесси едва заметил, что Джейкоб хлопнул его по спине,

поздравляя. – Пришлось кое-что изобрести, пока программировал, но должно сработать.

– Если не сработает, – тихо сказал ему Джейкоб, – я найду тебя на том свете и выбью из тебя все дерьмо.

Теннесси покачал головой, не отрываясь от приборов.

– Не выйдет, кэп. Мы попадем в разные места, – пилот глянул на свою жену. – Ну как, милая?

Фарис с благодарностью приняла тот факт, что ей не придется вдовствовать на Оригаэ-6, и сосредоточилась на приборах перед собой.

– Близко, – пробормотала она. – Это будет очень близко.

– Даже если модуль слегка зацепит челнок, этого будет достаточно, чтобы сбить их с курса, – Джейкоб тоже внимательно изучал данные. Скоро все закончится… так или иначе. – Есть польза от их скорости: они сейчас как пуля – уже никак не смогут уклониться.

Не будучи в состоянии сделать еще хоть что-то, все наблюдали в тишине. Если модуль не сможет перехватить грузовое судно, у них останется только несколько секунд на реакцию, в какую бы часть «Завета» ни угодил удар. Правда, если столкновение произойдет в области мостика, у них не будет даже секунды. Дэниелс бочком подошла ближе к мужу, обняла его за талию и крепко прижала к себе. Несмотря на серьезность момента, Джейкоб нежно улыбнулся ей в ответ.

В космосе, слишком близко к «Завету», возникла яркая вспышка света. И быстро померкла. Грузовой шаттл и посадочный модуль летели с достаточными встречными скоростями, чтобы при лобовом столкновении оба по большей части превратились в пар. Получившееся облако обломков было достаточно маленьким и рассеянным, и не представляло собой угрозы колонизаторскому кораблю на орбите.

Внезапно они ощутили легкую дрожь от столкновения. Руки Теннесси затанцевали над панелью управления, пока он выяснял причины. Один из неиспарившихся кусков металла оказался достаточно большим и быстрым, чтобы нарушить целостность корпуса в районе грузового отсека номер восемь. Двери шлюзов тут же захлопнулись, изолируя отсек от остального корабля. И после запроса Мать заверила, что пробоина незначительна, и что ее можно будет заделать за пару дней.

Откинувшись в кресле, Теннесси сдвинул на затылок свою вечную ковбойскую шляпу, заложил руки за голову и глубоко выдохнул. Фарис рядом с ним нервно рассмеялась. Прочие на мостике выразили облегчение похожими способами. Только Джейкоб не расслабился и чуть повысил голос:

– Будь наготове, Мать, – сказал он. – Повышенная бдительность, пока мы не пересечем орбиту Сатурна.

– Я буду следить, капитан, – спокойно ответил ИИ. – Будь спокоен.

Внимательно работавший у своей станции Рикс посмотрел на остальных.

– Они наконец-то ответили на наши вопросы. Прямо перед столкновением.

Дэниелс и прочие обратили внимание на офицера связи.

– Ты смог записать что-нибудь? – спросил его Джейкоб. – Что они сказали?

Рикс еще раз сверился с оборудованием. На его лице читалось замешательство.

– Какую-то чепуху. «Ти-би-ди», – он уставился на коллег. – Кто-нибудь что-то понимает?

Теннесси покачал головой. Фарис пожала плечами. Когда минутка коллективного непонимания прошла, все вернулись к своим обязанностям, с благодарностью осознавая, что остались живы.

В полной мере зная значение последнего сообщения команды самоубийц, Лопе ушел проверить своих людей. Он не видел смысла объяснять аббревиатуру своим коллегам. Бред фанатиков можно отложить на другое время, если будет повод.

28

После того, как датчики сообщили о внезапном мощном взрыве в космосе в непосредственной близости от корабля-колонии, наземный персонал «Вейланд-Ютани» перешел в режим повышенной готовности. Риксу и Апворт вдвоем пришлось некоторое время успокаивать людей на Земле, убеждая их, что сам корабль и все, кто находится на борту, не пострадали. Также они дали понять, что капитан Брендон составит подробный отчет.

Страх и мрачные предчувствия, которые на время окутали экипаж, сменились грузом ежедневных обязанностей. К этому добавилась капелька обновленного интереса: им сообщили, что назначенный на корабль синтет прибудет со следующим пассажирским челноком.

Узнав о его предполагаемом прибытии, Фарис предложила провести что-то вроде торжественной встречи. Дэниелс, при поддержке Джейкоба, идею отклонила. Синтет был просто еще одной частью оборудования – как самоходный экскаватор или башня для очистки воды.

* * *

Новый и самый необычный член экипажа прибыл не один. Его сопровождали глава отдела неврологического проектирования «Вейланд-Ютани» и два исполнительных директора, отвечавших за программу синтетов. Группу у шлюза встречали Джейкоб и Дэниелс.

Пока Джейкоб обменивался с директорами – Харбисон и Гилеад – приветствиями и любезностями, Штейнмец держался позади. Дэниелс подумалось, что мужчина выглядит так, будто хотел бы оказаться сейчас где угодно, только не здесь. Она решила, что перед ней очередной преданный работе талантливый ученый с повышенным страхом космического пространства.

Синтет стоял рядом с ним. Он был спокойным и приятным на вид, и в выражении его лица оказалось больше тепла, чем ожидала Дэниелс. То, что он выглядел совершенно неотличимо от человека, было ожидаемо, но то, что она с трудом могла заставить себя воспринимать его как нечто полностью искусственное, стало сюрпризом.

Заметив ее взгляд, Штейнмец вышел вперед и нетерпеливо смахнув капли пота, усеявшие его выдающийся лоб. У синтета таких проблем не было. Отсутствие потовых желез, не

требовавшихся им для охлаждения, являлось одним из многих полезных качеств искусственных людей.

– Меня зовут Дэниелс, – она протянула руку главе отдела.

Штейнмец принял ее с очевидным облегчением. Он рад был ухватиться за что-то надежное.

– Суперкарго, – поняв, что Штейнмецу это ничего не говорит, Дэниелс добавила: – Я отвечаю за весь корабль и за снаряжение для колонизации, – она посмотрела на синтета. – К тебе это не относится.

Хотя Дэниелс была готова к тому, что синтет будет действовать точно так же, как любой другой человек, ответ ее все равно удивил.

– Меня зовут Уолтер, но вы, вероятно, это уже знаете. Я благодарен за исключение из списка корабельного снаряжения, – оно… нет, он улыбнулся. Для искусственной реакции улыбка оказалась на удивление приятной. – Мне бы не хотелось провести путешествие в коробке рядом с засушенными морепродуктами и бутылками витаминов.

– Не волнуйся, – оправившись от удивления, Дэниелс смогла улыбнуться в ответ и указала на оказавшихся неподалеку коллег. – Это нас большую часть пути провезут упакованными в ящики. Мы будем смотреть сны, пока ты занимаешься кораблем вместе с Матерью.

Синтет кивнул. Дэниелс заметила, что у него ярко-голубые глаза.

– Я уже установил необходимые связи с ИИ «Завета», – сказал Уолтер. – Мы хорошо сочетаемся. Это обещает успешную совместную работу в будущем.

– Мы все будем от этого зависеть, – заметив, что Джейкоб полностью погрузился в разговор с директорами и что беспокойный Штейнмец тоже присоединился к ним, Дэниелс показала налево. – Если ты готов, я покажу тебе каюту.

– Вы хотите сказать – мое парковочное место, – снова идеальная улыбка. – Разумеется, я способен прервать личную деятельность в любой точке корабля, но, если вам нравится называть это место «каютой», я с радостью соглашаюсь с этим определением.

– Ты очень покладист, – сказала Дэниелс, когда они ушли с разгрузочной пассажирской площадки.

– Разве могло быть иначе? – синтет чуть наклонил голову, глядя ей в лицо. – Вы тоже очень покладисты. Прошу, без колебаний задавайте любые вопросы. О том, как я работаю, о конструкции, о моих мыслительных процессах. Обо всем, что покажется вам интересным.

– Позже. Если хочешь, я покажу тебе весь корабль.

– Как вы и сказали: позже. Поскольку я довольно подробно ознакомился с планами «Завета», полный тур необязателен, но всегда есть дополнения. Новые вещи, которые стоит изучить. Я всегда рад получить новые инструкции. Также важно, чтобы я начал налаживать взаимопонимание, создавать личные рабочие отношения с другими членами экипажа. Я буду счастлив начать с вас.

– Ты мне льстишь, – они повернули в коридор, ведущий к каютам.

Впервые с того момента, как он оказался на борту, синтет выглядел немного неуверенным.

– Это не входило в мои намерения.

– Просто веду светскую беседу. Не обращай внимания.

Синтет кивнул, потом добавил:

– Поскольку миссия «Завета» окружена таким огромным количеством данных, что я не уверен в своей способности немедленно понять каждую деталь, не могли бы вы кое-что мне прояснить?

– Конечно. О чем речь?

Синтет на миг заколебался, что было странно. В числе прочего продвинутые синтеты колебаться были не должны.

– Самостоятельно отслеживая многочисленные источники внутри компании, я услышал, что недавно мы столкнулись с некоторыми… проблемами. Довольно серьезными происшествиями, которые вовлекали внешние сущности, враждебно настроенные по отношению к миссии колонизации.

Дэниелс задумчиво разглядывала синтета. Его должны были запрограммировать – заполнить – необходимой для успешных действий информацией. И все же, если она правильно поняла, что он имеет в виду, синтет в дополнение к этому учился на лету, чтобы лучше исполнять обязанности члена экипажа. Сколько она могла ему рассказать? Что ему стоило знать? Последнее, чего бы ей хотелось – это начинать отношения со лжи или уверток. Дэниелс решила сказать правду – без цензуры, но лишь необходимое количество, тщательно отмеренное.

– Верно, были сложности с группой людей на поверхности, которые не хотели продолжения миссии «Завета».

Синтет нахмурился. Дэниелс отметила, что хмурился он идеально.

– Зачем, – наконец, спросил Уолтер, – какому-то человеку выступать против колонизации?

Дэниелс тихо хмыкнула.

– Не все люди действуют согласно логике и разуму.

– Мне это говорили. С момента активации я во многих случаях замечал подобное и сам. У людей эмоции постоянно вмешиваются в процесс принятия решений, – он принял задумчивый вид. – Я могу имитировать эмоции. Идеально. Хочешь, чтобы я заплакал? В научном сообществе есть поговорка «даже андроиды могут плакать».

– Не сейчас, – они обогнули очередной угол. – Я верю тебе на слово. Или мы можем подождать, пока возникнет подобающая ситуация, и тогда ты удивишь всех просчитанной демонстрацией глубокого сочувствия.

– Еще я превосходно распознаю сарказм, когда его слышу.

Дэниелс вскинула руки.

– Ладно, признаю. Ты настолько человечен, насколько это возможно. Возможно, больше, чем некоторые известные мне люди.

– Или меньше, – задумчиво ответил синтет. – С нетерпением жду возможности самостоятельно открыть и испытать некоторые вещи. Так же, как предвкушаю предстоящую миссию.

– Вот правильный подход, – Дэниелс почувствовала, как к ней возвращается энтузиазм. – Мы с коллегами не сможем ничего чувствовать или узнавать вне циклов перезарядки, – она улыбнулась Уолтеру. – Но ты все это время будешь бодрствовать. Можешь рассказывать мне, что интересного видел во время периодов сна. Я буду на это рассчитывать.

Синтет улыбнулся в ответ.

– Не волнуйся. Я никогда тебя не подведу. Несмотря ни на что.

Об авторе

Алан Дин Фостер родился в Нью-Йорке в 1946 году и вырос в Лос-Анджелесе. Получив степени бакалавра политологии и магистра киноискусства в Калифорнийском университете (в 1968 и 1969), он два года проработал в небольшом рекламном агентстве в калифорнийском Студио-Сити.

Карьера писателя началась в 1968 году, когда Август Дерлет приобрел и опубликовал длинное лавкрафтианское послание Фостера. За этим последовали публикации рассказов в других журналах. Первый роман Фостера под названием «Тар-Айимский Кранг» приобрела Бетти Баллантайн. Он был опубликован в 1972 году издательством «Ballantine Books».

С тех пор в опубликованных романах Фостер обращался к таким жанрам, как научная фантастика, фэнтези, ужасы, детектив, вестерн, историческая и современная фантастика. Также он писал и не беллетристические произведения. В число его работ входят новеллизации многих фильмов, включая «Звездные войны», первые три киноленты из цикла «Чужие», «Чужой: Завет», «Хроники Риддика», «Звездный путь», «Терминатор: Да придет спаситель», «Пробуждение силы» и первые два фильма серии «Трансформеры». Его книги были переведены более чем на пятьдесят языков, и завоевали награды в Испании и в России.

Он любит путешествия и музыку – как классическую, так и хэви-метал. Прочие хобби включают пешие прогулки, серфинг без доски, дайвинг. Является рекордсменом штата и мира по пауэрлифтингу.

Фостер с женой живут в Прескотте, в доме, построенном из кирпича, оставшегося от разрушенного шахтерского борделя конца девятнадцатого – начала двадцатого веков. С ними дом делят несколько собак, кошек, рыбки, сотни домашних растений и зачарованное кресло бесчестного доктора Джона Ди.[17]

notes

Примечания

1

Здесь в оригинале явная игра слов: помимо смыслов «дело», «предприятие», слово *undertaking* имеет значения «похоронное бюро», «лавка гробовщика». Увы, адекватно передать это на русском языке не удастся – в таком виде ассоциация скорее с торговлей, что, в принципе, тоже могло бы расстроить капитана, радеющего о величии миссии. *Примеч. переводчиков.*

2

Японское слово, означающее «глупый», «раздражающий», иногда относится к раздражающей девушке. Синоним – «сука».

3

Японский аналог выражения «ты ублюдок» или «ты дерьмо».

4

Очень невежливый японский вариант слова «идиот».

5

Кат (*лат.* Catha) – монотипный род вечнозеленых кустарников. Листья ката используются для жевания в качестве легкого наркотика-стимулятора.

6

Японская азартная игра, напоминающая игру на бильярде-автомате.

7

Сараримен – японский термин, используемый по отношению к работникам, занимающимся нефизическим трудом (служащим), особенно находящимся на окладе у крупных корпораций. Аналог «белых воротничков».

8

Скорее всего, отсылка к раскрытому японскому вееру, который олицетворял движение вверх, развитие и процветание. Открытая форма называлась суэхирогари.

9

Распространенное наименование профессионального борца сумо.

10

Потомки людей, относившихся к касте «эта», «нечистые». Даже после отмены кастовой системы подвергались дискриминации.

11

Буквально «укорачивать палец», добровольное отрезание себе фаланги пальца в знак преданности или искупления вины.

12

Четвертая по величине карликовая планета Солнечной системы.

13

Высшее божество пантеона африканского народа йоруба.

14

В бейсболе – удар, пролетевший все поле и вылетевший за его пределы.

15

Удар, который позволяет набрать сразу четыре очка, т. е. когда на всех базах находятся игроки нападения.

16

Удар, после которого отбивающий игрок успел добежать до первой базы.

17

Хотя возможно имеется в виду Джон Ди (1527–1609) – средневековый математик, алхимик и астроном, которого подозревали в колдовстве, все же, скорее всего, это отсылка к Доктору Судьбе (настоящее имя Джон Ди) – персонажу серии комиксов «Лига Справедливости».